

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СОВРЕМЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

МОНОГРАФИЯ

*Под редакцией
кандидата экономических наук Е.В. Викторовой*

With the support of the
Erasmus+ Programme
of the European Union

*При поддержке программы
Erasmus + Европейского союза*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022

ББК 66.4
С56

С56 **Современное** европейское общество: трансформация идентичности : монография / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2022. — 177 с.

ISBN 978-5-7310-5611-3

Основная цель авторов монографии – проследить основные тренды и трансформации современного общества в ЕС и России, происходящие под влиянием общемировых процессов и глобальных вызовов.

Материалы монографии предназначены для широкого круга читателей, интересующихся данной темой; могут быть полезны экспертам и преподавателям университетов, студентам направлений обучения «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Социология», «Экономика».

ББК 66.4

Авторский коллектив: Ачкасов В.А. (1.3), Балабейкина О.А., Солодянкина Е.И. (2.6), Браницкий А.Г. (1.4), Вайнгорт В.Л. (2.4), Викторова Е.В., Власова Н.В. (введение), Григорьев А.В. (4.4), Гюнтер Й. (1.1), Завершинский К.Ф. (4.1), Захаров А.А., Иванушкина Е.В. (2.3), Киселева Л.С. (2.5), Кондратьева Н.Б. (1.2), Лосада Рамирес А. (3.2), Луковицкая Е.Г. (4.2), Подставко Е.Н. (3.3), Пронякина Е.Д. (1.5), Райнхардт Р.О. (2.1), Руснак А.П. (1.6), Федорова А.В., Хорохольцева Е.Б. (2.2), Флуд Н.А. (4.3), Шишкина Е.В. (3.4), Шогунц А.В. (3.1)

Поддержка Европейской комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения содержания, которое отражает только мнение авторов, и Комиссия не несет ответственности за любое использование информации, содержащейся в ней.

Рецензенты: **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Казаринова Д.Б., канд. полит. наук, доц., Российский университет дружбы народов

ISBN 978-5-7310-5611-3

© Коллектив авторов, 2022
© СПбГЭУ, 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
federal state budget educational institution
of higher education

“SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS”
(UNECON)

MODERN EUROPEAN SOCIETY: TRANSFORMATION OF IDENTITY

Edited by PhD in Economics E.V. Viktorova

With the support of the
Erasmus+ Programme
of the European Union

*With the support of the Erasmus+ Programme
of the European Union*

PUBLISHING HOUSE
OF SAINT PETERSBURG STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS
2022

LBC 66.4

Modern European Society: Transformation of Identity / ed. by PhD in Economic Sciences E.V. Viktorova – SPb. : Publishing house of UNECON, 2022. – 177 p.

ISBN 978-5-7310-5611-3

The main aim of the authors of the book is to trace the main trends and transformations of modern society in the EU and Russia, occurring under the influence of world processes and global challenges.

The materials of the book are intended for a wide audience interested in this topic; they can be useful for experts and university teachers, students of programmes “Foreign Regional Studies”, “International Relations”, “Sociology”, “Economics”.

LBC 66.4

Authors: Achkasov V.A. (1.3), Balabeikina O.A., Solodiankina E.I. (2.6), Branitskiy A.G. (1.4), Vaingort V.L. (2.4), Viktorova E.V., Vlasova N.V. (introduction), Grigorev A.V. (4.4), Günther J. (1.1), Zavershinskiy K.F. (4.1), Zakharov A.A., Ivanushkina E.V. (2.3), Kiseleva L.S. (2.5), Kondratieva N.B. (1.2), Lozada Ramirez A. (3.2), Lukovitskaya E.G. (4.2), Podstavko E.N. (3.3), Proniakina E.D. (1.5), Raynkhardt R.O. (2.1), Rusnak A.P. (1.6), Fedorova A.V., Khorolceva E.B. (2.2), Flud N.A. (4.3), Shishkina E.V. (3.4), Shogunts A.V. (3.1)

The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Reviewers: **Fadeeva L.A.**, Dr. in Historical Sciences, Prof., Perm State National Research University;

Kazarinova D.B., PhD in Political Sciences, Associate Prof., Peoples' Friendship University of Russia

ISBN 978-5-7310-5611-3

© Group of authors, 2022
© UNECON, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Глава 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ</i>	20
1.1. Европа как мировой лидер. Контекстное сравнение с Китаем, США и Россией	20
1.2. Взаимообусловленность цифровизации и европейских ценностей.....	47
1.3. Национальная и европейская идентичности как исторические нарративы	53
1.4. Польское «упрямство» и интеграционные процессы в современном ЕС ..	62
1.5. “Nordic Identity” и интеграционные процессы на севере Европы	66
1.6. Регионализация – якорь глобализации?	73
<i>Глава 2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ОБЩЕСТВО</i>	84
2.1. Вакцинная дипломатия: текущие проблемы и перспективы	84
2.2. Изменяющаяся идентичность современной личности перед лицом глобальных вызовов.....	88
2.3. Вирус и социальные общности: о влиянии пандемии на идентичность..	93
2.4. Дифференциация идентичностей в соответствии с усложнением структуры общества при переходе к экономике знаний (на примере Эстонии)	98
2.5. Личностная идентичность в фиджитал-пространстве	105
2.6. Национальная РКЦ как культурно-цивилизационная доминанта для коренного населения Австрии	110
<i>Глава 3. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕС И РОССИИ</i>	120
3.1. Перспективы глобального лидерства Европейского союза в управлении миграцией	120
3.2. Миграционные процессы в Европе и России	126
3.3. Роль Белоруссии в создании нового миграционного потока в Евро-союз	130
3.4. Воспитательные практики трудовых этнических мигрантов (на примере Санкт-Петербурга).....	134
<i>Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ</i> ...	146
4.1. Проблемы политической социализации молодых поколений в коммуникативном пространстве Евросоюза и России.....	146
4.2. Трансформация гендерной идентичности молодежи	152
4.3. Идентификация волонтеров в России и Европе (факторы и тенденции)	158
4.4. Этническая идентичность студентов как фактор устойчивого развития мультикультурного региона	165

CONTENTS

INTRODUCTION.....	14
<i>Chapter 1. EUROPEAN, REGIONAL AND NATIONAL IDENTITY.....</i>	<i>20</i>
1.1. Europe as a World Leader. Contextual consideration with China, USA, and Russia.....	20
1.2. Interdependence of digitalization and European values.....	47
1.3. National and European identities as historical narratives.....	53
1.4. Polish “obstinacy” and integration processes in the modern EU.....	62
1.5. “Nordic Identity” and integration processes in the north of Europe.....	66
1.6. Is regionalization the anchor of globalization?.....	73
<i>Chapter 2. GLOBAL CHALLENGES AND SOCIETY</i>	<i>84</i>
2.1. Vaccine diplomacy: current problems and prospects.....	84
2.2. The changing identity of modern personality facing global challenges ..	88
2.3. Virus and social communities: impact of the pandemic on identity	93
2.4. Differentiation of identities in accordance with the increasing complexity of the structure of society during the transition to the knowledge economy (on the example of Estonia).....	98
2.5. Personal identity in the phygital space.....	105
2.6. National Roman Catholic Church as cultural and civilisation dominant trait of Austrian native people	110
<i>Chapter 3. MIGRATION PROCESSES IN THE EU AND RUSSIA</i>	<i>120</i>
3.1. Prospects for the European Union’s global leadership in migration management.....	120
3.2. Migration process in Europe and Russia	126
3.3. The role of Belarus in creating a new migration flow to the European Union.....	130
3.4. Educational practices of ethnic migrant workers (case of St. Petersburg).....	134
<i>Chapter 4. FORMATION OF IDENTITY OF MODERN YOUTH</i>	<i>146</i>
4.1. Problems of political socialization of young generations in the communicative space of the European Union and Russia.....	146
4.2. Transformation of gender identity of youth	152
4.3. Identification of volunteers in Russia and Europe (factors and trends)	158
4.4. Ethnic identity of students as a factor of sustainable development of a multicultural region.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Основная цель монографии — аккумулировать исследования по проблемам современного европейского общества, базируясь на трансформациях идентичности в контексте кризиса интеграционных процессов и глобальных вызовов. Современное европейское общество переживает многочисленные трансформации, вызванные глобализационными и интеграционными процессами, а также одновременно присутствующими тенденциями к регионализации и локализации. Состояние и трансформации современного европейского общества обусловлены историко-культурным развитием европейской цивилизации, ценностями, заложенными в основание европейской культуры и, в то же время, сама логика развития европейского общества приводит к постоянной и все возрастающей динамике изменений. В XX веке кризис гуманистических ценностей стал совершенно очевиден, и осознание катастрофы, как результата развязанных в Европе двух мировых войн, привело к осознанию необходимости единой Европы, Европы без войн и потрясений. Проект европейской интеграции рассматривался как инструмент разрешения экономических и политических конфликтов в послевоенной Европе. Сама идея единой Европы возникла в процессе исторического развития европейской цивилизации, переживавшей периоды объединения и дробления, и прослеживается со времен античности.

После краха дуполярного мира и расширения процессов европейской интеграции в 1990–2000-х гг., начиная со второго десятилетия XXI века, для дальнейшей реализации интеграционных процессов в Европе идеи мирного сосуществования разных стран и народов оказывается недостаточно. Европа столкнулась с многочисленными кризисами, стал наблюдаться неуклонный рост евроскептических настроений. Это было вызвано как внешними причинами (притоком большого количества мигрантов, в том числе, из бывших стран социалистического блока (Совета экономического взаимопомощи — СЭВ)), так и внутренними (экономическими кризисами, неравенством между странами — членами ЕС). Европейская интеграция основывается в большей степени на ценностях Западной Европы, а страны Южной и Восточной Европы особенно остро чувствуют свою ущемленность, что проявилось в росте националистических настроений,

попытках отстаивания своих национальных интересов — в частности, указанные процессы можно наблюдать в Польше и Венгрии. Наблюдается как ценностный раскол, так и различия в уровне экономического развития между странами. При этом, наиболее развитые страны ЕС обязаны оказывать финансовую поддержку более слабым в экономическом плане государствам и государствам, столкнувшимся с кризисом. Это вызывает недовольство как граждан стран, оказывающих поддержку, так граждан стран, которые вынуждены обращаться за помощью. По мнению ряда экспертов, Европа по-прежнему остается Европой регионов, которые различаются по уровню жизни, экономическому развитию и ценностям.

Дальнейшее углубление интеграции натолкнулось на противоречия между еврооптимистами и евроскептиками, рост популярности которых представляет реальную угрозу политике объединенной Европы. В этом контексте Брекзит явился опасным прецедентом с точки зрения политики, направленной на углубление и расширение интеграционного процесса в ЕС, и одним из главных вызовов для проекта европейской интеграции. По мнению исследователей, рост евроскептических настроений вызван законодательными инициативами в рамках ЕС, направленными на усиление роли наднациональных структур в ущерб национальным интересам государств — членов ЕС.

С 2015 г. в Европе развивается миграционный кризис, вызванный усилившимся потоком беженцев и нелегальных мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока. Европейский миграционный кризис Еврокомиссия признала крупнейшим со времен Второй мировой войны. Еще до миграционного кризиса стало очевидно, что политика мультикультурализма, проводимая в Европе, привела к росту напряженности вследствие слабой интеграции мигрантов-носителей неевропейской культуры в европейское общество. Вместо процессов адаптации к ценностям европейского общества, мигранты продолжали жить замкнутыми анклавами со своими порядками и традициями, в их среде росло недовольство европейскими ценностями и образом жизни, в обществе стали набирать политический вес исламские партии, а среди европейцев наблюдался рост ксенофобских настроений, что использовали правые популисты, выступающие против мигрантов.

Как подчеркивают эксперты, роль ЕС в XXI веке неопределенна, а оценки его настоящего состояния и будущего развития крайне противоречивы.

Исследование европейской идентичности важно для понимания сложных и неоднозначных процессов, происходящих в Европе. Само понятие европейской идентичности связано с осознанием своей принадлежности к европейскому обществу и было вызвано необходимостью осмысления и продвижения интеграционных процессов в Европе, что было закреплено в ряде основополагающих документов. Впервые упоминание о европейской идентичности вводится в Декларации о европейской идентичности (1973), где обосновывается необходимость ее формирования на наднациональном уровне. В документе под европейской идентичностью понимается идентичность граждан, проживающих в странах Евросоюза. В Резолюции 1988 года, принятой Советом министров образования, звучит призыв к сотрудникам школ и других учебных заведений «укреплять у молодых людей чувство европейской идентичности и разъяснять им значение европейского образования, европейской цивилизации и основ, на которых европейские народы намерены основывать свое развитие сегодня». [Council of Ministers of Education, 1988]. Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), подписанный в 1992 году, также включал в себя пункты о формировании европейской идентичности при сохранении культурного многообразия. Амстердамский договор 1997 года предусматривал поощрение более активного участия граждан в жизни Союза на основе взаимодополняемости гражданства ЕС и национального гражданства. Гражданство Европейского союза способствовало мобильности граждан ЕС, размыванию границ между странами, а значит и формированию общеевропейской идентичности.

С другой стороны, европейскую идентичность рассматривают как идентичность людей, проживающих на территории Европы как континента, разделяющих европейские ценности несмотря на исторические коллизии. Это понятие шире представления о европейской идентичности, как идентичности только граждан стран ЕС. Первое определение европейской идентичности представляется как сконструированное в рамках проекта по европейской интеграции, а второе — как естественно возникающее из понимания Европы как единой цивилизации, базирующейся на общих ценностях и общем векторе культурного развития.

Монография явилась одним из результатов реализации проекта Erasmus+ JeanMonnet «Трансформация идентичностей в Европе и России

в современных условиях». Исследование, осуществляемое в рамках проекта, посвящено трансформациям идентичности в современном обществе Европы и России в контексте взаимовлияния культур.

Монография состоит из четырех глав, последовательно раскрывающих различные уровни европейской идентичности: от общеевропейской, региональной, национальной до идентичности отдельных социальных групп (студенты, волонтеры). В первой главе исследуются уровни европейской идентичности от общеевропейского до национального, затрагиваются актуальные проблемы европейской интеграции. Идентичность обусловлена как историческим опытом (и в этом смысле она содержит в себе многие опасности для конфронтации между европейскими странами), так и процессами легитимации, с помощью которых элиты конструируют идентичности, руководствуясь своими целями, интересами и ценностями. Большинство европейцев, по-прежнему, продолжают идентифицировать себя с национальной идентичностью, особенно в странах Южной и Восточной Европы. Тенденцию к регионализации и тренд на отстаивание национального суверенитета можно рассматривать как ответ на вызовы, с которыми столкнулась современная Европа перед лицом многочисленных кризисов (миграционный, экономический, «пандемический» и др.). Также существование Европы регионов обусловлено историческим и культурным развитием. Так, например, северные страны (Швеция, Финляндия, Норвегия, Дания и Исландия) формируют общую скандинавскую идентичность (Nordic), объединенную общей историей, культурой, ценностями и образом жизни, что выражается в тесной кооперации между странами.

Во второй главе монографии рассматриваются проблемы современного общества под влиянием глобальных вызовов. Глобальные вызовы порождают многочисленные трансформации, как на личностном уровне, так и на уровне национальном, региональном, общеевропейском.

Европейское общество в 2020–2021 гг. столкнулось с новыми вызовами в связи с объявленной ВОЗ пандемией новой коронавирусной инфекции. Закрытие границ в Европе ударило по основополагающему принципу европейской интеграции: свободе передвижения. В условиях быстрых трансформаций, перехода к новым цифровым технологиям, особенно во время объявленных в Европе и России локдаунов, вопросы самоидентификации на личностном

и социальном уровнях, а также на национальном и наднациональном уровнях стали более актуальны.

Ситуация с коронавирусом обострила уже существующие в Европе проблемы: неравенство, кризис солидарности и демократических ценностей, кризис доверия наднациональным институтам. Коронакризис во многом подорвал доверие к существующим институтам ЕС, обеспечивающим безопасность граждан, затронул практически все сферы жизни европейского общества (экономическую, социальную, политическую, культурную), а также усугубил уже существовавшие противоречия внутри ЕС, ударил по основным ценностям, лежащим в основании европейской идентичности и интеграции (свобода передвижения, единый рынок труда, товаров и услуг), вызвав многочисленные протесты в Европе. Согласно Р.Н. Лункину, автору аналитической записки «Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса» отмечается, что ситуация, связанная с коронакризисом приведет к глобальным трансформациям, в частности, ценности глобализации будут изменены в сторону большей значимости национальных интересов отдельных стран. Удастся ли сохранить верность курсу на евроинтеграцию или тенденции к регионализации будут все более укрепляться в Европе в ближайшее время, этот вопрос приобретает все большую актуальность. Одними из следствий коронакризиса стала растущая атомизация и разобщение общества, не говоря уже о влиянии на психологическое состояние индивидов и групп в ситуации неопределенности.

Казалось бы, человечество должно было сплотиться для противостояния общей угрозе. Ожидалось, что ученые всего мира объединят усилия для создания лекарств и мер противодействия пандемии. В реальности противоречия и внутри Евросоюза, и между ЕС и Россией еще более обострились, началась антидипломатия вакцин, хотя ожидалось создание вакцин, как элемента публичной дипломатии с положительным вектором. Таким образом, интересы глобальных фармацевтических гигантов вышли на первое место в кризисный период пандемии, оставив на вторые и третьи места такие ценности как равный доступ к лучшим вакцинам и равные возможности, свобода выбора вакцины, уже не говоря о свободе передвижения и личного общения. Пышным цветом расцвели цифровые технологии, цифровое зомбирование, фэйки и другие технологии — страшилки, работающие опять же в интересах фармацевтических компаний и других глобальных

компаний, извлекающих гигантские сверхприбыли на волне паники и взаимного отчуждения.

Одним из основных вызовов для современного общества является широкое внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества и все большая вовлеченность в цифровую среду не только молодого поколения, но и более старшего, что вызвано, в том числе, переходом к дистанционной форме занятости. Влияние цифровой среды на формирование идентичности на уровне личности и трансформаций на уровне социальном еще предстоит изучать, но уже сейчас очевидно, что создание цифровой идентичности влечет за собой множество вопросов, связанных с безопасностью, с соотносением реальной и виртуальной идентичностей, утратой традиционных механизмов идентификации и социализации, а также к существованию в новой гибридной реальности, где границы личностной идентичности становятся все более размыты.

В третьей главе монографии рассматриваются миграционные процессы в ЕС и России. С точки зрения европейцев, современные миграционные потоки представляют опасность для Европейского союза и ослабляют европейскую идентичность. Кризисные явления, вызванные миграцией, во многом способствовали усилению националистических настроений и поддержке правых партий (во Франции, в Финляндии, в Польше и других странах). Однако, именно разрыв с традиционными ценностями в Европе, имеющими опору в христианстве, позволяет другим культурам, в том числе, основанным на исламе, все активнее вторгаться в культурное пространство европейского общества, вызывая напряженность и создавая реальную угрозу европейской идентичности. Миграционные процессы стали вызовом для консервативных сил Европы, вставших на защиту национальной идентичности и культуры.

В четвертой главе собраны материалы, посвященные отдельным вопросам формирования идентичности молодежи. Проекция современного общества, представленная в коммуникативном пространстве множеством символических репрезентаций реальности, порой затмевает реальные социализирующие институты, что затрудняет формирование устойчивой идентичности молодежи, делая ее фрагментарной и постоянно меняющейся вслед за информационными потоками. Вопросы политической социализации, гендерной идентичности молодежи, рассмотренные в четвертой главе, дают представление о те-

кучести современной идентичности в новом коммуникативном пространстве.

В рамках одной монографии невозможно затронуть все проблемы современного общества, но надеемся, что коллектив авторов внес определенный вклад в исследования сложных процессов, которые протекают на наших глазах и касаются всех нас.

INTRODUCTION

The main aim of the book is to accumulate the research on the problems of modern European society, basing on identity transformations in the context of the crisis of integration processes and global challenges. Modern European society is undergoing numerous transformations caused by globalization and integration processes, as well as trends towards regionalization and localization at one and the same time. The state and transformations of modern European society are resulted from the historical and cultural development of European civilization, the values laid down in the foundation of European culture and, at the same time, the very logic of the development of European society leads to a constant and ever-increasing dynamics of change. In the XX century, the crisis of humanistic values became completely obvious, and the realization of the catastrophe, as a result of two world wars unleashed in Europe, led to the realization of the need for a united Europe, a Europe without wars and upheavals. The project of European integration was seen as a tool for resolving economic and political conflicts in post-war Europe. The very idea of a united Europe arose in the process of historical development of European civilization, which experienced periods of integration and fragmentation, and can be traced back to antiquity.

After the collapse of the bipolar world and the expansion of European integration processes in the 1990–2000s, starting from the second decade of the XXI century, the idea of peaceful coexistence of different countries and peoples is not enough for further implementation of integration processes in Europe. Europe has faced numerous crises, and Eurosceptic sentiments have begun to increase. This was caused both by external reasons (the influx of a large number of migrants, from the former countries of the socialist bloc *inter alia* (Council for Mutual Economic Assistance — Comecon)), and internal (economic crises, inequality between EU member states). European integration is based to a greater extent on the values of Western Europe, and countries of Southern and Eastern Europe are especially keenly aware of their disadvantage, and this manifested in the growth of nationalist sentiments, attempts to defend their national interests — in particular, these processes can be observed in Poland and Hungary. There is both a split in values and differences in the level of economic development between countries. At the same time, the most developed EU countries are obliged to provide financial support to economically weaker states and states facing a crisis. This causes

dissatisfaction both of the citizens of countries providing support, and the citizens of countries that are forced to seek for help. According to a number of experts, Europe is still the Europe of regions that differ in terms of living standards, economic development and values.

Further deepening of integration ran into contradictions between Euro-optimists and Euro-skeptics, whose growing popularity poses a real threat to the policy of a united Europe. In this context, Brexit has set a dangerous precedent in terms of policy aimed at deepening and expanding the integration process in the EU, and become one of the main challenges for the European integration project. According to the researchers, the growth of eurosceptic sentiments is caused by legislative initiatives within the EU aimed at strengthening the role of supranational structures to the detriment of the national interests of the EU member states.

Since 2015, a migration crisis caused by increased flow of refugees and illegal migrants from Africa and the Middle East has been developing in Europe. The European Commission has declared the European migration crisis the largest since the Second World War. Even before the migration crisis, it became clear that European policy of multiculturalism led to an increase in tension due to the weak integration of migrants with non-European culture into the European society. Instead of adapting to the values of European society, migrants continued to live in closed enclaves with their own customs and traditions; dissatisfaction with European values and way of life grew among them; Islamic parties began to gain political weight in the society; and among Europeans, there was an increase in xenophobic sentiments that were used by the right populists who oppose migrants.

As experts emphasize, the role of the EU in the XXI century is uncertain, and assessments of its present state and future development are extremely contradictory.

The study of European identity is important for understanding the complex and ambiguous processes taking place in Europe. The very concept of European identity is associated with the awareness of one's belonging to the European society and was caused by the need to comprehend and promote integration processes in Europe, which was enshrined in a number of fundamental documents. For the first time, a mention of European identity is introduced in the Declaration on European Identity (1973), which substantiates the need for its formation at the supranational level. In the document, European identity is understood as the identity of citizens living in the EU countries. The Resolution of 1988, adopted by the Council of Ministers of

Education, calls on the staff of schools and other educational institutions to “strengthen young people’s sense of European identity and explain them the importance of European education, European civilization and the foundations on which the European peoples intend to base their development today” [Council of Ministers of Education, 1988]. The Treaty on European Union (Maastricht Treaty), signed in 1992, also included items on the formation of a European identity while maintaining cultural diversity. The Amsterdam Treaty of 1997 provided for the encouragement of more active participation of citizens in the life of the Union on the basis of complementarity of EU citizenship and national citizenship. Citizenship of the European Union contributed to the mobility of EU citizens, the blurring of borders between countries, and hence the formation of a common European identity.

On the other hand, European identity is considered as the identity of people living on the territory of Europe as a continent, who share European values despite historical collisions. This concept is wider than the notion of European identity as the identity of only citizens of the EU countries. The first definition of European identity is presented as constructed within the framework of the European integration project, and the second one — as naturally arising from the understanding of Europe as a single civilization basing on common values and a common vector of cultural development.

The book is one of the results of the Erasmus+ Jean Monnet project “Transformation of Identities in Modern Europe and Russia”. The study, carried out within the framework of the project, is devoted to the transformation of identity in the modern society of Europe and Russia in the context of the mutual influence of cultures.

The book consists of four chapters, consistently revealing different levels of European identity: from the pan-European, regional, national to the identity of individual social groups (students, volunteers). The first chapter examines the levels of European identity from the pan-European to the national, touches upon the actual problems of European integration. Identity is conditioned both by historical experience (and in this sense, it contains many dangers for confrontation between European countries) and legitimation processes which are used by elites, guided by their goals, interests and values, for construction of identities. Most Europeans still continue to identify themselves with their national identity, especially in the countries of Southern and Eastern Europe. The trend towards regionalization and the trend towards upholding national sovereignty can be seen as a response to

the challenges that modern Europe has faced in the face of numerous crises (migration, economic, “pandemic”, etc.). Also, the existence of Europe of regions is due to historical and cultural development. For example, northern countries (Sweden, Finland, Norway, Denmark and Iceland) form a common Scandinavian identity (Nordic), united by a common history, culture, values and way of life, which is expressed in close cooperation between countries.

The second chapter of the book examines the problems of modern society under the influence of global challenges. Global challenges give rise to numerous transformations, both at the personal level and at the national, regional, and pan-European levels.

European society in 2020–2021 faced new challenges in connection with the pandemic of a new coronavirus infection declared by WHO. The closure of borders in Europe hit a fundamental principle of European integration: freedom of movement. In conditions of rapid transformations, transition to new digital technologies, especially during the lockdowns announced in Europe and Russia, the issues of self-identification at the personal and social levels, as well as at the national and supranational levels, have become more relevant.

The situation with the coronavirus has exacerbated the problems already existing in Europe: inequality, a crisis of solidarity and democratic values, a crisis of trust in supranational institutions. The corona crisis has largely undermined confidence in the existing EU institutions that ensure the security of citizens, has affected almost all spheres of life in European society (economic, social, political, cultural), and has also aggravated already existing contradictions within the EU, hit the core values that underlie European identity and integration (freedom of movement, a single market for labor, goods and services), causing numerous protests in Europe. According to R.N. Lunkin, the author of the analytical note “The Future of European Identity Against the Background of the Corona Crisis”, it is noted that the situation related to the corona crisis will lead to global transformations, in particular, the values of globalization will be changed towards greater importance of national interests of separate countries. Whether it will be possible to remain true to the course of European integration, or the trend towards regionalization will be increasingly strengthened in Europe in the near future, this question is becoming increasingly important. One of the consequences of the corona crisis was the growing atomization and disunity of society, not to mention the impact on psychological state of individuals and groups in the situation of uncertainty.

It could seem that the humanity should have rallied to confront a common threat. It was expected that scientists around the world would join forces to create medication and measures to counter the pandemic. In reality, the contradictions both within the European Union and between the EU and Russia have become even more aggravated, anti-diplomacy of vaccines has begun, although the creation of vaccines was expected as an element of public diplomacy with a positive vector. Thus, the interests of global pharmaceutical giants came to the fore in the crisis period of the pandemic, leaving second and third places for such values as equal access to the best vaccines and equal opportunities, freedom of choice of a vaccine, not to mention freedom of movement and personal communication. Digital technologies flourished, as well as digital zombies, fakes and other technologies — horror stories, again working in the interests of pharmaceutical companies and other global companies that extract gigantic superprofits on the wave of panic and mutual alienation.

One of the main challenges for modern society is the widespread introduction of digital technologies in all spheres of society and the increasing involvement in the digital environment of not only the younger generation, but also the older one, which is caused, among other things, by the transition to remote employment. The influence of the digital environment on the formation of identity at the personal level and transformations at the social level have yet to be studied, but it is already obvious that the creation of a digital identity entails many issues related to security, the correlation of real and virtual identities, the loss of traditional mechanisms of identification and socialization, as well as to existence in a new hybrid reality, where the boundaries of personal identity are becoming increasingly blurred.

The third chapter of the book deals with migration processes in the EU and Russia. From the point of view of Europeans, current migration flows pose a threat to the European Union and weaken the European identity. The crisis phenomena caused by migration largely contributed to the strengthening of nationalist sentiments and support for right-wing parties (in France, Finland, Poland and other countries). However, it is precisely the break with traditional values in Europe, which are based in Christianity, that allows other cultures, including those based on Islam, to increasingly invade the cultural space of European society, causing tension and creating a real threat to European identity. Migration processes have become a challenge for the conservative forces of Europe, who have come to the defense of national identity and culture.

The fourth chapter contains materials on certain issues of youth identity formation. The projections of modern society, represented in the communicative space by many symbolic representations of reality, sometimes overshadow the real socializing institutions, which makes it difficult to form a stable identity of young people, making it fragmented and constantly changing following information flows. The issues of political socialization, gender identity of young people, presented in the fourth chapter, give an idea of the fluidity of modern identity in the new communicative space.

It is impossible to touch upon all problems of modern society within the framework of one book but we hope that the team of authors has made a certain contribution to the study of complex processes that take place before our eyes and concern all of us.

Глава 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

1.1. Европа как мировой лидер.

Контекстное сравнение с Китаем, США и Россией.

Europe as a World Leader.

Contextual consideration with China, USA, and Russia

The USA is withdrawing from the position of the self-proclaimed “world police”. China is expanding its military position. In terms of the world economy, China has already taken the lead. Where do Russia and Europe stand in this struggle for supremacy?

Summary

A clear ranking of world leadership such as in sporting disciplines with a first, second and third place is difficult to establish. The profiles are too different. But one can clearly count the USA, China, Russia and Europe among the leading nations.

The individual characteristics are different. Historically, the USA is the oldest leading nation. In the last few decades it has taken on the function of a “world police”, from which it is gradually withdrawing. China is the New Comer who has developed from a developing country to a leading trading partner in a very short time. Europe is a nationally dispersed continent. Several organizations such as the European Union are trying to create a common appearance on the world market, but the national egoisms are too great. The existing economic power of Europe cannot be implemented. When it comes to military problems, Europe as a community is (almost) not present. Due to its geographic size and enormous raw material deposits, Russia is an important international player. In the future, however, climate policy measures will require other priorities that are currently lacking in Russia.

Conclusion: 4 players with different profiles.

The figures used here are intended to quantify this without making any claim to the topicality and precision of the figures.

World Leadership

The “Leadership Lexicon” defines leadership in terms of the social identity theory of leadership. “Describes and explains in the context of the

emergence of leadership in groups how people who embody prototypical values and characteristics of this group to a particular extent are classified as leaders in the context of attribution processes (social categorization). These attribution processes are the expression and reinforcement of the (ideal) self-concept and are therefore useful for self-worth. Within one’s own social group, other people are no longer perceived as unique and multifaceted individuals, but as members of a community to which one would like to belong or would like to belong. This requires differentiating them from other groups”.¹

So if we apply that to world politics, it’s about domination. Who rules the world.

Typical links to leadership are:²

Picture 1.1.1. Typical links to leadership

“Leading” someone is a dynamic process because the environment is constantly changing. A leader has to give others support, for which he has to

¹ <https://www.leadership-insiders.de/lexikon/soziale-identitaetstheorie-der-fuehrung/#:~:text=Soziale%20Identit%C3%A4tstheorie%20der%20F%C3%BChrung%20Beschreibt%20und%20erkl%C3%A4rt%20im,von%20Zuschreibungsprozessen%20%28soziale%20Kategorisierung%29%20als%20F%C3%BChrende%20klassifiziert%20werden.>

² “Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute” (The German vocabulary from 1600 to today) <https://www.dwds.de/wb/F%C3%BCherschaft>.

have his own steadfastness. It is difficult for an unstable country to assume a leadership role. It's too busy with itself. This is also one of the reasons that the USA are increasingly withdrawing from its global leadership role. They focus on the internal problems. President Trump called it "America first". First solve the internal problems and only then can you teach others and help others.

World leadership relates to several areas:

- military leadership;
- willingness to take on a mediating function for world peace;
- economic leadership;
- position in relation to combating the global climate.

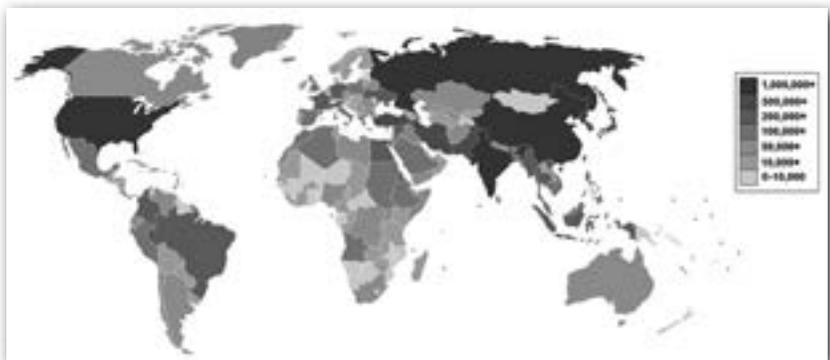
Military Leadership

A country's military institutions represented state authority. Accordingly, the military is being equipped with weapons of war in order to be able to fulfill this.

In the past, military superiority was synonymous with a strong position in the world. The problems have become more complex today and other factors have become more important.

The military power will:

- deployed to defend their own territory;
- for area expansion, achievement of political goals, conquests or
- used to secure world peace.

Picture 1.1.2. Numerical strength of the armed forces by country, 2009

Source: Wikimedia Commons

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Number_of_active_troops_world_map,_2009.png

On the map with the numerical information on the number of soldiers, four nations appear in the first places:

- United States of America;
- Russia;
- China;
- India.

The Chinese “People’s Liberation Army” is the largest army in the world with 2.2 million soldiers and 1.4 million reservists. NATO, the North Atlantic Treaty Organization, has 3.58 million soldiers and Russia 3.345 million. There are 2.5 million reservists in the Russian army³. The United States itself has approximately 1.28 million soldiers.^{4,5}

NATO was founded in 1949 as a territorial alliance against the Soviet Union. In return, the “Warsaw Pact” was created in 1955. The so-called “Cold War” arose. After the Warsaw Pact was dissolved in 1991, NATO looked for new tasks. The old ones had become superfluous. New areas were found outside in Afghanistan and the Balkans. Many members were dissatisfied with this and it was only after the occupation of Crimea that Russia became an old and new enemy again.

There are two wings within NATO:

- states such as Poland, Germany and the Baltic States, which see Russia as the greatest threat;
- states that take part in the geopolitical conflict with China.

For the US, this means two fronts:

- USA / NATO versus China and
- USA / NATO versus Russia.

This led to the closure of the Russia office at NATO in 2021. The front against China is about an “alliance of democracies against China”. The USA does not apply any standards to the value system “democracy”. The alliance therefore also includes autocratically governed countries such as Poland, Turkey and Hungary, which the EU Commission continually admonishes for their lack of European values. This creates a difference of opinion between

³ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/379080/umfrage/vergleich-des-militaer-der-nato-und-russlands/#professional>.

⁴ Headquarters, Department of the Army, Deputy Chief of Staff of Personnel, G-1 Dr. Betty D. Maxfield, Chief Office of Army Demographic <https://www.armyg1.army.mil/hr/docs/demographics/FinalFY12ArmyProfileReport.pdf>.

⁵ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1086471/umfrage/militaerische-staerke-der-usa/#:~:text=Kennzahlen%20zur%20milit%C3%A4rischen%20St%C3%A4rke%20der%20USA%20im%20Jahr,%20%206.287%20%209%20more%20rows%20>

NATO and the EU. That is why a wing within the EU is campaigning to set up its own army.

A key factor in the strength of a military facility is its technical equipment. If you make a comparison here, the situation shifts:⁶

Table 1.1.1

Comparison of technical equipment

Country	Air Force	Tank	Missile Systems
NATO	21,433	18,741	3,437
USA	13,077 ⁷	6,287	
Russia	3,082	15,500	3,781
China	2,500 ⁸	6,300 ⁹	250 ¹⁰

Military information is generally difficult. In the course of these considerations, an up-to-date information is not important. It is only meant to represent an order of magnitude.

In general, it can be stated that the “traditional” military leadership nations — Russia and the USA — are withdrawing their military engagement.

The USA is increasingly withdrawing from the role of world “police” and is bringing its troops back from crisis areas such as Afghanistan. At the same time, China is constantly expanding its armed forces. But China’s main goal is economic leadership. The military is there to protect its own interests. This also includes bringing back the breakaway province of Taiwan. A problem area that Russia also had with the Crimea.

China refuses to interfere in the political affairs of other countries. The interest is primarily an economic cooperation. Each country should decide and determine for itself the form of political orientation. In this sense, China also rejects the interference of other states in their internal affairs. This policy is contrary to that of Europe.

⁶ Statista 2021: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/379080/umfrage/vergleich-des-militaers-der-nato-und-russlands/#professional>.

⁷ 2,362 fighters, 2,831 combat aircraft, 1,153 transport aircraft, 971 attack helicopters, 5,769 helicopters.

⁸ Wikipedia “Luftstreitkräfte der Volksrepublik China”: https://de.wikipedia.org/wiki/Luftstreitkr%C3%A4fte_der_Volksrepublik_China#:~:text=Zusammen%20mit%20den%20Fliegern%20der%20Marine%20verf%C3%BCgte%20Die,von%20denen%20rund%202000%20Kampfsysteme%20gewesen%20sein%20d%C3%BCrften.

⁹ https://de.wikipedia.org/wiki/Heer_der_Volksrepublik_China.

¹⁰ <https://www.atomwaffena-z.info/heute/atomwaffenstaaten/china.html>.

Europe puts “European law” above the national law of its member states. For some member countries this poses a problem. Examples such as Poland and Hungary show this discrepancy.

For a secure world peace, however, the commitment to securing world peace is important. There is an increased commitment on the part of Russia here. Is there a shift here? Russia is increasingly playing a peacemaking role.

At the regional level, the activities of Turkey should also be mentioned, which on the one hand is a NATO member, but goes its own way in the region (see Syrian war and deployment in Libya). Turkey with its army became a regional geopolitical factor. Turkey originally wanted to become a member of the European Union. After this failed for various reasons, the country positions itself in the shadow of the great powers in Central Asia. After the American military withdrew from Afghanistan, Turkey tried to fill the power vacuum that had developed. The Ottoman Empire was once a world empire and the current President of the country thinks in similar dimensions and wants to unite all “Turkic peoples” under his leadership. “The legitimization of Turkish military operations in Libya, Syria and Azerbaijan derives more from history than from international law. One invokes the preservation of influence in earlier territories of the Ottoman Empire. The Turkmen minorities in Afghanistan, which make up one sixth of the total population, are a factor that should not be underestimated.”¹¹

With a population of 85 million, Turkey is the twenty largest countries in the world. Its army consists of 895 thousand soldiers and the US have 40 to 50 atomic bombs in Turkey. Turkish soldiers are deployed in Libya, Sudan, Somalia, Syria, Northern Cyprus, Iraq and Qatar. Refugees from Syria and Afghanistan are used by Turkey as a blackmail factor against Europe and are currently financially compensated.

Europe is certainly not a main player in the military sector. The interests of the individual countries are too different. There is also a lack of a common military strategy and organization. To defend the external borders of the European Union, a joint approach was created with the “Frontex” reaction force. Frontex, the European Border and Coast Guard Agency, is an essential part of Europe’s efforts to safeguard the area of freedom, security and justice. Frontex’s support at the external borders helps guarantee free movement without internal borders checks that many of us take for granted. The mission

¹¹ Marz Rasim: “Vom Außenseiter zum Machtfaktor” (From outsider to power factor), in “Der Pragmaticus”, 02/2021, Schaan, Liechtenstein, p. 58.

of FRONTEX is “Together with the Member States, we ensure safe and well-functioning external borders providing security.”¹²

Frontex has a pure border security function, which is primarily directed against illegal entry by migrants. No military border security against attacking troops. With a staff of 1500 this would not be manageable either. The soldiers are sent from the individual member countries. The organization and its responsibilities are not accepted by all member states. Poland refuses to intervene on the border between Poland and Belarus.

From a military point of view, Europe and the European Union are not present in the military field and do not have a world market leadership initiative in their program. Smaller units such as Turkey are superior to this.

Only Russia, China and the USA remain in the military field. America is gradually withdrawing from world military affairs and China is increasing its military engagement. Russia remains one of the three leaders in this area because leadership in other areas is currently out of reach for the country.

Economic leadership

Due to globalization, “economy” is becoming more and more important as a world leading factor. Dependence on other countries is a strategic asset for world supremacy.

In the past, trade was only small-scale. It only became more international due to three factors:

- globalization;
- telecommunications;
- transportation.

The initial factor was and is telecommunication, which allows quick reactions and enables virtual contacts. This was followed by the expansion of the transport system, which allowed a quick exchange of goods over long distances. The economy became global. Some countries have achieved world market leadership in certain areas and thus made other countries dependent. The COVID-19 pandemic clearly demonstrated this interdependence.

USA

The gross domestic product is a parameter of the economic performance of a country. GDP includes all goods and services sold in the country. In 2020, the global average of GDP per inhabitant of the world was around 9562 Euros. In the USA, on the other hand, it was 55,633 Euros per inhabitant.

¹² <https://frontex.europa.eu/about-frontex/our-mission/>.

Picture 1.1.3. United States of America

Source: <https://www.laenderdaten.info/Amerika/USA/index.php>

According to this parameter, the United States of America is the world's largest economy. In terms of the country's purchasing power, the United States ranks seventh on the list of the richest countries. The United States have 330 million people. In terms of size, the US is the third largest country in the world after Russia and Canada.¹³

Historically, the country was created on the basis of immigrants from different countries and cultures, but today it is uniformly represented with one national language (English). 82% of the population speaks English and around 10% — due to immigration from the south — Spanish.

In 1785, the American dollar was established as the official currency of the United States. The US dollar is now the official currency in 16 countries. It has established itself internationally as the reserve currency, but has lost some of its importance with the introduction of the Euro.

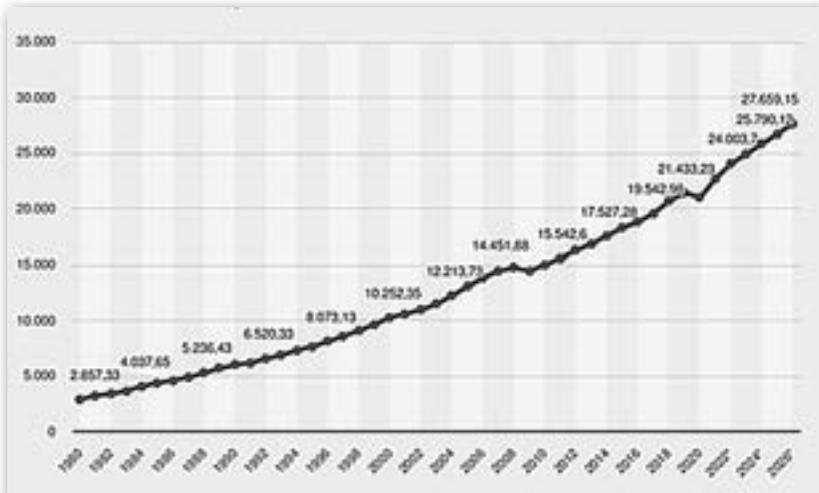
The USA belongs to two major trading communities.

1. NAFTA with 3 member states in North America and Central America. The community comprises around 500 million people with an annual economic output of 24 trillion US dollars. That means 28 percent of the world economy.

¹³ <https://www.laenderdaten.info/Amerika/USA/index.php>.

2. The APEC with 21 member states are located in Southeast Asia and in Far East Asia. This community comprises around 3 billion people and an economic output of 52 trillion US dollars. That corresponds to 61% of the world economy.

The United States of America has a gross domestic product of 18,330.06 billion Euros.

Picture 1.1.4. USA: Gross domestic product (GDP) at current prices from 1980 to 2020 and forecasts up to 2026 (in billion US dollars)

Source: IMZ, Statista 2021, <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/14418/umfrage/bruttoinlandsprodukt-in-den-usa/#:~:text=USA%3A%20Bruttoinlandsprodukt%20%28BIP%29in%20jeweiligen%20Preisen%20von%201980,%20%2024.892%2C61%20%209%20more%20rows%20>

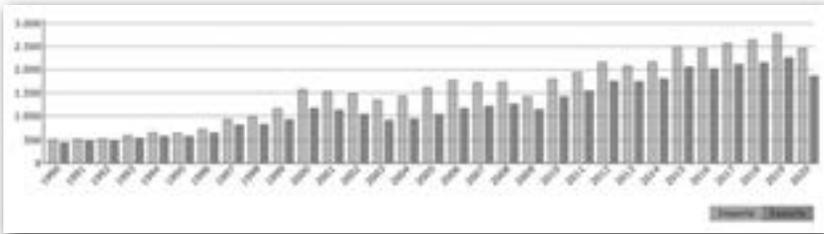
As the development curve shows, the decline during the COVID-19 pandemic has been overcome and the economy is on the rise again.

In international trade, the country had:

- goods to the value of € 1,862.41 billion exported and
- imported goods worth € 2,459.25 billion.¹⁴

The USA have a negative trade balance, which in recent years has led to trade wars and tariffs, especially with China, but also with Europe.

¹⁴ <https://www.laenderdaten.info/Amerika/USA/wirtschaft.php>.

Picture 1.1.5. Imports and Exports 2020 USA

Source: <https://www.laenderdaten.info/Amerika/USA/wirtschaft.php>

The imbalance between imports and exports also has to do with the country’s own contribution. The exported trade volume declined. In some cases, the technological market leader role was lost.

This aspect must be understood as the “America first” policy of President Donald Trump, which from an economic point of view will be continued by his successor Joe Biden.

China

The path to world power was based on a radical transformation after Maos victory in the civil war and the founding of the People’s Republic of China

Picture 1.1.6. People's Republic of China

Source: <https://www.laenderdaten.info/Asien/China/index.php>

on October 1, 1949. The nationalists around Chiang Kai-shek had withdrawn to the island of Taiwan. Mao covered all sectors with communist systems. In 1958, Mao optimistically announced that China would “overtake all capitalist countries in a short time and become one of the richest, most progressive and most powerful countries on earth”.

In addition to this economic “great leap forward”, there was also a great famine.

After 27 years of communism, the majority of the Chinese still lived in dire poverty. The change brought Deng Xiaoping, who was never officially head of state. He acted from secondary positions. He was recognized as the unofficial “head of the country” and achieved the unthinkable by letting farmers work for their own account, setting up economic zones for foreign entrepreneurs and reaching an agreement with Great Britain to take back Hong Kong. It was he who founded a “country with two systems”; Communism and capitalism side by side in harmony. From now on the country went up and many areas were monopolistically occupied internationally.

An American professor tried to live without Chinese products. She failed. The simplest things are almost exclusively made in China.

China is now in second place behind the USA, but wants more and the USA is defending itself with punitive tariffs.

China is the largest country in Asia in terms of area and the fourth largest in the world. There are big differences geographically. The highest mountain (Mount Everest) is 8848 meters above sea level. With 1.4 billion inhabitants, it is the most populous country. 92% of the population speak Chinese. In the big cities, many things are written in two languages — English and Chinese.

China’s gross domestic product (GDP) was \$ 14,343 billion in 2019. That means US \$ 10,262 per capita. Subdivided into individual economic sectors:

- agriculture 8.2%;
- industry 39.5%;
- service 52.2% (2017).

With an inflation rate of 2.9% (2019), growth was 6.1%.

China’s GDP has been growing steadily for many years. The country achieved its annual percentage growth record in 2007 with an increase of 13 percent. From 1978, the year of the first reforms, to 2014 total GDP increased 48-fold. The productivity per employee increased ninefold from 1980 to 2012.

For the year 2021, growth in real gross domestic product in China is forecast to be around 8.4 percent compared to the previous year. The statistic

shows the growth of the real gross domestic product (GDP) in China from 1980 to 2020 and forecasts up to 2026.

China’s economy has quickly recovered from the slump caused by the COVID-19 pandemic through strict measures.

Picture 1.1.7. China: Real gross domestic product (GDP) growth from 1980 to 2020 and forecasts to 2026 (compared to the previous year)

Source: Statista 2021¹⁵

Many Western countries used China as a workbench to manufacture their products. In the meantime, the Chinese have appropriated the technologies themselves and have also developed them further. Many international standards are specified by China today.

Based on its strong export orientation, China has a trade surplus of over 300 million euros.

The key figures:

- gross domestic product: € 12,889.80 billion;
- exports: € 2,392.19 billion;

¹⁵ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/14560/umfrage/wachstum-des-bruttoinlandsprodukts-in-china/#:~:text=Wirtschaftswachstum%20in%20China%20anhand%20des%20BIP%20%28Bruttoinlandsprodukt%29%20bis,auf%20rund%208%2C2%20Prozent-%20gegen%20dem%20Vorjahr%20prognostiziert.>

— imports: € 2,068.55 billion.

Regardless of the strong international trade network, the country is a leader in two organizations.

1. APEC (Asia Pacific Economic Community) is a trade agreement with 21 member states — encompassing nearly 3 billion people — in Southeast Asia and Far East Asia. The annual economic output of this association is 51.81 trillion US dollars, which corresponds to 61 percent of the world economy.

2. The RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership) was founded in 2020 as a free trade area in Eastern Asia and Australia. The initiator was the People's Republic of China. This association represents a third of the world's economic output. The participants in this trade agreement are 15 countries with 2.3 billion inhabitants.

China has developed from a developing country into an economic power that wants to claim world leadership for itself within a few decades on its own.

China has gone its own way politically and has developed from pure communism to capitalist communism with an (almost) free market economy.

Europe

Europe's biggest problem is its structure. The continent consists of 52 countries with 735 million inhabitants¹⁶, which is a little less than ten percent of the world's population.

Russia is geographically counted among the European states, but in these considerations it should be considered separately. Turkey, on the other hand, is assigned to Asia.

Over a dozen languages are spoken in Europe. Different cultures lead to different approaches to problems. Although the European Union defines a common procedure for a large part of the countries, all states insist on their own considerations, which are often culturally justified.

1. There are 450 million inhabitants in the European Union; that is 60% of the European population.

2. There is also a common currency union to which 19 states with 340 million inhabitants belong.

3. They have the common currency "Euro". The amount of money put into circulation is 12 trillion and the euro is therefore one of the world's leading currencies.

¹⁶ <https://www.laenderdaten.info/Europa/index.php>.

Picture 1.1.8. Europe
Source: Länderdaten.info

4. In order to simplify trade between the individual member states of the EU, the so-called “Schengen Agreement” came into force in 1990, to which 32 countries have joined. This allows 530 million Europeans to trade without border controls.

As these figures show, there is no uniform approach within Europe or within the European Union. National interests are represented in sub-groups such as the Visegrad states. Discussions trigger national interests, for example when it comes to legislation. Poland wants to subordinate European law to national law. Politically, there are standards within the EU that not all member states want to recognize. Disagreement reduces the clout. The economy would be much stronger with a united Europe.

In the commercial sector, too, sub-groups have emerged.¹⁷

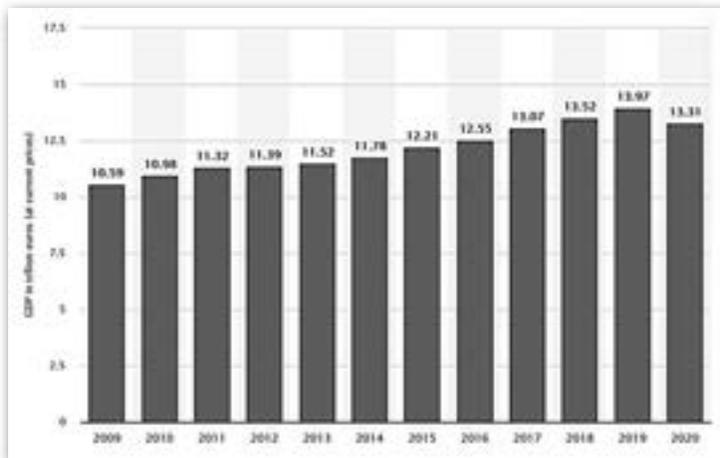
1. The CEFTA is a trade agreement with currently 7 member states in southern Europe and in eastern Europe, to which 20 million people belong.

2. The EFTA is a trade agreement with currently 4 member states in Northern Europe and in Western Europe. This association has 14 million

¹⁷ <https://www.laenderdaten.info/Europa/index.php>.

inhabitants. In relation to the world economy, this represents 1 percent, so of little importance.

A division of the EU into the economically strong countries of the north opposite those of the south is often discussed.

Picture 1.1.9. Gross domestic product of the European Union from 2009 to 2020 (in trillion euros)

Source: Statista 2021, <https://www.statista.com/statistics/279447/gross-domestic-product-gdp-in-the-european-union-eu/>

Data on the gross domestic product (GDP) in the European Union from 2009 to 2020 shows that in 2020 the GDP in the EU amounted to around 13.3 trillion euros.

The majority of European countries felt the aftermath of the 2008 global financial crisis. This had effected the European economy. Successful members had to support countries with deep crisis like Greece.

When it comes to the continent of Europe, a distinction has to be made between:

- the EU with 27 participating states;
- the euro zone and
- Europe with all countries.

In 2020, the gross domestic product of the EU-27 was 13.35 trillion euros and that of the euro zone 11.36 trillion euros. Germany has the highest GDP with 3,332.23 billion euros.

Russia

Russia is the largest country in the world and has 144 million inhabitants. As in the USA, there is a nationally uniform language — Russian — which is spoken by over 80% of the population. Russia is the 11th largest economy in the world. The strength lies in raw materials. Due to its size — it is the largest country in the world — its natural resources are enormous. The most important export goods in 2020 were mineral oil and gas. That made up 50% of the total export. Due to COVID-19, this proportion had decreased.

In an international comparison, Russia is the third largest producer of crude oil and the second largest oil exporter. Five of the ten largest Russian companies do their business in this field.

Russia also leads the world in the field of precious metals:

- diamonds (1);
- gold (3);
- silver (4);
- aluminum (2).

But coal is (still) very important. Russia is the third largest coal exporter in the world.

Table 1.1.2

The main export goods of Russia by export value Sources: International Trade Center (ITC) — export data¹⁸

Product category	Export (in billion euros)	Share of total exports
Mineral oil	103,35	35,0%
Other raw material (especially natural gas)	45.3	35.0%
Gemstones and Metals	26.6	9.0%
Iron and steel	14.0	4.7%
Coal	10.9	3.7%
Grain	8.2	2.8%
Machines	7.3	2.5%
Wood	7.2	2.4%
Fertilizers	6.1	2.1%
Copper and copper articles	4.9	1.7%
Total exports	295.4	

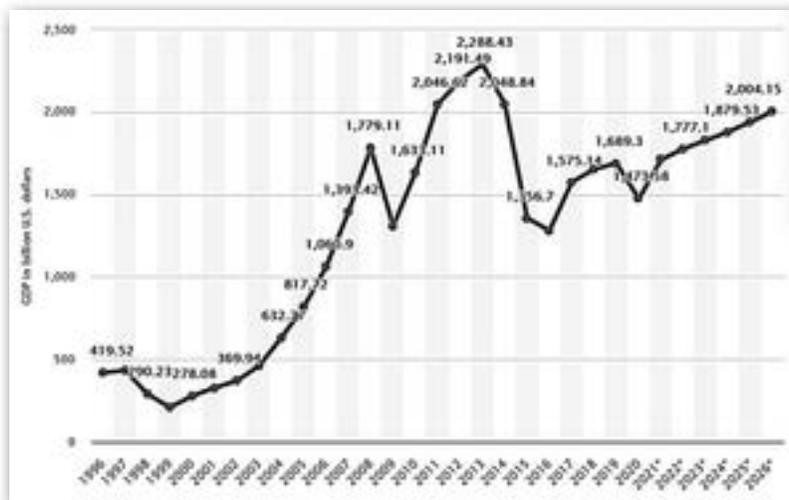
¹⁸ Wikipedia — Ranking of the largest economies: <https://www.weltexporte.de/export-produkte-russland/#russlandexportprodukte2>.

The economic facts:

- gross domestic product 1,298.81 billion euros;
- exports € 331.92 billion;
- imports € 266.75 billion.

Thanks to the export of raw materials, the country has a positive export / import balance.

When looking at the development of the gross domestic product, the effects of the sanctions are clearly visible:

Picture 1.1.10. Russia: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1996 to 2026(in billion U.S. dollars)

Source: Statista 2021,

<https://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-russia/>

The Federal Republic of Russia belongs to two trade organizations.

1. The APEC (Asia-Pacific Economic Community) with 21 member states in Southeast Asia and Far East Asia and almost 3 billion inhabitants. The annual economic output is 52 trillion US dollars, which corresponds to 61% of the world economy.

2. The EAEU — Eurasian Economic Union — is a trade agreement with five countries in Central Asia and Eastern Europe. This community has 181 million inhabitants and an annual economic output of 1,733.97 billion US dollars, which corresponds to about 2% of the world economy.

Trade is increasingly becoming a strategic “instrument of war”. China and the US impose punitive tariffs on each other. The USA against Europe and vice versa. America is not satisfied with Europe’s excessive exports and, following the motto of American President Trump “America first”, import duties have been imposed on various products from Europe. The backlash was inevitable.

In the case of Russia, they are politically based bans. The European Union saw the occupation of Crimea by Russia as a violation of international law and imposed sanctions in 2014. In return, Russia banned the import of food from Europe. However, this action led to Russia’s self-sufficiency in agricultural products.¹⁹ There are even plans to become a major exporter in this sector.

A similar situation occurred in the auto industry. The Russian government forced importers to produce their cars in the country. In 2021, a large proportion of car production will come from own production.²⁰

Russia’s economic power is a leading one, but not in future fields. The energy industry is changing and a problem to be solved for the country.

The strength in the military sector shown in the chapter on the military could cause the economic sector to catch up. Technological innovations always come in steps:

- first in the military field;
- then in the professional and ultimately also
- with the consumer, with the normal citizen.

Research in the military usually has the best financial resources.

One example of this is the traffic control system. It was first used in World War II to control the hundreds of aircraft. An aviation system that was then used in civil, professional aviation after the war. An aircraft only takes off when its route has been predetermined and calculated. With the high-speed trains, this technology, satellite-controlled steering, was also used in the railway sector. Experts expect it in private transport in the next few years.

There would be a chance of profiling here.

Leadership in Overcoming the Climate Crisis

The climate crisis is an ecological, political and social task. It is caused by our world society and can only be solved by this in a joint approach. What

¹⁹ Plekhanov University of Economics, Moscow, “Made in Russia”, Moscow 2021.

²⁰ Steiner Eduard: “The clear winner of the sanctions”, “Die Presse”, Vienna October 13, 2021, p. 18.

is needed in this area is a leadership that could soon take on a greater role than that of the military and the economy.

The four leaders developed in the previous categories should be used in this consideration: China, USA, Europe and Russia.

One of the measurable factors is the biocapacity deficit in the form of the ecological footprint. This number expresses how much larger our globe would have to be in order to balance the energy and environmental impact budget.

Countries with biocapacity deficit (percentage that ecological footprint exceeds biocapacity):²¹

- Cyprus 1,540%
- Luxembourg 955%
- Malta 884%
- Netherlands 517%
- Italy 404%
- Switzerland 340%
- **China 302%**
- Portugal 243%
- Spain 235%
- Germany 204%
- Greece 196%
- Poland 139%
- **United States of America 133%**
- Czech Republic 132%
- Slovenia 125%
- Austria 121%
- Republic of North Macedonia 111%
- Albania 106%
- Serbia 106%
- Bosnia and Herzegovina 98%
- France 82%
- Denmark 64%
- Slovakia 64%
- Ireland 50%
- Hungary 46%
- Montenegro 36%

²¹ https://data.footprintnetwork.org/?_ga=2.3656569.874867779.1633707997-309238703.1633707997#/.

- Croatia 24%
- Lithuania 14%
- Romania 10%
- Bulgaria 10%

This list shows European countries, China and United States of America.

Among those countries that have biological reserves, the Russian Federation appears: countries with biocapacity reserve (percentage that biocapacity exceeds ecological footprint) — Russian Federation 27%.²²

A decisive factor in this question is how large the biocapacity of the individual countries is in absolute terms. Here, too, the 4 leading nations should be discussed:

Countries ranked by total biocapacity (in global hectares):

- Brazil 1,800,000,000;
- China 1,330,000,000;
- United States of America 1,120,000,000;
- Russian Federation 1,000,000,000;
- Europe 1,011,977,000.

Biodiversity is an important factor in this problem area.

A United Nations organization is dealing with it.

“Biodiversity refers to the variety of living species on Earth, including plants, animals, bacteria, and fungi. While Earth’s biodiversity is so rich that many species have yet to be discovered, many species are being threatened with extinction due to human activities, putting the Earth’s magnificent biodiversity at risk.”²³

International climate agreement

As early as 1979, the World Meteorological Organization (WMO) pointed out at a conference in Geneva that climate change was looming that required global countermeasures.

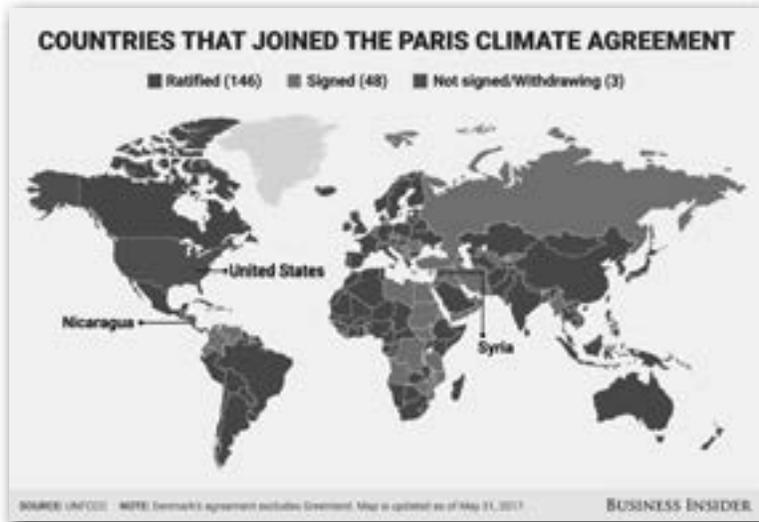
Several climate conferences followed.

The international society and its representatives struggled to find a common approach. Compromises were forged. Countries dropped out and did not participate, as happened with the Paris climate agreement and the United States did not participate.

This was of great importance because the USA would have to make a large contribution in terms of its size and economic output.

²² https://data.footprintnetwork.org/?_ga=2.3656569.874867779.1633707997-309238703.1633707997#/.

²³ <https://www.nationalgeographic.org/encyclopedia/biodiversity/>.

Picture 1.1.11. *Countries that joined the Paris Climate Agreement*

This Paris conference was organized by the United Nations in 2015 and 197 countries agreed on a global climate agreement. 180 countries have now ratified it.

The agreement has three objectives:

- global warming should — in relation to the pre-industrial era — be limited to below two degrees Celsius;
- reducing greenhouse gas emissions;
- the flow of funds should be in line with the climate goals.

The active organizer on this issue is the UN. Similar conferences with agreements were held in Rio de Janeiro in 1992 and in Kyoto in 1997. Poland followed suit with a conference in 2021.

United States of America

The USA is the second largest emitter of greenhouse gases in the world after China and has the highest greenhouse gas emissions per capita in the world. The country has emitted over 400 billion tons of greenhouse gases.²⁴

²⁴ https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_L%C3%A4nder_nach_CO2-Emission_pro_Kopf.

There has been a strong polarization in American politics in recent years. So also in environmental protection. The Democratic Party advocates an active climate protection policy. The Republican Party tends to inaction and to reverse existing climate change policies. Many companies publicly oppose a reduction in CO2 emissions.

The “United States Environmental Protection Agency” was founded as early as 1970. It is an independent agency of the United States government for the protection of the environment and human health. Efforts in this area have been regressive under Donald Trump’s presidency. There is also little understanding of environmental protection among the population. There are even demonstrations against climate protection.

The recycling of garbage has been done in part by China. China has stopped accepting American rubbish since 2018.

President Trump has withdrawn from the Paris climate agreement. President Joe Biden must make up for this setback and build appropriate organizations and activities. He has ambitious goals and wants to produce electricity without coal, oil and gas by 2035. America should be climate neutral by 2050. Around two trillion dollars are planned for renewable energies to deal with this. Biden also sees an opportunity with it to create hundreds of thousands of new jobs. Many climate change measures, such as stopping oil and gas leases on public land, have been taken.

Research into climate change is becoming an important factor for all main players in the world, in which the Biden government wants to play a major role and has set 35 billion US dollars for research and development.

America was an important car maker and has lost ground internationally. Biden wants to reversal this trend and is supporting this sector. The state is making 174 billion US dollars available for electric cars.

At a meeting of the UN General Assembly in September 2021, President Biden promised to double spending on environmental protection and a climate protection policy to help developing countries.

Europe

The European Union — representatives of the EU states and the EU Parliament — agreed on a climate target for 2030 in April 2021. By then, greenhouse gases are to be reduced by 55 percent below the 1990 level. A goal that one side described as too little and another as epochal.

The main goals for 2030 are:

— reduction of greenhouse gas emissions by at least 40% (compared to 1990);

- share of energy from renewable sources of at least 32%;
- increase in energy efficiency by at least 32.5%.

The target of reducing greenhouse gas emissions by 40% is implemented through the EU emissions trading system, the burden sharing regulation with the targets for the emission reductions of the member states and the regulation on land use, land use change and forestry. In this way, all sectors contribute to the 40% target by both reducing emissions and increasing mining.

The EU Commission President welcomed this agreement: “I warmly welcome the agreement on the Climate Law. Our political commitment to becoming the 1st climate neutral continent by 2050 is now also a legal one.

The Climate Law sets the EU on a green path for a generation. It is our binding pledge to our children and grandchildren.”²⁵

Russia

Russia was not very active on the subject of “climate change”. That changed from 2019. During his term in office until 2024, President Putin wants to implement twelve priorities. Ecology is one of them. A corresponding action plan was presented in 2019.

Measures are set in the following subroutines:

- clean land (removal of contaminated sites);
- complex municipal waste management system;
- infrastructure for handling waste of hazard classes I and II;
- clean air;
- clean water;
- recovery of the Volga;
- protection of Lake Baikal;
- protection of unique water objects;
- preservation of biodiversity and development of ecotourism;
- preservation of the forest;
- best available techniques (BAT, introduction to companies with particularly high emissions).

“The main goals are the establishment of an efficient waste management system, the elimination of illegal landfills, the increase of the drinking water quality, cleaner rivers and lakes through less discharge of dirty water, better air in the metropolitan areas, the preservation of biological diversity

²⁵ Ursula von der Leyen (@vonderleyen) 21 April 2021.

(biodiversity) and reforestation.”²⁶ 5 trillion euros are budgeted for implementation by 2024.

A CO2 law was passed in July 2021. Companies are obliged to prepare emissions reports on a regular basis and to create framework conditions for trading emissions certificates. A plan has been drawn up to reduce CO2 emissions by 2050.

The rethinking of the Russian government got its impetus from the CO2 levy that will be levied in the EU from 2026. Russia exports goods to Europe, the manufacture of which emits high greenhouse gas emissions. Russia would then have to pay a high CO2 tax for products from the steel and aluminum industry, fertilizers and cement, and power generation. If the Russian market did not react to this change, many exports would cease and tax payments in the amount of 1.5 to 5 billion euros would be incurred.²⁷

China

Despite its bad image, China is trying to catch up internationally in this sector too.

In October 2021, a “Biodiversity Conference”²⁸ took place in Kunming, in which 200 countries took part. The purpose of this meeting was to develop strategies against species extinction.

One species dies every 10 minutes.

A million plants and animals are affected from extinction.

According to the experts, 30% of the landscape should be protected. Over 100 countries signed a joint declaration.

“The Kunming Declaration calls for “urgent and integrated action” to reflect biodiversity considerations in all sectors of the global economy but crucial issues — like funding conservation in poorer countries and committing to biodiversity-friendly supply chains — have been left to discuss later.”²⁹

With its economic strength, China wants to bring technologies to reduce CO2 emissions onto the international market. This is already the case in some areas. They have achieved market leadership with solar energy facilities. In the automotive industry, China is making use of the well-developed battery technology.

²⁶ <https://www.gtai.de/gtai-de/trade/branchen/branchenbericht/russland/russland-macht-den-umweltschutz-zur-prioritaet-21764#:~:text=Umweltschutz%20ist%20in%20Russland%20neuerdings%20Chefsache.%20Das%20Nationale,Pr>.

²⁷ Boston Consulting Group calculations

²⁸ <https://www.unep.org/events/conference/un-biodiversity-conference-cop-15>.

²⁹ <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Countries-adopt-Kunming-Declaration-to-protect-biodiversity>

China was the world's biggest polluter, but is on the way to improving this situation. The Paris Climate Agreement has been ratified. By the year 2030, CO2 emissions are to be reduced by 65%. The market for green bonds is growing rapidly.

Who is now the world's number 1 power?

From a traditional perspective, the United States is ahead. “The establishment of a world order with the USA as the world's leading power has been an idea that has deeply rooted in American political culture since Woodrow Wilson at the latest. But it was only after the Second World War that the United States was able to exercise this claim to leadership — albeit because of the conflict the Soviet Union only to a limited extent — “partial world” prevail. With the collapse of the former adversary was the goal of the American Containment politics had been achieved, but at the same time the global political compass had to be developed America's being realigned. President George Bush attempted to redefine the goals of what is now the only superpower with the slogan “New World Order”, which in the long term should lead to a “Pax universalis””.³⁰

But right now a scientific and political debate about a new world order is starting. Although some experts advocate a continuation of the American role, new solutions are necessary after the end of the East-West conflict.

It is different in the military and economic fields.

Militarily there is a shift. The US is reducing its sphere of influence and China is investing in the military. Russia uses the military to stabilize in crisis areas. No common approach can be seen in the European Union.

China and the USA are fighting for supremacy in the world economy.

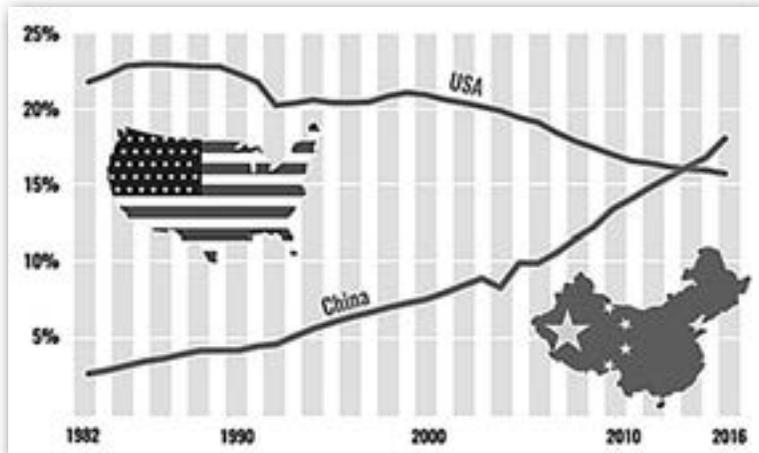
China has achieved supremacy from the position of a developing country and is now trying to gain importance in this sector through military armament.

If you look at the development of the gross domestic product, China is increasingly taking on the pioneering role.

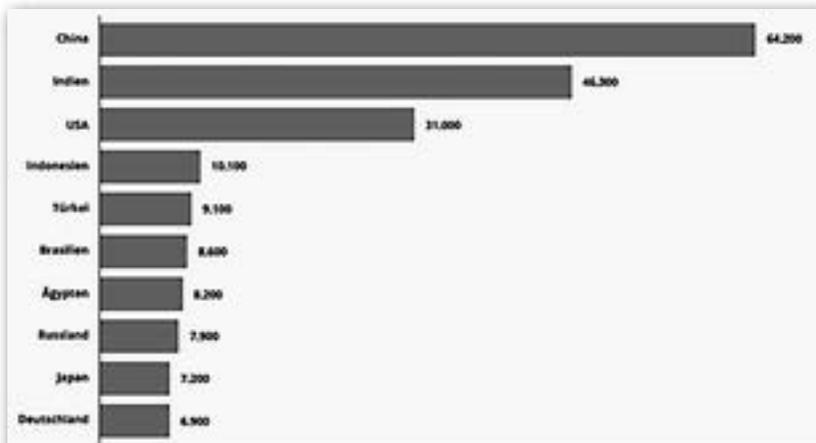
If the effect shown in this graphic occurs, India is a new player in the top field. Turkey — it was described as a regional actor in this report — also appears in 5th place in the international GDP ranking.

Positioning in the fight against climate change will have an impact on the market economy of all countries. Therefore, measures in this area are an investment in the future trading business.

³⁰ Feiner, Sabine: “Weltordnung durch US-Leadership?”, Wiesbaden 2000, P. 11. — https://doi.org/10.1007/978-3-322-92495-7_1.

Picture 1.1.13. Share of global gross domestic product (price adjusted)
 Source: www.Katapult-Magazin.de
 Greifswald, Germany

Picture 1.1.14. The largest economies by nominal GDP (gross domestic product) in 2030. In billions of US dollars

The politics of all regions and countries see climate protection as an opportunity to develop new products and technologies with which they can expand their position on the world market.

1.2. Взаимообусловленность цифровизации и европейских ценностей

Активизация открытого метода координации в ЕС

Стоит признать, что в последние годы координирующая роль Европейской комиссии (ЕК) в управлении социально-экономическим развитием ЕС становится все более заметной. ЕК значительно продвинулась в реализации амбиций ее председателя Урсулы фон дер Ляйен, используя хорошо знакомый исследователям открытый метод координации. Суть данного метода заключена в ориентировании акторов на достижение количественных целевых показателей. Особенностью стратегий последних лет стало более активное, чем когда бы то ни было, использование количественных ориентиров. В частности, широкий спектр ориентиров в области цифровизации определен в февральском сообщении ЕК 2021 г. «Европейский цифровой компас»³¹ и сентябрьском сообщении 2021 г. «О старте цифрового десятилетия»³². Ряд количественных ориентиров выдвинут в Стратегии «От фермы до вилки»³³. Эти конкретные ориентиры служат основой для повышения

³¹ Определены четыре группы целевых показателей: 1) *квалификация в области цифровых технологий* (к 2030 году не менее 80% всех взрослых людей в ЕС должны обладать базовыми цифровыми навыками; в сфере ИКТ должно быть 20 млн занятых); 2) *цифровая инфраструктура* (к 2030 году все домохозяйства ЕС должны иметь гигабитную связь; все поселения должны быть охвачены сетью 5G; производство передовых и устойчивых полупроводников должно составлять 20% от мирового производства); 3) *цифровая трансформация бизнеса* (к 2030 году 75% компаний должны применять облачные технологии и использовать искусственный интеллект; 75% компаний должны использовать технологии анализа больших данных; более 90% малых и средних предприятий должны достичь как минимум базового уровня цифровизации; удвоить количество «стартапов-единорогов»); 4) *цифровизация государственных услуг* (к 2030 году все ключевые государственные услуги должны быть доступны онлайн; все граждане будут иметь доступ к своим электронным медицинским картам; 80% граждан должны использовать европейскую систему электронной идентификации EID).

³² A Path to the Digital Decade: common governance and coordinated investment for the EU's digital transformation by 2030. 15 September 2021. European Union, 2021. P. 1–2. DOI:10.2759/103656.

³³ В Стратегии (FarmtoForkStrategy: A European Green Deal, 2019) определены следующие цели: к 2030 г. сокращение выбросов парниковых газов до 55% по сравнению

результативности других методов и принципов управления: бюджетного метода ЕС и принципа обусловленности (conditionality) финансовой помощи. Иными словами, произошло сложение методов с целью достичь лучшей результативности. Недооцененный наукой открытый метод координации (а именно описанный ею как самый «мягкий» формат регулирования), на практике доказал свою ценность и действенность.

Стоит отметить к тому же, что координационная функция ЕС в целом не вышла за рамки неолиберальной парадигмы. Первой стратегией, в которой использован открытый метод координации, была, как известно, Лиссабонская стратегия 2000 г. С нее, видимо, и надо начать периодизацию нынешнего этапа в развитии ЕС, которому уже 20 лет и который следует назвать периодом формирования «умной» (smart) неолиберальной модели [1]. Продуманная подобно смарт-устройствам, эта модель базируется на конкретных, измеряемых, достижимых, уместных и регламентированных ориентирах (*specific, measurable, attainable, relevant, time-bound — SMART*), а также на заранее сформированном представлении о том, что от этой модели ожидать.

«Цифровизация» европейских ценностей

В экономической литературе анализ европейских ценностей как категории для изучения все еще редко встречается. Однако количественные показатели развития умной модели ЕС измеряют не что иное как ценности. Именно ценности вложены в директивы и регламенты, принятые в рамках стратегий цифровизации (нынешней стратегии предшествовала стратегия создания единого цифрового рынка 2015–2020 гг.³⁴ Количественное измерение получили нормы о свободе передвижения данных внутри ЕС, о применении искусственного интеллекта и другие ее нормы³⁵. Отсюда, гипотетически становится

с уровнем 1990 года, сокращение использования пестицидов на 50%, удобрений на 20%, противомикробных препаратов на 50%, доведение до 25% доли органического земледелия.

³⁴ A Digital Single Market Strategy for Europe. COM (2015) 192 final.

³⁵ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union; Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. Official Jour-

возможным построение прогноза о положительном влиянии цифровизации на систему европейских ценностей.

Де факто программы, призванные культивировать эффекты европейской экономической интеграции, всегда были нацелены на развитие коллективной идентичности или, другими словами, на формирование европейских ценностей. Мы подразумеваем Программу завершения формирования единого внутреннего рынка (Проект 1992), приведшую к существенной активизации взаимной торговли, снижению издержек от торговых барьеров внутри союза и более свободному передвижению людей в частных и профессиональных целях; программы в рамках региональной политики ЕС, нацеленные на сглаживание диспропорций за счет помощи странам догоняющего типа развития Центральной и Восточной Европы; Стратегию цифровизации внутреннего рынка 2015 г., Зеленую сделку 2020 г. Все эти стратегии невозможно представить вне массивов данных, которые сегодня анализируются с помощью искусственного интеллекта. Именно за счет таких стратегий европейская идентичность укреплялась, а европейская интеграция оправдывала свое существование. Можно сказать, что целью неолиберальных программ было укрепление европейских ценностей, а именно, создание новых способов защиты прав потребителей, сбалансированного пространственного развития, защиты жизни, здоровья, окружающей среды. Говоря о достижениях в сфере коллективной идентичности, мы подразумеваем общность политических основ и идей, начиная от приверженности либеральной демократии, верховенству закона, уважению прав человека, солидарности, и заканчивая идеей общей устойчивости. Все они могут быть выражены и оценены с использованием количественных методов оценки.

Изменения в технологическом укладе, тем самым, развивают концепцию европейских ценностей. В свою очередь европейские ценности определяют генеральные направления цифровых трансформаций. В этом видится влияние одного на другое.

nal of the European Union; The European Commission's Regulation on the Free Flow of Non-Personal Data (n. 2018/1807); the General Data Protection Regulation (n. 2016/679); White paper on Artificial Intelligence — A European approach to excellence and trust. Brussels, 19.2.2020 COM (2020) 65 final; Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European strategy for data. Brussels, 19.2.2020 COM(2020) 66 final и др.

Сегодня в число европейских ценностей можно записать конкретные задачи цифрового десятилетия. Правда, здесь уместно и оговориться: большинство ориентиров до сих пор находятся в стадии обсуждения, например, те, что касаются электронной идентификации.

Специально стоит обратить внимание на перспективу единой онлайн-идентификации. С ее обустройством возникает третий вид идентичности в дополнение к национальной и европейской — цифровая идентичность для онлайн-идентификации личности. Причем, это не только новый феномен, но и новая проблема и поле для регуляторной деятельности ЕС. Каждый человек в настоящее время имеет десятки цифровых удостоверений личности, дающих доступ к учетным записям в социальных сетях, торговым агрегаторам, онлайн-банкингу. Как полагают в ЕС, ситуация фрагментации, когда одно лицо выступает во множестве лиц, а также действует в рамках решений, которые ему предлагает его национальное государство, может замедлить процесс цифровизации. ЕК пытается осознать проблему и уже предлагает поправки в Регламент eIDAS (Регламент об электронной идентификации и услугах доверия для электронных транзакций, 2016 года). Поставлена цель гарантировать пользователям контроль над данными, которые их идентифицируют. В достижении цели еще многое не определено.

Одно из первых исследований, специально посвященных связи цифровой стратегии с европейскими ценностями, было опубликовано в 2021 г. [2]. В нем подмечено, что еще в 2016 г. один эксперт Европейского инвестиционного банка предложил термин «цифровой суверенитет» [3] для обозначения этой неразрывной связи. Урсула фон дер Ляйен в своем сообщении членам Европарламента от 15 сентября 2021 г. «О положении в ЕС» назвала эту взаимосвязь «технологическим суверенитетом». Она, в частности говорила о потребности Европы «сделать свой собственный выбор, основываясь на своих ценностях, уважая свои собственные правила»³⁶. Таким образом, под технологическим суверенитетом официальный ЕС понимает не стремление устранить нехватку европейских альтернатив американским цифровым платформам или облачным технологиям, а стремление создать такие европейские аналоги, которые были бы удобны для европейцев, так как работали бы по европейским законам. Маргрете Вестагер, испол-

³⁶ Von der Leyen, U. (2020). Shaping Europe's digital future. European Commission. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260.

нительный вице-президент, тоже высказалась по этому поводу: «Наша цифровая стратегия заключается не в том, чтобы сделать Европу более похожей на Китай или США, а в том, чтобы сделать Европу более похожей на себя»³⁷. На этом принципе уже основаны, в частности, договоренности государств и компаний ЕС о создании европейской облачной платформы GAIA-X.

Кредит доверия: есть ли он?

Для продвижения своих целей институты ЕС, как правило, должны получить кредит доверия со стороны общества. Тогда возможна и переориентация инвестиций. Соответственно, ЕК должна усердно работать над оценкой общественного мнения относительно состояния в ЕС защиты данных, а также мониторить множество событий. Вместе с тем, как представляется, достаточный кредит доверия уже имеется. Европейская общественность с удовлетворением оценивает деятельность ЕК, направленную на пресечение злонамеренной практикой мощных американских технологических платформ при осуществлении ими посредничества между продавцами и покупателями (в частности, расследования против Amazon и Apple о практике выборочной дискриминации путем искусственного занижения рейтинга отдельных продавцов). Еврокомиссия также взяла на себя формулировку четких правил о том, когда нельзя использовать искусственный интеллект. Например, уже ясно, что нецелесообразно применение технологий искусственного интеллекта при найме на работу или предоставлении кредитов. В ряде сфер применение такого рода технологий сопряжено с этическим риском.

У европейцев все еще есть законные опасения. К числу таких опасений относится довольно высокая цена цифровой трансформации, ложащаяся дополнительным бременем на бизнес и общество. Подсчитано, что средняя фирма из 500 сотрудников должна потратить 3 млн евро, чтобы соответствовать европейским нормам о защите данных; штраф за их нарушение может достигать 20 млн евро³⁸.

³⁷ Shaping Europe's digital future: Eurobarometer survey shows support for sustainability and data sharing Brussels, 5 March 2020. European Commission — Press release. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_383 (дата обращения 30.11.2021).

³⁸ IAPP-EY Annual Governance Report 2018. International Association of Privacy Professionals. Mode of access: <https://iapp.org/resources/article/iapp-ey-annual-governance-report-2018/> (дата обращения: 30.11.2021).

Цифровизация сопряжена с рисками для отдельных категорий граждан, которые могут не вписываться в общие стратегии, исходя из своего вида деятельности или неспособности переквалификации. Это экзистенциальный риск для традиционных видов деятельности. Официальный опрос Евробарометра показал: подавляющее большинство респондентов, которые используют свои учетные записи в социальных сетях для входа в другие онлайн-сервисы, хотят знать, как используются их данные. Соответственно, задача институтов ЕС — прислушиваться к подобным опасениям и заниматься ими по существу.

Продвижение ценностно-ориентированных, хотя и дорогостоящих трансформаций, тем не менее, происходит. Как известно, выпуск стратегий ЕК предварялся широким обсуждением целевых установок. Отсюда считается, что их посылы разделяют граждане ЕС и политические партии. В результате долгих общественных обсуждений итоговое содержание стратегий можно уподобить императивам.

Стоит заметить, что положительному ходу обсуждений недавних стратегий, как не странно, на первый взгляд, способствовала лояльность территорий догоняющего развития. Полезность внедрения цифровых технологий рассматривалась ими вне пределов традиционных показателей роста торговли и экономической эффективности. В качестве критерия оценивался именно ценностный вклад цифровой экономики в общественное благополучие. Понятно, что за европейские императивы выступили те регионы, которые желали сохранить трансферты из европейского бюджета.

В итоге проблемы, созданные эпохой цифровизации, удачным образом вписаны в контекст ценностного подхода. Еврокомиссия весьма быстро разворачивает Союз в направлении предложенных всего пару годами ранее дорогостоящих, но прогрессивных трансформаций. Эту работу уже стоит назвать хитрой и умной. Насколько эффективна будет политика цифровизации ЕС, говорить пока рано. Наивно думать, что ЕС удастся бросить вызов доминированию технологических компаний США. Но вполне реально полагать, что эффективность будет измеряться именно с точки зрения степени достижения объявленных количественных показателей. В этом и будет заключаться реальный шаг ЕС в сторону защиты правообладателей и неприкосновенности частной жизни, а также других европейских ценностей.

1.3. Национальная и европейская идентичности как исторические нарративы

Чтобы успешно развиваться всякое сообщество должно очертить свою коллективную идентичность, в свою очередь, осознание общности и усилия по поддержанию единства является существенной основой решения политических и иных проблем. Поэтому столь значимой в современном мире стала политика идентичности. В связи с этим следует особо отметить, что политическое использование исторического прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности (расовой, этнической, классовой, гендерной, религиозной, региональной/территориальной, наднациональной и др.). Описание формирования любых «воображаемых сообществ» — это, так или иначе, формирование такого явления как исторический дискурс. При этом групповая идентификация (в том числе этническая, конфессиональная, региональная и национальная) в диахронном измерении обязательно включает признание непрерывной тождественности различающихся в реальности и меняющихся во времени образов общности «мы». Однако, несомненно, что особое значение прошлое имеет для «воображения наций». «Без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации», — резонно утверждает С. Хантингтон [15, с. 185].

Политическое использование прошлого в дискурсе властных элит необходимо для решения конкретных актуальных задач, но оно практически всегда подчинено логике легитимации их самих и проводимого ими политического курса. «Легитимность и сплоченность современного государства, — отмечает К.Калхун, — отчасти зависела от его способности притязать на сильную национальную историю. Это подталкивало к пересмотру прошлого и новым действиям, на исполнение давнишних обещаний» [4, с. 234]. Достаточно напомнить, что профессиональная история и возникла в начале XIX века именно как часть «предприятия по строительству нации» (А.Миллер), а уже к началу XX века историография и история в государствах Европы стала окончательно определяться исключительно в националистических категориях. «Понятие «национальная история», — отмечает Г.Бордюгов, — ...означает систему знаний, сотворенную национальной

(принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм» [8, с. 9]. Более того, «функции исторического знания на протяжении, как минимум, последних трех веков модифицировались и усложнялись, но, все же, можно за всем многообразием задач истории увидеть один инвариант — это обеспечение идентичности. Смена моделей историописания была, как правило, связана с кризисами идентичности» [10, с. 25–26].

При этом пережитая и передаваемая из поколения в поколение историческая память служила и служит сегодня, всего лишь, «сырьем» для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности» столь важного для любого национального самосознания. Именно поэтому создание «работающего» национального исторического мифа становится крайне важной государственной задачей. Создание словарей и учебников национального языка, фиксирующих уже существующие лексические нормы, или поднимающих на уровень литературного языка крестьянские диалекты; изобретение и популяризация национальных символов, учреждение национальных праздников, появление вымышленных персонажей, символически олицетворяющих нацию, её историю и институты — всё служило и служит тому, что образ уникальной «своей» нации становился чем-то само собой разумеющимся в сознании её членов. Именно поэтому, как представляется, национальную идентичность чаще всего и определяют, как «коллективное чувство, в основе которого лежит вера в принадлежность к одной и той же нации и согласие в отношении большинства атрибутов, которые делают ее отличающейся от других наций» [12, с. 11]. В результате, каждая состоявшаяся нация имеет свою историю (героическую или трагическую со своим пантеоном «героев», «мучеников» и «злодеев»), которая является не просто описанием череды событий прошлого, а профессионально организованным «национальным нарративом», т. е. основанным на признаваемом достоверным знании и признаваемой большинством членов нации версией прошлого страны и ее народа. Сформировавшийся национальный нарратив, обладает, по мнению В.Шнирельмана, рядом инвариантных черт. Таковыми являются:

- убежденность в древности и автохтонности «этноса», от имени которого и создается национальная история;

- проекция максимально широко понимаемых этнополитических границ в прошлое; идентичность «этноса» и его языка на протяжении всей истории; миф о славных предках;
- борьба за культурный приоритет; конструирование образа иноземного заклятого врага [см.: 18].

Причем, «чем более блестящим представляется народу его прошлое, с тем большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимации политических претензий или уже имеющих политических прав, и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл» [17, с. 24].

Таким образом, несомненно, что исторические нарративы играют чрезвычайно важную роль в национальной идентификации. Связь нарратива, исторической памяти и идентичности особо отмечал еще Поль Рикер, который писал, что все мы обладаем «нарративной идентичностью» [см.: 14]. Другими словами, мы есть то, что сами о себе рассказываем, и воспоминания о прошлом — это, прежде всего, наши рассказы о нем. То же самое можно сказать и о коллективной памяти, в которой хранится история сообществ и наций.

Действительно, «исторические нарративы национального единства» призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмыслять себя как принадлежащих к «коллективному Мы» и нивелировать неизбежно существующие в идентифицируемой общности социальные и культурные различия. Не случайно, известный норвежский политолог А.Нойманн подчеркивает значимость подобных «историй в сослагательном наклонении» (конституирующих образ «коллективного Я») и осуществляющих функцию самопрезентации в политическом пространстве. Те же, кто отстраняется от участия в какой-либо репрезентации истории о коллективном «Я», немедленно остаются без политического пространства», — утверждает норвежский исследователь [9, с. 277–278]. Поэтому участие в политическом дискурсе означает также постоянную борьбу за «истинный» смысл прошлого, за утверждение именно вашей его трактовки. В силу этого, в частности, граница между профессиональными историками, изучающими политику прошлого, и политиками, заинтересованными в истории, весьма относительна. Поэтому, столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения

исторических истин, всестороннего и объективного описания тех или иных событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство и легитимность посредством, символического господства того или иного толкования гпциональной «истории». Причем историкам наивно рассчитывать на диалог на равных с носителями политической власти.

«Описывая «общую» историю определенной нации, давая ей объединяющие символы и мифы ... эти телеологически построенные исторические нарративы неизбежно упрощают и, как правило, искажают картину прошлого. Наряду с прославлением (предполагаемых) исторических достижений и «общих» жертв, такие нарративы решают задачу осмысления (или замалчивания) проблемных, темных или даже позорных событий в прошлом того или иного народа» [6, с. 66], то есть решают задачу конструирования политически «удобного прошлого». «Нации, — как утверждал еще в XIX веке Эрнст Ренан, — строятся на коллективной потере памяти — изобретенные вчера, сегодня они воспринимаются уже как вечная и неизменная категория» [13, с. 92]. Таким образом, официальная история нации может быть исторически более или менее достоверной, или, напротив, в значительной степени фиктивной, но в любом случае, благодаря системе всеобщего образования и распространения исторических мифов через СМИ, она усваивается и принимается большинством членов нации и тем самым обретает статус конвенциональности.

Из этого, в частности, следует, что понятия «коллективная историческая память», равно как и «коллективное историческое сознание», «коллективная воля», суть не более чем политические метафоры. «Все индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, — пишет Э. Хобсбаум, — но исторические исследования, как правило, раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм» [21, с. 357].

Поэтому современные массовые представления о национальной истории не являются «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению, они — результат деятельности профессиональных акторов «исторической политики». Поэтому и «то, какие элементы прошлого вовлекаются в культурный оборот в качестве «общего» для различных индивидов прошлого (а какие, напротив, «вытесняют-

ся», подвергаясь активному «забыванию»), отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся ... «общее прошлое» невозможно без специфических усилий по его конструированию» [5, с. 127]. Как следствие, историческая память и исторический нарратив меняют свое содержание на разных этапах развития общества не только вследствие избирательного характера подхода к событиям и явлениям прошлого, но и, не в меньшей степени, вследствие изменения их оценки и политической роли. Каждое новое поколение, благодаря усилиям интеллектуальных и политических элит, открывает, и будет открывать в истории те ее уроки, которые наиболее значимы для сегодняшнего существования и восприятия действительности. В силу этого каждое новое государство будет конструировать собственную непрерывную и «удобную» версию национальной истории. Поэтому одни и те же события прошлого очень часто получают в разных системах исторических координат диаметрально противоположную оценку и интерпретацию, что определяется их неодинаковым значением и оценкой в исторической памяти и дискурсе различных социальных групп и народов [2, с. 21].

Как уже было отмечено выше, решающая роль в конструировании национальной идентичности принадлежит политическим элитам. «Более того, в силу своей природы политический текст (транслируемый представителями политической элиты — прим. авт.) всегда проецирует нормы и идентичности того политического сообщества, от чьего имени он произносится, воспроизводит и переопределяет эти нормы, границы между внутренним и внешним, «своими» и «чужими» [7, с. 309].

От позиции политических элит, как правило, зависит статус и оценка, которую получит то или иное событие или факт той или иной национальной (этнической) истории. Хотя, было бы ошибкой воспринимать адресатов элитного исторического нарратива в качестве его пассивных потребителей, процессы кодирования и декодирования смыслов и символов не всегда совпадают, более того, могут появляться альтернативные версии интерпретации транслируемого элитами нарратива.

В связи со сказанным можно сформулировать вопрос: Возможно ли успешное нарративное конструирование наднациональной европейской идентичности? Предлагая вариант ответа на этот вопрос, норвежский политолог А. Нойманн убедительно показал, что регионы,

как внутригосударственные, так и транснациональные, вообразаются в соответствии с теми же механизмами, по которым, согласно хорошо известной теории Б.Андерсона, «вообразаются» нации. Это обстоятельство и было им положено в основу концепции «регионального строительства». Как и в процессе создания национального государства, региональные элиты конструируют некую пространственно-временную идентичность в соответствии со своими интересами, опираясь, на те или иные, реальные или мнимые культурные признаки и исторические факты, которые фиксируют как общность идентифицируемой группы, так и ее отличия от «значимых других». Как пишет исследователь: «...идентичность может существовать только тогда, когда она конструируется как «различие», и ...любая социальная объективность конструируется действиями власти» [9, с. 271]. Нередко конструирования такого рода идентичностей происходит на негативной основе, в результате формирования «образа внешнего врага».

Исходя из этого, «строительство» любого региона, особенно транснационального, может рассматриваться как целенаправленный политический процесс связанный, прежде всего с конструированием региональной идентичности, которую можно определить как «комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в исторических образах, символах и мифах, разделяемых членами сложившегося в рамках него сообщества» [9, с. 270].

Таким образом, региональная идентичность, как и любая форма социальной идентичности, не создается природой, а является результатом политического конструирования на основе выбора тех или иных маркеров, заимствованных из исторического прошлого и культуры консолидируемой территориальной группы. Поэтому региональная идентичность — это «ключ» к конструированию/строительству региона как территориального, политического, социального, культурного и институционального пространства. Она функционирует как основа легитимации власти — необходимого условия для консолидации регионального институционального политического порядка.

Впервые лидеры Европейского экономического сообщества (ЕЭС) обратились к проблеме формирования европейской идентичности еще в 1973 году, накануне острого кризиса этого экономического союза. В этом году появилась «Декларация о европейской культурной

идентичности». Предполагалось, что поиск дефиниции этой идентичности, общих ценностей и целей будет способствовать политическому сближению государств-членов ЕЭС: «Подход к поиску определения европейской идентичности, отмечалось в Декларации, — приводит к следующим действиям: пересмотр общего наследия, собственных интересов, частных обязательств каждой из сторон, а также состояния процесса идентификации в сообществе; постановка вопроса об уже достигнутом уровне сближения с остальными странами (Европы — прим.авт.) и о вытекающей из этого ответственности...». Однако под натиском сложнейших проблем 1970-х гг. об этом документе быстро забыли.

После краха биполярной системы мира перед объединяющейся Европой вновь встала задача построения собственной идентичности. Именно эта проблема в конце 1980-х гг. послужила основанием для проведения кампании «Народ Европы». В 1988 г. Совет Европы принял решение о введении «европейского измерения» в программы по таким школьным предметам, как литература, история, география, иностранные языки, музыка. По замыслу авторов проекта, на базе общности исторического опыта и культурного наследия можно было бы оправдать легитимность дальнейшего углубления процессов интеграции, поскольку для перехода от национальных сообществ к европейскому объединению необходимо существование имплицитно разделяемых на массовом уровне значений и ценностей, общих исторических мифов и символов. Однако политика идентичности осуществляется в этот период с большими трудностями, как отмечает В.Г.Шемятенков, «государства-члены ЕС сделали все возможное, для того, чтобы избежать вмешательства интеграционных институтов в национальную политику в области культуры» [16, с. 213].

С новой силой дискуссия о «европейской идентичности» развернулась в связи с обсуждением проекта «Конституции для Европы», в нее были вовлечены многие известные европейские интеллектуалы и политики, в результате они разделились на два лагеря и предложили два конкурирующих проекта.

Приверженцев этих двух проектов можно вслед за У.Хедетофтом назвать: «европеизаторами» и «национализаторами». «Европеизаторы» (еврооптимисты) стремятся сформировать единую Европу и европейскую идентичность, на основе общих ценностей и целей, в то время как «национализаторы» (евроскептики) стремятся препятствовать

дальнейшим шагам по объединению Европы, вновь «изобретая национализм», апеллируя к массовым антииммигрантским настроениям населения [20, с. 1–19]. И те и другие активно используют историческую аргументацию. Однако, сегодня вполне очевидно, что позиции «национализаторов» все более укрепляются.

Кроме того, исследователи отмечают еще одно проявление проблем с европейской идентичностью, которое обнаруживает себя в представлениях об определенной иерархичности государств Евросоюза, в представлениях о разной степени их соответствия некому «эталону европейскости». Согласно результатам социологических опросов, в представлении граждан стран Евросоюза есть «более европейские» («прототипически-европейские») и «менее европейские» государства-члены. Так, немцы и французы ассоциируют свои страны со своего рода европейским прототипом высшего порядка, делая их нормативом европейскости, что порождает их убежденность в том, что другие страны ЕС, такие как Португалия или Греция, Эстония или Латвия, не соответствуют этому стандарту и, таким образом, должны иметь более низкий статус в объединенной Европе [24, с. 160–171]. Вследствие этих и иных причин многие граждане европейских государств и на Востоке, и на Западе континента испытывали все большее разочарования от экономических, политических и культурных последствий членства их стран в «Единой Европе».

Таким образом, хотя эрозия национально-государственных основ европейских государств беспорна, но нацию, по словам С.Хоффмана, ничто в современной реальности просто не способно заменить в «качестве легитимного источника социальной идентичности» [22, с. 70]. Люди, по-прежнему встают под национальные гимны, записываются в армии и считают, что у них есть «родные» страны, когда они мигрируют (К.Калхун). Поэтому по-прежнему актуально звучит вопрос, сформулированный французом Ф.М. Дефанжем еще в 1980-е гг.: «Сможет ли Европа возобладать над государствами, этими порождениями многовековой истории, или она обречена оставаться орудием в их руках?».

Действительно, приверженность Единой Европе сегодня несопоставимо слабее лояльности отдельным национальным и региональным сообществам. Данные исследования Евробарометра, проведенного осенью 2021 года, продемонстрировали следующее: Европейцы чаще всего идентифицируют себя со своей семьей (81%), несколько реже со

своей национальностью (73%), ... 69% респондентов в целом по странам ЕС отдают приоритет территориальной или региональной идентичности перед идентичностью наднациональной, что свидетельствует о явном приоритете национальной и региональной идентичностей перед европейской — наднациональной [25]. Как представляется, это свидетельствует о том, что пока предлагаемый вариант общеевропейской идентичности носит чрезвычайно абстрактный и даже утопический характер, отсылая к конституционному патриотизму, правам человека, демократии и этнокультурной толерантности как высшим ценностям.

Иначе говоря, граждан государств Европы призывают сплотиться вокруг институтов Евросоюза вне зависимости от их культурных традиций, религии, трагического исторического опыта. Однако сегодня вполне определенно выяснилось, что предлагаемые для построения общей идентичности ценности понимаются совсем не одинаково в разных регионах Европы. Более того, для находящихся у власти в Венгрии и Польше правоконсервативных политических элит «открытые общества Западной Европы, неспособные защитить свои границы и ценности от иностранных «мусульманских захватчиков» являются в целом негативной моделью развития, наглядной картиной того политического порядка, которого восточные европейцы должны избегать» [23, с. 123].

Таким образом, сегодня, как и в обозримой перспективе, общеевропейская идентичность не может опереться на единую историю, общий язык и культуру, то есть, на те самые ценности, которые лежат в основе «сжимающихся» национальных идентичностей и способны не декларативно, а реально способствовать укреплению политической и социальной солидарности. В результате, еще весной 2016 года Дональд Туск — глава Европейского совета признал, что «мечта о едином государстве Европа с одним общим интересом, с единым видением мира (наконец) с одной нацией была лишь иллюзией» [11, с. 69].

В свою очередь ослабление общенациональных идентичностей ряда давно сложившихся европейских наций находит выражение в увеличении «спроса» на «спящие», исторически не реализованные национальные проекты и идентичности — в Шотландии, Фландрии, Стране Басков, Каталонии, Корсике и др. [3, с. 28].

В результате, идея единой Европы перестала играть роль вдохновляющей и мобилизующей цели для новых поколений европейцев, как

это было в течение длительного времени — с середины 1940-х гг. и до конца минувшего столетия. Поэтому теперь это не столько общий ценностный ориентир, выстраданный трагическим историческим опытом и наполненный значимым содержанием, сколько прагматическая задача политических элит, определяемая меняющимися экономическими и геополитическими интересами государств-членов Евросоюза. Более пятидесяти лет важнейшим обоснованием продолжения процессов европейской интеграции было обеспечение мира на континенте. «Не допустить войны в Европе» — этот идеал объединял всех европейцев независимо от их национальной принадлежности и политических позиций. К началу нового века, как казалось, эта цель была достигнута и перед Евросоюзом, встала проблема поиска новой, мобилизующей всех европейцев идеи, поскольку необходимо было обосновать смысл и неизбежность шагов по дальнейшей интеграции. Иначе было невозможно воодушевить новые поколения граждан на ее поддержку. Как писал еще в 2005 году француз Клод Аллегр: «Европейцы уже больше не хотят расширения Европы, пока им не разъяснят, в чем заключается ее функция и цели» [1, с. 3]. Это конечно не означает краха проекта европейской идентичности, но предполагает поиск новых возможностей для его реализации. Как представляется, одна из них — консолидация объединенной Европы на негативной основе с использованием для этого образа «общего внешнего врага». Сегодня эту роль лидеры государств Европейского союза явно предназначают для России.

1.4. Польское «упрямство» и интеграционные процессы в современном ЕС

7 октября 2021 г. Конституционный суд Республики Польша постановил, что национальное право имеет приоритет над европейским на территории данной страны [4]. Это решение вызвало решительный протест в Брюсселе, который пригрозил Варшаве заморозить транши, предназначенные для восстановления польской экономики от последствий пандемии. Европейский суд уже наложил третий ежедневный штраф на польские власти — за нежелание выполнить требования Евросоюза, касающиеся независимости судебной системы. Таким образом, 100 тысяч в день Республика платит за вырубку леса в заповедной Беловежской пуше, 500 тысяч евро в день — за незакрытые

шахты у чешской границы и целый миллион евро в день — за продолжение работы Дисциплинарной палаты Верховного суда Республики Польша [1]. Все эти деньги автоматически вычитаются из сумм, предназначенных для поддержки польской экономики.

Польское правительство упорно доказывает, что, согласно европейскому праву, формирование и работа юридической системы отдельной страны-члена ЕС — сугубо ее внутреннее дело. Еврокомиссия парирует тем, что она обязана следить за соблюдением принципов разделения властей и независимости судов во всех странах-членах.

Действительно, еще в 2014 г. Брюссель создал процедуру проверки верховенства права, позволяющую Евросоюзу выяснять, насколько национальное законодательство соответствует европейскому, а также накладывать санкции на провинившиеся страны (тогда имелась в виду, прежде всего, Венгрия) [10]. С 2016 г. Европейская Комиссия с подачи Европарламента всерьез взялась за Польшу [5–9; 11]. Наконец, в 2020 г. Комиссия приняла положение, которое позволяет лишать страны-нарушительницы денег из фондов Европейского Союза [12].

На самом деле Брюссель и Варшава давно конфликтуют по самым разным поводам. Так, польский Сейм утвердил порядок назначения руководителей государственных СМИ министром госимущества, что, по мнению Еврокомиссии, означает дополнительный контроль над ними — и даже нарушение принципа свободы прессы. Негодование Брюсселя вызвали такие шаги Варшавы, как расширение полномочий силовых ведомств и объединение постов главы Министерства юстиции и Генерального прокурора. Европейская Комиссия не поддерживает законодательные инициативы польского правительства и отдельных муниципалитетов страны, направленные на запрет пропаганды ЛГБТ. Кроме того, Брюссель возмущается ограничениями права женщин на аборт в Республике Польша. В свою очередь, Варшава выступает категорически против усыновления гомосексуалистами детей. Последнее же решение польского Конституционного суда дает Варшаве прочные правовые основания игнорировать не устраивающие ее распоряжения европейских институтов.

19 октября 2021 г. проблема верховенства права Европейского Союза в Польше обсуждалась на специальных дебатах в Европейском парламенте. Основные доклады представили председатель Европейской Комиссии У. фон дер Ляйен и премьер-министр Республики Польша М. Моравецкий. Глава Комиссии подчеркнула, что решение

Конституционного суда Польши — это прямой вызов европейскому правопорядку, гарантирующему взаимное доверие между странами-членами Европейского Союза. Она перечислила меры, которые Комиссия собирается предпринять в отношении Польши: 1) взимать ежедневные штрафы; 2) временно лишить страну права голоса в Европейском Совете; 3) заморозить ей выплату средств из фондов Евросоюза. Решительность фон дер Ляйен, тем не менее, не слишком впечатлила некоторых парламентариев, которые выразили сомнения в способности Комиссии «примерно наказать» Польшу.

В свою очередь, польский премьер-министр отверг все выдвинутые против его страны обвинения, назвав претензии Комиссии неприемлемыми. В частности, он заявил: «Я не допущу, чтобы политики ЕС шантажировали Польшу» [13]. По его мнению, польский Конституционный суд всего лишь попытался разобраться, какие именно полномочия были переданы Евросоюзу, а какие остались на национальном уровне.

Тема польской «строптивности» стала одной из основных на завершившемся 22 октября 2021 г. саммите Европейского Союза. Никаких новых санкций против Польши согласовать не удалось. Уходящая в отставку канцлер ФРГ Ангела Меркель настояла на диалоге вместо конфронтации, а премьер-министр Венгрии Виктор Орбан назвал критику Варшавы «охотой на ведьм» [3]. Таким образом, ставить точку в данном споре рано: помимо Будапешта с его правом вето, союзники у Варшавы есть и в других странах ЕС. В июле 2021 года 16 правых партий Польши, Венгрии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Греции, Нидерландов, Дании, Испании, Италии, Литвы, Румынии, Финляндии, Франции и Эстонии подписали «Совместную декларацию о будущем Европейского Союза». В документе предлагается закрепить суверенитет стран-членов ЕС, снизив зависимость от европейской бюрократии, а также защитить в Европе традиционные моральные ценности [2]. Кстати, смелое заявление о праве каждой страны жить по собственным порядкам может понравиться избирателям не только правых партий.

Европейская пресса, описывая препирательства между «упрямой» Варшавой и Брюсселем, часто задается вопросом, не приведут ли они к выходу Польши из ЕС. Но, скорее всего, реальной опасности «Полэкзита» нет — хотя бы потому, что уверенное большинство поляков хочет, чтобы их страна оставалась в Евросоюзе. Однако борьба Варшавы и Брюсселя может стать триггером новой институциональной

реформы Европейского Союза, направленной на возврат части суверенитета обратно — на национальный уровень — и на укрепление межгосударственных институтов ЕС в ущерб наднациональным. Это может означать на практике конец дальнейшей федерализации Евросоюза, проводимой, прежде всего, в интересах ФРГ и транснациональных компаний. Новая реформа поможет защитить остаточный суверенитет стран-членов и не позволит немке Урсуле фон дер Ляйен превратить Европейский Союз в «Четвертый Рейх» с явным доминированием Германии не только в экономической, но и в политической сфере.

Итак, идеологическая война консерваторов из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и либералов из Брюсселя приобретает все более ясные очертания, ибо включаются правовые механизмы. Когда Конституционный суд Польши признал верховенство национальной Конституции над законами ЕС, возник прецедент, который может стать началом цепочки аналогичных решений в странах Вышеградской группы (прежде всего — в Венгрии). Ранее многие страны (например, Дания и та же Польша) добивались исключений из общих правил, но легально, с помощью переговоров. Теперь правые политики в разных странах-членах ЕС могут сменить тактику и начать действовать на опережение, не слишком боясь очередных санкций со стороны Европейской Комиссии.

Углубление интеграции в такой ситуации фактически невозможно, ибо требует общего консенсуса по поводу передачи дополнительных властных полномочий наднациональным институтам, уменьшения национального суверенитета стран-членов Евросоюза. Проект создания европейской армии, скорее всего, не получит должной поддержки. В ситуации энергетического кризиса под сомнение поставлен и «зелёный переход», на котором так настаивает Еврокомиссия. Интеграционные инициативы в области централизованного обеспечения всех стран-членов ЕС газом обречены на оппозицию со стороны таких стран, как Венгрия и Австрия, которые уже имеют устаивающие их контракты с российскими поставщиками. Создание единого пространства в сфере здравоохранения также неизбежно столкнется с огромными проблемами.

Расширение интеграционного поля тоже трудно форсировать в сложившейся ситуации. Вполне вероятно, что в ближайшее время переговорный процесс будет завершен только с одной страной —

Черногорией. После восьми лет переговоров о присоединении, по оценке Комиссии, наблюдается прогресс по всем 33 главам. Однако Черногории необходимо активизировать свои усилия по решению проблем с коррупцией и организованной преступностью, а также обеспечить свободу выражения мнений и средств массовой информации [14]. В общем, у Черногории есть хорошие шансы стать новым членом Евросоюза в обозримой перспективе. Все Западные Балканы, безусловно, останутся в приоритете в планах расширения ЕС, а Босния и Герцеговина вполне может получить статус кандидата. Но вот Молдове, Украине и Грузии сложно надеяться даже на это — во всяком случае, до решения проблем с Приднестровьем, Донбассом, Абхазией и Южной Осетией.

Что же касается Польши, то она весьма ловко использует в своих интересах искусственно созданный миграционный кризис на своей восточной границе, играя традиционную для себя роль «щита Европы», хранителя общих рубежей ЕС от нового потока «азиатских варваров». В сложившейся ситуации можно перевести стрелки на «последнего европейского диктатора» А. Лукашенко с тем, чтобы Брюссель сосредоточился на проблеме сдерживания белорусского «режима» и забыл на время о не совсем идеальной демократии в самой Польше.

1.5. “Nordic Identity” и интеграционные процессы на севере Европы

Что такое “Nordic Identity”: проблемы концептуализации

Исследовать североевропейскую идентичность крайне сложно по ряду причин. Во-первых, сам по себе термин “nordic identity” является сложным и трудно переводимым на русский язык. Происходит это, в первую очередь, из-за трудностей с обозначением самой группы референтных объектов — в данном случае, стран, обладающих этой идентичностью. Вторая группа трудностей, с которой неизбежно сталкивается отечественный исследователь, связана с невозможностью корректного перевода данного термина со скандинавских или английского языков на русский.

В англоязычной и русскоязычной академических традициях принято определять в качестве «северных» или «скандинавских» стран североевропейскую пятерку (Данию, Исландию, Норвегию, Финляндию и Швецию), а также их самоуправляющиеся территории: Гренландию, Аландские и Фарерские острова. Все вместе они образуют

Северное сотрудничество (Norden), которое сегодня представляет собой даже не интеграционное объединение, а разветвленную сеть различных интеграционных объединений, региональных партнерств и международных организаций. Северное сотрудничество образует специфическую геополитическую реальность, для которой характерны высокие социально-экономические стандарты, активно продвигаемая «зеленая повестка», политический нейтралитет и специфическая модель государства всеобщего благосостояния. Сами скандинавы, формулируя повестку развития региона до 2030 года, обозначают это пространство собирательным термином The Nordics [11]. Наличие внутри заданных институциональных рамок специфического ценностного пространства позволяет сделать вывод о существовании некоего общего для его обитателей механизма идентификации.

В качестве альтернативы или даже синонима к термину «северный» по отношению к Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции часто используется прилагательное «скандинавский». Впрочем, *скандинавскими* в строгом смысле слова являются только два государства, непосредственно расположенные на Скандинавском полуострове, — Норвегия и Швеция. Применение лингвистического (вместо географического) критерия для описания общности Северных стран лишь незначительно расширяет группу, за счет прибавления к ней Дании. Важно также помнить, что в совместной истории стран Северной Европы были периоды насильственного насаждения скандинавской культуры, *скандинавизации*. Так, например, в Норвегии до сих пор существует два государственных языка: букмол, который по сути является «онорвеженным» датским, и нюношк (новононорвежский), искусственно разработанный в ходе обретения Норвегией политической независимости и национального самосознания. Еще более неоднозначным является вопрос употребления шведского как государственного языка Финляндии. Несмотря на то, что существенная часть населения страны является этническими шведами и говорит по-шведски, этнические финны крайне неохотно используют шведский и, порой, сознательно игнорируют шведскую речь. Неудивительно поэтому, что авторы из Северных стран сегодня предпочитают использовать термин *nordisk/nordic* для описания общности своих государств, чтобы избежать неуместных и довольно конфликтогенных отсылок к прошлому. Осторожное отношение к совместному прошлому и смещение фокуса внимания на общее будущее (своего рода, перспективный

характер) является одной из отличительных особенностей региональной интеграции и конструирования идентичности на Севере Европы.

Если термин «скандинавский», как уже было показано выше, носит эксклюзивный характер и как бы сужает группу, то термин «северный», напротив, является слишком широким. Ведь обширные северные территории есть и у Российской Федерации, и у Польши, и у ряда других стран Европы, но они по целому ряду критериев не могут быть отнесены к *Nordic countries*. Так, например, в рамках концепции «Нового Севера» Н.Ю.Маркушина предлагает относить к Северной Европе Польшу, Германию, Балтийские государства и даже Северо-Запад России [1, с. 93]. Такой подход действительно оправдан, если брать за основу классификации разветвленные и хорошо развитые социально-экономические и инфраструктурные связи, существующие между вышеназванными странами европейского Севера. С точки зрения теорий экономического регионализма Северная Европа сегодня представляет собой единый субъект хозяйствования, присоединиться к которому стремится и наша страна.

Если обратиться к группировке стран по регионам, предлагаемой Департаментом по экономическим и социальным вопросам Организацией объединенных наций, то к географическому региону Северной Европы, помимо пяти скандинавских стран, их самоуправляющихся территорий и мелких островов, относят страны Балтии, Ирландию и Соединенное Королевство [12]. Латвия, Литва и Эстония «перешли» в данную подгруппу из стран Восточной Европы в 2016 году и с тех пор активно продвигают идеи Северного сотрудничества и «*Nordic identity*» у себя дома.

Англоязычные исследователи (включая скандинавских) считают термин *nordic* или *nordisk* наиболее корректным для описания региона, так как его применение смещает акцент с государств, входящих в регион, на специфические черты, присущие всем акторам, располагающимся на данной территории. Северный регион, таким образом, имеет сегодня весьма условные с точки зрения географии границы от Балтики на Юго-Востоке до Арктики — на Северо-Западе [6, с. 2]. В то же время скандинавское прилагательное «*nordisk*» и русское «северный», как мы видим, не являются синонимами. Как ни странно, но перевод как бы упрощает саму идею *северности*, придавая данному термину географическое звучание и одновременно с этим существенно расширяет круг Северных стран. Поэтому, хотя это и порождает

целый ряд стилистических трудностей, наиболее предпочтительным является использование без какого-либо перевода термина «Nordic\ Nordisk» для описания всего набора специфических характеристик, которым обладают Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция.

Как видно из вышесказанного, прилагательное *nordic* используется сегодня в двух смыслах: в узком — для описания всех процессов, протекающих в рамках пространства Северного сотрудничества, в широком — для характеристики всей сложной системы межнациональных отношений на Севере Европы. Поэтому, в зависимости от контекста и цели исследования, представляется удобным использовать данный термин без перевода.

Региональная интеграция и региональная идентичность: какова последовательность возникновения?

Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция имеют, пожалуй, самую долгую историю интеграции, если не в мире, то в европейском регионе. Первые шаги по гармонизации законодательства пяти Северных соседей предприняли еще в конце XIX века, а с 1950-х гг. в субрегионе действует единый паспортный режим [1,2]. Сегодня на территории пяти Северных стран и трех самоуправляющихся территорий функционируют общий рынок труда, единое социальное, культурное и образовательное пространство. Фактически это означает, что жители могут перемещаться внутри субрегиона без каких-либо ограничений, работать, получать образование и медицинские услуги в любом из пяти государств, что, безусловно, расширяет их возможности и способствует росту экономического благосостояния. Статистика за 2018–2019 год показывает, что на данный период времени внутри субрегиона не существует деления рынка труда на национальные, а большинство (от 63 до 82%, в зависимости от страны) работников проживают в странах Северного сотрудничества [10].

Это привело к тому, что уже для нескольких поколений жителей Северных стран вопрос их национальной принадлежности не является ключевым при формировании персональной и групповой идентичности. Зато значимость приобретает именно принадлежность к пространству Norden — не столько физическому, сколько ценностному, сформировавшемуся в рамках институциональной структуры Северного сотрудничества. Важность общих ценностей, менталитета,

установок подчеркивается практически во всех официальных документах Сотрудничества, начиная с Хельсинкского договора [5, Art.1].

У жителей Северных стран действительно много общего, помимо общего прошлого. Прежде всего, это общие пространства — экономическое, юридическое, торговое, социальное и культурное — которые на протяжении полутора столетий кропотливо создавались и постоянно поддерживаются правительствами государств-членов Северного сотрудничества. Внутри этих пространств, таким образом, формируется некая общая реальность, которая, в свою очередь, является основой для формирования единой «северной» идентичности. Шведский исследователь М. Викстрем предлагает использовать для описания региональной идентичности термин «*Nordisk samhörighet*», который дословно переводится как «Северная близость» [14, с. 18]. Отвечая на вопрос о своей идентичности, один из посетителей портала Quoqa, пишет: «Моя бабушка была шведкой, моя прапрабабушка была датчанкой. Идеологически и исторически я разделяю множество вещей и смыслов с большинством людей в Северном регионе. Думаю, это значит, что у меня всегда была Северная идентичность» [13].

Характерной особенностью «*Nordic Identity*» является то, что она не носит ретроспективного характера: в официальных документах, выступлениях политических деятелей и академических работах тема «общей истории» или «общности исторических судеб» упоминается вскользь. К своему общему прошлому сами скандинавы относятся с долей здорового критицизма и не пытаются сгладить или вычеркнуть из истории междоусобные войны, конфликты и периоды, когда одна из стран находилась под властью другой против своей воли. Осознание проблем в прошлом является, скорее, фактором, который необходимо учитывать, чтобы избежать ошибок в дальнейшей интеграции, нежели причиной для национальной розни.

Именно из-за богатого опыта вооруженных конфликтов в прошлом Северные страны крайне настороженно относились и до сих пор относятся к сотрудничеству в области обороны и внешней политики — первые сколь-нибудь значимые шаги в этом направлении были сделаны только в 1990-х годах. Так, в 1997 году был учрежден механизм для совместного обучения вооруженных подразделений и использования материально-технического потенциала Северных стран — BORDCAPS [3]. Полноценная институционализация скандинавского военного сотрудничества произошла только в 2009 году, когда было сформиро-

вано Северное оборонное сотрудничество — NORDEFSCO. Несмотря на многовековую историю сотрудничества, до образования NORDEFSCO у Северных стран не существовало механизма координации оборонных политик: ни в рамках Северного совета, ни в рамках СМСС встречи министров обороны не проводились. Сегодня соседи могут проводить совместные учения, однако часто используют для этого ресурсный потенциал других организаций — прежде всего, ЕС и НАТО. Также NORDEFSCO планирует расширять сотрудничество в сфере региональной безопасности со странами Балтии, в том числе и за счет проведения совместных учений [7, с. 8]. К сожалению, фактором, способствовавшим такой консолидации усилий в сфере региональной безопасности, послужила активизации внешней политики России как на постсоветском пространстве, так и в Арктике [4, с. 289].

Даже сегодня, несмотря на провозглашаемую политиками «нордическую» солидарность» и единство позиций в рамках NORDEFSCO, северные страны придерживаются разных взглядов на формирование внешней политики и обеспечение национальной и региональной безопасности. Дания, Исландия и Норвегия являются членами Организации Североатлантического договора (НАТО) с момента образования Альянса. Для них национальная и региональная безопасность немыслимы без кооперации с партнерами по блоку (прежде всего, с США). В то же время, Финляндия и Швеция, всегда декларировавшие свой внеблоковый статус и продвигающие идею нейтралитета на международной арене, до сих пор не присоединились к НАТО, хотя и участвуют в различных партнерских форматах Альянса. Показателен тот факт, что совместное решение вопросов безопасности и координация внешних политик не представляются Северным странам апогеем региональной интеграции, ее логическим и необходимым завершением — это лишь одна из сфер сотрудничества.

Подводя итог, можно сказать, что общая идентичность является одновременно и инструментом, и продуктом региональной интеграции Северных стран. “Nordic identity” не является естественной конструкцией в трактовке примордиалистов. Понимая близость культур, истории, языков, жители Северных стран не склонны преувеличивать роль этой близости в формировании политического Северного сотрудничества. Гораздо важнее идеалов и образов прошлого для них общее видение будущего региона и схожие политические цели. Разветвленная система социальных, экономических и политических субрегиональных

структур обеспечивает эффективное и взаимовыгодное сотрудничество Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия между странами и народами. Особый акцент лидеры вышеперечисленных стран делают на повышение горизонтальной мобильности внутри североευропейского субрегиона, а также поддержание и развитие контактов между обычными людьми (people-to-people contacts).

Северо-Запад России: возможно ли включение в североευропейское пространство?

В последнее время происходит расширение и, как следствие, размывание границ североευропейского региона. Примечательно, что параллельно с включением в регион новых стран (прежде всего, Латвии, Литвы и Эстонии) постепенно расширяется и понятие «Nordic Identity». Если еще полстолетия назад подобные идеи вызывали у многих скандинавов недоумение и даже возмущение, то сегодня балтийский компонент рассматривается как неотъемлемая часть “Nordic Identity” [9]. Для успешной интеграции новых партнеров в рамках Северного сотрудничества уже функционируют расширенные форматы, такие как NORDEN+ и Nordic-Baltic Cooperation. Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция в настоящее время активно развивают диалоговые партнерства сразу на нескольких направлениях: евроатлантическом в сфере укрепления региональной безопасности, Баренцева/Арктическом и балтийском. В рамках всех вышеуказанных направлений действуют региональные советы, реализуются программы приграничного сотрудничества и инфраструктурные проекты. На Арктическом направлении в орбиту интересов Северных стран и, следовательно, в единое пространство, частично попадает и Северо-Западный федеральный округ России, а также другие ее арктические территории. Такое сотрудничество открывает перед нашей страной новые возможности и перспективы взаимодействия с европейскими партнерами, даже в условиях острых разногласий и антироссийских санкций. Конечно, пока еще нет оснований для того, чтобы говорить о включении России в единое ценностное пространство и, тем более, пространство Nordic Identity. Однако, как показывает практика государств Балтии, данное пространство имеет тенденцию к расширению, а идентичность является довольно пластичной, готовой принимать новых членов, согласных поддерживать

и развивать ключевые ценности. Можно сказать, что с точки зрения политического менталитета, часть «северных» ценностей значительно ближе к российской ментальности, чем ценности классической западной либеральной демократии. В частности, такие ценности, как коллективизм, солидарность, высокая социальная ответственность бизнеса и государства воспринимаются гражданами России гораздо более благосклонно, нежели индивидуализм, экономический либерализм и классическая концепция прав человека.

Сближение России со своими северными соседями, таким образом, будет во многом зависеть от того, насколько сильно будет влияние на регион НАТО и США. Россия, безусловно, имеет потенциал для увеличения своего авторитета в регионе Северной Европы, прежде всего, за счет предложения партнерам интересных и взаимовыгодных проектов в Арктике.

1.6. Регионализация — якорь глобализации?

В условиях процесса глобализации практически всех сфер жизнедеятельности человека, всё большее количество исследователей делают упор на изучение явлений и тенденций, которые, на первый взгляд, тормозят развитие данного процесса. К ним можно отнести регионализацию, атомизацию, протекционизм и даже нарастание хаоса. Некоторые исследователи утверждают, что это является следствием, ответной реакцией стремительно развивающегося и открывающегося мира и тормозит глобальные процессы, то есть рассматривают вышеперечисленные факторы со знаком минус, а порой и как якорь глобализации.

В данном параграфе делается акцент на регионализации, ставшей уже трендом XXI века, которую можно рассмотреть как со знаком плюс, так и со знаком минус, то есть как противопоставление глобализации. Особенно это заметно в тех областях земного шара, где компактно проживают этносы, народности и народы, чётко идентифицирующие себя как представители одного рода. В таких регионах, зачастую, затруднено проникновение чужих ценностей, традиций, других взглядов на окружающую действительность, поскольку общества зачастую являются закрытыми, а как следствие и затруднены процессы глобализации, что может в последующем вызывать не только экономическую отсталость определённых областей земного шара, но конфликты

на почве национальной идентификации в случае нарушения традиционного уклада жизни.

С другой стороны, рассматриваемый тренд идёт на пользу глобализации. В частности, региональные организации, создаваемые как по территориальному принципу, так и по другим, помогают стабилизировать международные отношения. Благодаря им могут создаваться каналы связи с международными организациями, транснациональными компаниями и правительствами государств, что позволяет в первую очередь, как ни странно, создавать прочные и стабильные экономические, политические и межкультурные связи. Как следствие, подобное взаимодействие приводит к более быстрому экономическому развитию и разрешению региональных конфликтов, где организации глобального характера в силу ряда причин неспособны добиться успехов. Различные интеграционные процессы и проекты, осуществляются во многих частях света, в том числе и в ряде европейских стран. Ярким примером служит Польша и приграничные с ней государства, нацеленные на совместное экономическое развитие.

По словам некоторых исследователей, геополитический вакуум, образующийся в Европе ввиду ослабления ведущих европейских стран из-за социально-политического кризиса в 2010-х, будет заполняться новыми акторами и ожидается, что на роль одного из них может претендовать Польша [1]. Власти польского государства уже несколько лет заявляют о том, что намерены возродить региональный проект столетней давности под названием «Интермариум» или «Międzymorze» (польск.). Серьёзность намерений подтверждается действиями Варшавы, которая в последние годы заключила с некоторыми гипотетическими союзниками в рамках данного объединения и подписала ряд соглашений. Интермариум был разработан в 1920-е годы в годы правления польского президента Юзефа Пилсудского [2, с. 430]. Проект был нацелен на восстановление границ Польши до её разделов в 18 веке, а также на борьбу с коммунистической Россией. В наши дни польские политики действуют во внешней политике с оглядкой на данный проект, но с учётом изменившейся международной ситуацией, возрождая данный проект.

Современный Интермариум 2.0, если его так можно назвать, нацелен в первую очередь на экономическое сотрудничество. При этом круг стран, в отличие от изначального регионального проекта, был расширен, несмотря на то, что чёткого списка членов участников не

было и до сих пор не составлено. Если изначально предполагалось, что в него будут вовлечены страны современной Прибалтики, часть скандинавских стран, Белоруссия и Украина полностью или частично, а также опционально территории Чехии, Словакии, Венгрии и Хорватии, то есть территория от Балтийского до Чёрного и Средиземного морей, то на современном этапе развития данного экономического объединения включают ещё Турцию, Болгарию, Румынию и даже ряд закавказских стран. А, учитывая тот факт, что один из важных и относительно постоянных партнёров Анкары на протяжении многих лет остаётся Вашингтон, то в это объединение могут быть вовлечены государства, имеющие немалый вес на политической арене. Получающийся пояс — полумесяц между Центральной Европой и Россией (рисунок 1.6.1) имеет не только большой экономический потенциал, но и представляет для некоторых акторов серьёзную геополитическую угрозу. Таким образом новый зарождающийся регион с центром в Польше будет драйвером глобализации в различных сферах.

Рисунок 1.6.1. Пояс из возможных стран участников проекта «Интермаримум»

Для этого имеются все необходимые экономические, политические и культурные предпосылки для развития нового региона вокруг польского государства. Шестая по величине армия в ЕС, непрекращающийся рост ВВП, работающие социальные лифты и ясная идентичность среди польского народа — это лишь небольшая необходимая и уже существующая часть требований для потенциального регионального лидера, которым является Варшава [3]. Исследуя медиа среду и политическую конъюнктуру, можно отметить, что среди политических акторов внутри польского общества имеется большое количество разногласий, что зачастую приводит к жарким дебатам, долгой выработке решений и их принятию, но для международных политических участников польский народ всегда выступает единым фронтом. Объяснить это можно легко: польский народ и политики в частности не забывают о разделах Речи Посполитой и помнят о главной её причине — разобщённости перед внешними «врагами». Подобная сплочённость польского народа есть крайне важная социокультурная черта, скрепляющая людей, дающая необходимый твёрдый базис для последующей успешной политической международной деятельности. Это крайне необходимо, учитывая перестановку сил на политической шахматной доске. Для России возможное изменение баланса сил в указанной области будет означать крупнейший геополитический провал первой половины XXI века. Предотвратить этот сценарий можно лишь действуя решительно и максимально быстро, сотрудничая с политическими партнёрами, находящимися поблизости с зарождающимся регионом Междуморья.

Сербия, друг русского государства ещё со времён Российской империи, может стать ключом в создании противовеса польского регионального проекта. Однако, сроки поджимают — ожидается, что к середине или концу десятилетия Белград подпишет соглашение о вступлении в Европейский Союз и тогда окно возможностей для Москвы резко сузится. Поэтому стоит расширять уже существующие двусторонние проекты, а также предложить новые, нацеленные на интеграцию экономик в кратчайшие сроки. Возможное углублённое сотрудничество Кремля способно составить конкуренцию в сфере финансов, в политической и иных, что в экономической теории рассматривается со знаком плюс, а значит, что подобное сотрудничество будет положительно сказываться на глобальном развитии экономики и, возможно, политики.

Неожиданными и крупными партнёрами Варшавы в продвижении современных идей Юзефа Пилсудского могут стать, как уже было сказано, Анкара и Вашингтон. В случае успешного подписания, а затем осуществления интеграционных процессов, стоит ожидать создание уже трансрегиональных объединений, что будет означать успешное региональное объединение, которое выходит на глобальный уровень.

Рассматривая частный случай — проект Междуморья то, во-первых, можно говорить о зарождающемся регионе и, по-видимому, новых региональных организациях, а во-вторых, такие изменения к Востоку от Центральной Европы влияют на процесс глобализации. При этом возникают новые геополитические условия, дающие одним странам больше возможностей, а другим — новые вызовы, на которые стоит обращать внимания и предпринимать соответствующие шаги.

Подводя общий итог, с уверенностью можно говорить о том, что регионализация, как тренд, при определённых условиях способна улучшать экономические, межкультурные и прочие отношения между странами. Существующие и зарождающиеся региональные организации способны решать ряд специфических задач, с которыми глобальные не могут справиться достаточно быстро и эффективно ввиду своей громоздкости и порой не доверительного отношения со стороны жителей некоторых областей земного шара. Умелое использование локальных учреждений способно достигать поставленных геополитических задач, что свидетельствует о заинтересованности на глобальном уровне в соответствующих процессах.

ЛИТЕРАТУРА

П. 1.1

1. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy (Germany): “Paris Agreement”, Berlin 2021. — <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Artikel/Industrie/klimaschutz-abkommen-von-paris.html#:~:text=Bei%20der%20UN%20-Klimakonferenz%20in%20Paris%20%28Frankreich%29%20im,55%20Prozent%20der%20globalen%20Treibhausgase%20emittieren%2C%20ratifiziert%20wurde.>

2. Clark D. “GDP of the European Union 2009–2020”, Statista, Jul 7, 2021. — [https://www.statista.com/statistics/279447/gross-domestic-product-gdp-in-the-european-union-eu/.](https://www.statista.com/statistics/279447/gross-domestic-product-gdp-in-the-european-union-eu/)

3. Das Investment: “How China wants to solve its environmental problems”, Hamburg October 29, 2019. — [https://www.dasinvestment.com/nachhaltigkeit-wie-china-seine-umweltprobleme-loesen-will/.](https://www.dasinvestment.com/nachhaltigkeit-wie-china-seine-umweltprobleme-loesen-will/)

4. Feiner S. “Weltordnung durch US-Leadership?”, Wiesbaden 2000. — https://doi.org/10.1007/978-3-322-92495-7_1.

5. Gärtner H. “Der Großmachtkonflikt verschärft sich” (The great power conflict is intensifying), in “Wiener Zeitung”, October 30, 2021, p. 16.

6. Kireev M. “Why President Putin suddenly finds environmental protection sexy”, in “MITTELDEUTSCHER RUNDfunk”, Leipzig, August 19, 2021. — <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/russland-putin-umwelt-klimaschutz-100.html>.

7. Dr. Maxfield B.D. “Army Demographics, FY12 Army Profil”. — <https://www.army.mil/hr/docs/demographics/FinalFY12ArmyProfileReport.pdf>.

8. National Geographic: “Biodiversity”. — <https://www.nationalgeographic.org/encyclopedia/biodiversity/>.

9. NN: “List of countries according to CO2 emissions per capita”. — https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_L%C3%A4nder_nach_CO2-Emission_pro_Kopf.

10. NN: “Climate change policy of the United States — Climate change policy of the United States”. — https://de.abcdef.wiki/wiki/Climate_change_policy_of_the_United_States.

11. NN: US environmental policy. — https://www.wiki.wiki/wiki/de/Environmental_policy_of_the_United_States.

12. O’Neill A. “Gross domestic product (GDP) in Russia 2026”, Statista, May 19, 2021. — <https://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-russia/>.

13. Reuters. “Countries adopt “Kunming Declaration” to protect biodiversity”, Kunming, October 2021. — <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Countries-adopt-Kunming-Declaration-to-protect-biodiversity>.

14. Schulze G. “Russia makes environmental protection a priority”, GTAI. — German Trade and Invest, Berlin <https://www.gtai.de/gtai-de/trade/branchen/branchenbericht/russland/russland-macht-den-umweltschutz-zur-prioritaet-21764#:~:text=Umweltschutz%20ist%20in%20Russland%20neuerdings%20Chefsache.%20Das%20Nationale,Pr%C3%A4sidialverwaltung%20den%20Aktionsplan%20zur%20Umsetzung%20des%20Programms%20ver%C3%B6ffentlicht>.

15. The Magazine: “10 größten Volkswirtschaften der Welt bis 2030” (“10 largest economies in the world by 2030”). — <https://li.efuc.org/1651-10-largest-economies-in-the-world-by-2030.html>.

16. Wagner C. “Made in Russia”, Weltexporte — Das Fachmagazin, 17. Juni 2021. — <https://www.weltexporte.de/exportprodukte-russland/#russlandexportprodukte2>.

16. United Nation: “Environment Programme”. — <https://www.unep.org/>.

П. 1.2

1. Кондратьева Н.Б. Неолиберальные подходы в модели европейской экономической интеграции // Современная Европа. — № 5. — С. 126–136. — <http://dx.doi.org/10.15211/sovereurope52021126136>.

2. Roberts H., Cows J., Casolari F., Morley J., Taddeo M., Floridi L. Safeguarding European values with digital sovereignty: an analysis of statements and policies // *Internet Policy Review*. — 10(3). — 2021. — <https://doi.org/10.14763/2021.3.1575>.

3. Reding V. Digital Sovereignty: Europe at a Crossroads // EIB Institute. — 2016. — <https://institute.eib.org/w-p-content/uploads/2016/01/Digital-Sovereignty-Europe-at-a-Crossroads.pdf>.

П. 1.3

1. Аллегр К. Европа не просто идея // *Русская Европа*. — СПб. — 2005. — № 7 (11). — С. 3.

2. Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // *Управленческое консультирование*. — 2018. — № 10 (118). — С. 19–26.

3. Ачкасов В.А. Кризис европейской идентичности как проявление кризиса интеграционного проекта // *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой*. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — С. 25–30.

4. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») — 288 с.

5. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // *Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б.Олкотт и И.Семенова*. — М.: Гендальф, 2001. — С. 114–136.

6. Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // *Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки: Сб. науч.тр. / Ред. и сост. Малинова О.Ю.* — М. ИНИОН РАН, 2005. — № 3. — С. 66–75.

7. Морозов В. Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // *Неприкосновенный запас*. — 2010. — № 6. — С. 307–320.

8. Национальные истории: тенденции последнего десятилетия // *Национальные истории на постсоветском пространстве. Т.II / Ред. Ф.Бомсдорф, Г.Бордюгов. М. Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.* — 372 с.

9. Нойманн И. Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. — 336 с.

10. Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад / Под ред. Л.П.Репиной. М.: «Кругъ», 2010. — 960 с.

11. Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. — 266 с.

12. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 томах: Т.2 Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С.Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. — 471 с.

13. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. — С.87–101.

14. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.

15. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 635 с.

16. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция: Учеб. пособие по специальности «Мировая экономика». — М.: Междунар. отношения, 2003. — 398 с.

17. Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2000. — С. 12–33.

18. Шнирельман В. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. — 591 с.

19. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge: Polity Press, 2007. — 248 p.

20. Hedetoft U. On Nationalisers and Europeanisers in Contemporary Europe — fn Introduction // Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation / Ed. By U. Yedetoft. Aldershot: Ashgate, 1998. — P. 1–19.

21. Hobsbawm E. J. On History. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1997. — 403 p.

22. Hoffman S. Thoughts on the French nations today // Daedalus. — Cambridge, 1993. — Vol.122. — № 3. — P. 63–81.

23. Krastev I., Holmes S. Imitation and Its Discontents // Journal f Democracy. — 2018. — Vol. 29. — № 3. — P. 117–128.

24. Reese G., Lauenstein O. The Eurozone Crisis: Psychological Mechanisms Undermining and Supporting European Solidarity // Social Sciences. — 2014. — Vol.3, issue 1. — P. 160–171.

25. Values and identities of EU citizens 2021. — URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2230>.

П. 1.4

1. Вендик Ю. Миллион евро в день. Польша будет платить штраф Евросоюзу из-за спора о судебной системе // BBC News. Русская служба. — 27 октября. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59065808?xtor=AL-73-%5Bpartner%5D-%5Byandex%5D-%5Bheadline%5D-%5Brussian%5D-%5Bbizdev%5D-%5Bisapi%5D> (дата обращения: 10.11.2021).

2. Лебедев И. Вызов брошен. Европейские консерваторы хотят перестроить ЕС по своему проекту // ТАСС. — 2021. — 7 июля. — URL: <https://tass.ru/opinions/11842981> (дата обращения: 10.11.2021).

3. Саммит ЕС не решил главные вопросы — о ценах на газ и верховенстве права в Польше // Интерфакс. — 2021. — 23 октября. — URL: <https://www.interfax.ru/world/799003> (дата обращения: 10.11.2021).

4. Суд в Польше подтвердил превосходство законодательства страны над европейским правом // ТАСС. Международная панорама. — 2021. — 7 октября. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12607307> (дата обращения: 10.11.2021).

5. Commission Opinion on the Rule of Law in Poland and the Rule of Law Framework: Questions & Answers // An official website of the European Union. — European Commission. — 2016. — 1 June. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_16_2017 (дата обращения: 30.11.2021).

6. Commission Recommendation (EU) 2016/1374 of 27 July 2016 regarding the rule of law in Poland. C/2016/5703 // Official Journal of the European Union. — L 217. — 2016. — 12 August. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reco/2016/1374/oj> (дата обращения: 30.11.2021).

7. Commission Recommendation (EU) 2017/146 of 21 December 2016 regarding the rule of law in Poland complementary to Recommendation (EU) 2016/1374. C/2016/8950 // Official Journal of the European Union. — L 22. — 2017. — 27 January. — URL: <http://data.europa.eu/eli/reco/2017/146/oj> (дата обращения: 30.11.2021).

8. Commission Recommendation (EU) 2017/1520 of 26 July 2017 regarding the rule of law in Poland complementary to Recommendations (EU) 2016/1374 and (EU) 2017/146. C/2017/5320 // Official Journal of the European Union. — L 228. — 2017. — 2 September. — URL: <http://data.europa.eu/eli/reco/2017/1520/oj> (дата обращения: 30.11.2021).

9. Commission Recommendation (EU) 2018/103 of 20 December 2017 regarding the rule of law in Poland complementary to Recommendations (EU) 2016/1374, (EU) 2017/146 and (EU) 2017/1520. C/2017/9050 // Official Journal of the European Union. — L 17. — 2018. — 23 January. — URL: <http://data.europa.eu/eli/reco/2018/103/oj> (дата обращения: 30.11.2021).

10. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. A new EU Framework to strengthen the Rule of Law. COM (2014) 158 final // 2014. — 11 March. — URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-framework_en (дата обращения: 30.11.2021).

11. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council. Further strengthening the Rule of Law within the Union State of play and possible next steps. COM/2019/163 final // An official website of the European Union. — Access to European Union law (EUR-Lex). European Commission. — 2019. — 3 April. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019DC0163> (дата обращения: 30.11.2021).

12. European Commission. Rule of law mechanism factsheet // An official website of the European Union. European Commission. — 2020. — 30 September. — URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/rule_of_law_mechanism_factsheet_en.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

13. Gill J. Столкновение Еврокомиссии с Польшей в Страсбурге // Euronews. — 2021. — 19 October. — URL: <https://ru.euronews.com/2021/10/19/eu-parliament-poland-debate> (дата обращения: 10.11.2021).

14. 2021 Enlargement package: European Commission assesses and sets out reform priorities for the Western Balkans and Turkey // An official website of the European Union. — URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/news/2021-enlargement-package-european-commission-assesses-and-sets-out-reform-priorities-western_en (дата обращения: 30.11.2021).

П. 1.5

1. Маркушина Н.Ю. Северная безопасность и концепция «Нового Севера» // Научно-аналитический журнал Обозреватель — OBSERVER. — 2011. — № 4 (255). — С. 92–100.

2. Шлапек Е.А. Конструирование региональной идентичности в Северной Европе: институты и инструменты // Южно-российский журнал социальных наук. — 2015. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-regionalnoy-identichnosti-v-severnoy-evrope-instituty-i-instrumenty> (дата обращения: 06.01.2022).

3. About NORDEFECO — Nordefco. — URL: <https://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco>.

4. Czarny R.M. A Modern Nordic Saga: Politics, Economy and Society, Springer International Publishing Switzerland 2017. — DOI 10.1007/978-3-319-42363-0_1.

5. Helsinki Treaty. — URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1250815/FULLTEXT01.pdf>.

6. Lindskog A., Stougaard-Nielsen J. (eds.). Introduction to Nordic Cultures. — London: UCL Press, 2020. — DOI: <https://doi.org/10.14324/111.9781787353992>.

7. NORDEFECO Annual Report 2020. — URL: <https://www.nordefco.org/files/NORDEFECO-annual-report-2020.pdf>.

8. Nordic Defence Cooperation Vision. — URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf> (дата обращения: 28.12.2021).

9. Beltrán L., Maestro J., Salo-Lee L. (eds.). Nordic Identity between “Norden” and Europe // European Peripheries in Interaction. The Nordic Countries and the Iberian Peninsula. — Universidad de Alcalá: Servicio de Publicaciones 2002. — P. 151–202.

10. Nordic Statistic Database. — URL: <https://www.nordicstatistics.org/population/>.

11. The NORDICS — a sustainable and integrated region? Baseline report for our Vision 2030 // Nordisk Ministerråd. — URL: <https://pub.norden.org/politiknord2021-727/>.

12. UNSD — Methodology. — URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения 28.12.2021).

13. What is the Nordic identity? // Quora. — URL: <https://www.quora.com/What-is-the-Nordic-identity-Does-it-even-exist-I-am-interested-in-hearing-personal-opinions-and-views-of-the-inhabitants-of-all-Nordic-countries>.

14. Wickström M. Nordic brothers before strange others. Pan-national boundary making in the post-war naturalization policies of the Nordic countries. *Ethnic and Racial Studies*. — 2017. — 40(4). — P. 675–693. — URL: <https://research.abo.fi/ws/portalfiles/portal/25503735/Nordic+brothers+before+strange+others.+Pan-national+boundary+making+in+the+naturalization+policies+of+the+Nordic+countries.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).

П. 1.6

1. Баранчик Ю. Страны Прибалтики в контексте сценария возможного распада Евросоюза // *Постсоветский материк*. — 2019. — №2 (22). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-pribaltiki-v-kontekste-stsenariya-vozmozhnogo-raspada-evrosoyuza> (дата обращения: 02.12.2021).

2. Ławski J. *Odessa i Morze Czarne jako przestrzeń literacka* /MaliutinaN., etc. — Białystok-Odessa, 2018. — 632 p.

3. 2021 Military Strength Ranking // *Global Firepower 2021*. — URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 01.12.2021).

2.1. Вакцинная дипломатия: текущие проблемы и перспективы³⁹

Весной 2021 года вышла новая книга известного американского ученого и общественного деятеля Питера Хотеза «Предотвращение следующей пандемии: вакцинная дипломатия во времена антинауки» [7]. В данном труде автор, работавший во время президентства Б. Обамы специальным «послом науки» [6] в странах Ближнего Востока и Северной Африки, развивает мысли, во-первых, об острой необходимости сотрудничества, а не соперничества национальных научных и дипломатических сообществ перед лицом глобальной угрозы, и, во-вторых, о научно-техническом прогрессе (на примере медицины и микробиологии) как одном из основных драйверов международных отношений на современном этапе. Наряду с этим Хотез также высказывает мнение о том, что «науки друг с другом не воюют», или, во всяком случае, не должны воевать.

При том, что подобная апология едва ли может оставить равнодушным как ученых, так и обывателей, на русский язык это интереснейшее сочинение до сих пор не переведено. Автор настоящего параграфа собрался было написать на него развернутую рецензию, однако передумал. Тема, как говорится, теряет актуальность. Можно даже добавить — стремительно. Ведь сколь бы обреченно и пессимистично это сейчас ни прозвучало, вынуждены констатировать, что вакцинная дипломатия не оправдала возложенных на нее надежд. Иначе говоря, систематически провалилась, причем как минимум трижды.

Для того, чтобы проследить это явление, предлагаем, во-первых, оглянуться на начало 2020 года. Во-вторых, взглянуть на него глазами не эксперта, но, если так можно выразиться, обывателя-международника. Итак, весной 2020 года во время «первой волны» пандемии обыватель-международник вместе со всем прогрессивным человечеством уходит в локдаун. Он строго и неукоснительно соблюдает режим самоизоляции и, дабы скоротать время, начинает перелистывать классиков истории и теории дипломатии — Г. Никольсона, Э. Сатоу, В.П. Потемкина и т. д. [5]. Попадается ему в руки

³⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №18–78–10123, <https://rscf.ru/project/18–78–10123/>.

и сочинение Т.В. Зоной «Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития», автор которого упоминает (пусть и вскользь) того же Питера Хотеза с его концепцией «вакциной дипломатии» [2, с. 266–267]. Исследование Т.В. Зоной опубликовано в 2003 году — задолго до того, как обозначенная тема стала актуальной и популярной.

Вера в дипломатию вселяет в обывателя оптимизм. Местами его настроение граничит с эйфорией. Благодаря этому возникает своего рода мантра: всем миром создадим вакцины — привьемся — победим пандемию. Отчасти такая формула входит в официальный или, во всяком случае, в полуофициальный нарратив. Она сводится к тому, что всем участникам мировой арены следует объединиться перед лицом глобальной катастрофы, в большей степени сотрудничая, чем соперничая. И политикам, и профессиональным дипломатам, но главное, конечно же, ученым.

Слова, как водится, красивые, но на деле широкомасштабного международного сотрудничества в процессе разработки прививочных материалов не наблюдается. Зато, вопреки декларируемому объединению усилий людей доброй воли, налицо простейший геополитический национализм, в совокупности с научно-исследовательским [Крынжина, 2020]. По существу, это был первый провал т.н. вакцинной дипломатии — в научно-технологическом ее измерении.

Не видим серьезной и ощутимой пользы в рассуждениях о причинах такого провала. Лучше вспомнить, что было дальше. Далее Россия, а параллельно с ней и многие другие страны с развитым научно-технологическим потенциалом, сосредоточилась и создала несколько вакцин. Сперва сознательный обыватель думал записаться в передовую группу участников их клинических испытаний. Но потом рассудил, что лучше не торопиться. Он ожидал того, что зарубежные коллеги подтянутся и появится выбор. Надеялся, что образуется «вакцинный супермаркет» на глобальном, но, что гораздо важнее и «ближе к телу», на локальном уровне.

Излишне говорить, что и тут обывательские ожидания пошли вразрез с реальностью. Вакцинные супермаркеты, даже в формате советских «березок», так и не открылись. И ничто пока не указывает на то, что они в ближайшее время откроются (за рубежом с небольшими поправками так же). Это можно расценить как второй провал вакцинной дипломатии — уже на торгово-экономическом уровне. По существу,

проявление протекционизма в лучших традициях международной политической экономии.

В свете этого, обыватель к весне-лету 2021 года все-таки привился отечественной вакциной. Импортозамещение по принципу «четырёх П» («протекционизм порождает потребительский патриотизм») с призывами летать самолетами одной известной отечественной авиакомпании. Обыватель бы и рад полететь, но с наступлением очередной волны отдельные направления для путешествий вновь начали закрываться. И тут ожидаемо остро встал вопрос о взаимном признании государствами сертификатов о вакцинации.

Призывы к такому признанию обыватель уже неоднократно слышал и со стороны научно-экспертного сообщества, и на высшем уровне. В частности, из уст российского Президента В.В. Путина. Однако зарубежные партнеры, видимо, вновь стараются не форсировать, а тщательно проработать этот жизненно важный вопрос. Судить о провале в третьей — на сей раз консульско-правовой — плоскости, думается, преждевременно. Впрочем, и успехов в ней пока что не видно — по крайней мере, обывателю.

Автор приводимого здесь критического анализа — не Билл Гейтс и даже не дважды упомянутый выше Питер Хотез. Тем не менее он хотел бы остановиться на двух тезисах, иллюстрирующих неизбежные последующие сложности даже в случае формального признания сертификатов о вакцинации как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Первый — зависимость от политической конъюнктуры. Как известно, ускоряемые глобализацией процессы интеграции и международного сотрудничества призваны устранять барьеры на пути трансграничного движения товаров и услуг, капитала и трудовых ресурсов.

В то же время отнюдь не сложно представить себе следующую картину. Две страны заключают внешнеторговую сделку о регулярных поставках из страны А в страну Б некоторой продукции — например, продовольственной. В какой-то момент лидер страны А делает заявление, вызывающее неодобрение со стороны общественности страны Б. После чего неожиданно выясняется, что импортируемая из страны А продукция не соответствует или перестает соответствовать фитосанитарным требованиям в стране Б.

В результате этого экспорт из страны А прекращается. При достижении же консенсуса между лидерами и общественностью обеих

стран условия могут вновь пересмотреться в лучшую сторону. Конечно, это упрощенная, однако от того не менее распространенная схема, разновидность нетарифных барьеров.

Гарантий, что аналогичных казусов не будет возникать с «сертифицированными» людьми (по сути, с человеческим капиталом), нет [1, 3]. Причем здесь условной стране Б даже не придется упражняться в санкционно-дискриминационной казуистике. Объяснения будут простыми: выявлен новый штамм, против которого вакцины страны А не эффективны.

Второй тезис — трудности борьбы с оппортунистическим поведением. Еще около полугода тому назад уполномоченные органы, а вслед за ним и общественность обратили внимание на весьма бойкую торговлю «паспортами здоровья» на просторах Интернета. Имеется гипотеза, что за определенную, причем вполне доступную многим плату, в Даркнете можно приобрести не только отечественные, но и заграничные поддельные удостоверения о вакцинации.

В связи с этим вспоминается другая история — уже не с туризмом, но с выездом на постоянное место жительства. В последние полтора десятилетия XX века российским немцам, репатриировавшимся на историческую родину, власти ФРГ разрешали пользоваться водительскими удостоверениями, полученными в СССР и РФ. Довольно скоро статистика дорожных аварий выявила рост доли вовлеченности в них новых репатриантов. Германская полиция начала расследование и пришла к выводу о том, что культура их вождения оставляет желать лучшего. Объяснялось это, прежде всего, тем, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов водительские права иногда выдавались людям, которые, могли совершить «в городе» и «на площадке» больше ошибок, нежели это допускал регламент экзамена государственной автоинспекции. Многих таких водителей германским властям удалось выявить, привлечь к ответственности и заставить заново ходить в автошколы. Однако наиболее важным системным результатом этого скандального разбирательства стало требование получать удостоверения немецкого образца всем лицам, приезжающим из России на постоянное место жительства в ФРГ, вне зависимости от водительского стажа и иных обстоятельств.

Учитывая общий климат и атмосферу сохраняющегося недоверия, не исключаем, что нечто похожее может произойти и с сертификатами о вакцинации. Профилактика и борьба с этими преступлениями

и правонарушениями — задачи уполномоченных органов. Мы же можем лишь призвать сограждан и граждан других государств к сознательности.

Как бы то ни было, вера в вакцинную дипломатию сохраняется. В нормативно ключе можно посоветовать лицам, принимающим решения, продолжать курс по ее реализации, возможно, внося в него определенные коррективы. Вместе с тем, вынуждены повторно констатировать, что горчаковых в вакцинной дипломатии до сих пор не нашлось. Да и талейранов пока что тоже.

2.2. Изменяющаяся идентичность современной личности перед лицом глобальных вызовов

Традиционно к глобальным вызовам относят экономические и геополитические проблемы, возникающие перед человечеством в тот или иной исторический период. Могут появляться новые проблемные поля, а возможно и обострение существующих проблем, вызванных процессами глобализации [11, с. 667]. Современным исследователям важно понимать, что спектр глобальных вызовов значительно расширился благодаря объявленной ВОЗ пандемии. Интересна топология этого глобального вызова. Мы знаем, что официально о нем заявил Китай, в январе 2020 года. Возникает закономерный вопрос — особенности топологии возникновения COVID-19 повлияло ли на скорость распространения этого вируса, на процессы его изучения, на придание этому явлению нового официального статуса — пандемии, сказались ли особенности топологии на эффективности управления последствиями пандемии?

Пандемия в современных условиях стала новой проблемой, новым глобальным вызовом, с которым столкнулось человечество в мировом масштабе. Около года пандемия, вызванная COVID-19, относилась к числу вызовов мировым системам здравоохранения и системам обеспечения национальной безопасности различных стран мира. Однако, по прошествии этого времени исследователям различных направлений гуманитарного знания стало понятно, что этот вызов затронул не только здравоохранение и национальную безопасность, но и другие сферы общества [9, с. 194].

Большим вызовом пандемия стала для экономик стран мира. Наибольшее воздействие на них оказали многочисленные локдауны, при-

ведшие к снижению спроса [2; 3]. Уязвимыми стали предприятия, осуществляющие свою деятельность благодаря процессам трудовой миграции, сильно пострадал малый и средний бизнес. Меры, принятые правительствами стран мира и направленные на компенсацию потерь предпринимателям и сельскохозяйственным рабочим, были недостаточными для оптимизации работы предприятий. Многие организации разорились [7, с. 254].

Политики разных стран, опережая друг друга, стремились принимать грамотные управленческие решения, что оказалось достаточно сложным в условиях отсутствия опыта принятия таких решений. Слишком высокими были и остаются неопределенность и риски [12, с. 67]. Если ранее риски можно было классифицировать на низкие, средние, высокие и катастрофичные, то на сегодняшний момент остались лишь катастрофичные и высокие риски. Важно понимать, что риски — это действия, совершаемые личностью в условиях временной или информационной неопределенности с надеждой на успех, выигрыш. В поведении, связанным с риском присутствует и вероятность проигрыша, ущерба, потери.

Идентичность личности связана с высокими рисками и неопределенностью. Ее можно так и обозначить — идентичность неопределенности и рисков. Если понимать под идентичностью процесс поиска смыслов собственного существования и осуществляемых действий под влиянием отождествлений со значимыми личностями, то важно отметить нелинейность, открытость и незавершенность этого процесса. Незавершенность проявляет себя в изменяющихся факторах современной ситуации, а также с возрастными периодами развития личности. Открытость процесса изменений идентичности личности экстраполируется на процессы самоопределения личности. Самоопределение представляет собой динамичный процесс по выстраиванию личности на основе социальных ролей, позиций, функций и манипуляций.

Пандемия как глобальный вызов современности, затронул технологическую сферу общества. Основные изменения технологической сферы коснулись программного обеспечения, новых инфо-локаций и локаций, которые используются в привычном режиме. Большинство онлайн — коммуникаций оказались опрокинуты в интернет-взаимодействия. С одной стороны, эти процессы способствовали развитию информационных технологий [4, с. 76]. С другой стороны, они стали

проверкой на прочность многих платформ информационного поля, поскольку переход на доминирующие интернет — локации явился быстрым, принудительным и масштабным. Ряд компаний сумели подготовить переход своих сотрудников на дистанционные формы работы. Но многие платформы оказались перегруженными и откровенно зависали в самые ответственные моменты совещаний или выступлений. Работающим людям и обучающимся приходилось заново самоопределяться в новом инфо-поле, приспосабливаясь к логике интернет — площадок и различных технологий информационного поля. Человек как личность в условиях пандемии, столкнулся не только с линейной логикой систем и несовершенством технологических разработок, но и с информационной избыточностью, с феноменом ложной экспертности.

Изменения коснулись и смысловых характеристик существования человека, символических контекстов. В работу включились два основных вектора, долго остававшиеся в пассивном состоянии — экзистенциальный и антропологический. Экзистенциальный вектор проявил себя в процессах трансформации системы ценностей и отказе личности от установок культуры потребления. Обратим внимание на взаимосвязанность процессов трансформации ценностной структуры личности и отказа от норм общества потребления. Нормы потребительской культуры, доминирующие в нашем обществе на протяжении двадцати лет, оказались удивительно стойкими к глобальным вызовам. У них есть два существенных свойства, определяющие их жизнеспособность: непрерывное потребление, выступающее заместителем базовых смыслов личности, и «вещизм», выражающийся в отношении к другим личностям как к вещам. Эти свойства активно развиваются социумом. В роли поддерживающих факторов выступают маркетинг, нейро-маркетинг, PR, таргетированная реклама и ряд других современных технологий.

Следствием процессов непрерывного потребления стали замещение товарами таких ценностей как любовь, забота, счастье, самореализация и творческое начало в личности. Потребление наполнило темпоральность личности, поскольку способствовало приятному времяпрепровождению в торговых центрах или торговых локаций в информационном пространстве [8, с. 301]. Процессы современного потребления оказались тесно связанными с эйфорией выбора, когда личность погружена в ситуацию всемогущества от разнообразных

альтернатив. В сложившихся условиях личность не спешит переходить к этапу реализации принятого решения [14, с. 320]. Этот этап предполагает действия и ответственность, значительно сужает спектр возможностей, требует планомерности и педантичности в осуществлении выбранного способа действия.

«Вещизм» как явление ситуации пандемии связан с отношением к другому человеку, к другой личности как к некоторому неодушевленному объекту. С ним можно производить различные манипуляции по аналогии с миром вещей. Самым интересным оказалось, что «вещизм» — двусторонне направлен. Личность, следующая этой стратегии, в качестве вещи рассматривает не только другого, но и себя. Тем самым разрушая собственные ценностные основания [1, с. 152].

Современный мир оказался неготовым к пандемии как серьезно-му вызову, поскольку она затронула идентичность личности. Это, на наш взгляд, странно! Ученые прогнозировали возникновение пандемии и связывали это со стремительными темпами развития антибиотиков и бактерий, устойчивых к ним. Технологические разработки значительно отставали от резистентности бактерий к ним. Конфликт между прогнозируемыми явлениями и нежеланием учитыватьстраиваемые прогнозы в практической плоскости спровоцировал конфликт между прежними формами идентичности личности, связанной с процессами потребления, с «вещизмом», и новыми формами, направленными на выстраивание вертикали истинных ценностей. Конфликт идентичностей приобрел достаточно острый характер и проявился в возросшем уровне конфликтогенности, агрессии со стороны общества, в анаклитической и интроективной депрессии.

Многочисленные жесткие и не очень локдауны вернули человека к самому себе, к собственным ценностным основаниям жизни и деятельности. На первый план вышли вопросы жизнеобеспечения и сохранения себя в быстро развивающихся условиях многочисленных трансформаций. К их числу можно отнести стремительное определение локаций в цифровом пространстве, перестраивание коммуникационных полей, переопределение полей рисков и конфликтов, смену идентичностей. Проявили себя латентные конфликты, связанные с идентичностью онлайн- и офлайн-пространства. Перед личностью встал глобальный вопрос, оставшийся неразрешенным по сей день — онлайн-пространство — это «зеркало» или «окно», сквозь которое личность смотрит на мир? Если это «зеркало», то оно отражает

личность со всеми ее проявлениями, в том числе и негативными. Если инфо-сети — это «окно», то сквозь него личность видит и взаимодействует с миром, с другими. Важно исследовать и другой аспект, затрагивающий вопросы выбора мира и реальности личностью [10, с. 98]. Этот аспект связан с другим, не менее важным вопросом, — кто выбирающий субъект (личность или сеть)? С одной стороны, личность выбирает контент, а с другой стороны, со временем контент начинает формировать инфо-реальность той или иной личности [5, с. 94].

Важно понимать, что идентичности бывают нескольких видов: внешняя, внутренняя, сформировавшаяся под влиянием форс-мажорных обстоятельств, идентичность в условиях стабильности, идентичность в условиях рисков и неопределенностей. Именно они конституируют профиль изменяющейся идентичности личности в современных условиях. Кратко опишем основные векторы, по которым проходят эти изменения. Внешняя идентичность изменяется под увеличивающимся давлением социума. Она носит конфликтный характер. С одной стороны, личность подвержена многочисленным сложным требованиям социума. Они выступают в роли вызовов по отношению к профессиональным компетенциям личности, к ее способностям. Временная компрессия завершает дело. С другой стороны, личность понимает, что социальные требования опираются на неэффективные действия социальных институтов, все более утрачивающих собственные функции [13, с. 145].

Внутренняя идентичность претерпевает смещение с целевой, более поверхностной идентичности, к ценностной идентичности. Ценностная идентичность, в свою очередь, опирается на смысловые характеристики деятельности современной личности и экзистенциальный вектор ее развития. Поиски экзистенциальных смыслов становятся доминантой жизнедеятельности современной личности. Идентичность, сформировавшаяся в ситуации форс-мажорных обстоятельств связана с особым типом темпоральности: «быстро/срочно», «формально», «рискованно», «мало времени», «диссипированной ответственностью». Этот вид идентичности противостоит идентичности, опирающейся на стабильность. Идентичность стабильности сопротивляется изменениям, замедляет их, саботирует, не принимает, цепляется за рутинизированные практики и отношения. Идентичность рисков и неопределенностей в своем основании имеет главный

вопрос: «Может ли личность выдерживать давление высоких рисков и неопределенностей?» [6, с. 171]

Таким образом, изменяющаяся идентичность личности неоднородна. Можно выделить четыре взаимосвязанных вида: внешняя — внутренняя, стабильная — форс-мажорная, стабильная — рискованная, стабильная — неопределенная. Каждая из идентичностей развивается по соответствующим векторам: ценностному, дисфункциональному, вектору функционирования современных социальных институтов, сохранению рутинных практик, суетливых и быстрых действия, принятию неизбежных ошибок, увеличению давления неопределенности и сужению перспектив деятельности «к точке» настоящего [15, с. 209]. Идентичность является краеугольным камнем в выстраивании адекватных ответов на глобальные вызовы современности, поскольку затрагивает личность и ее действия.

2.3. Вирус и социальные общности: о влиянии пандемии на идентичность

Исследователи социогуманитарного знания отмечают, что наш век отличается стремительными трансформациями во всех сферах общественных отношений — в экономике, политике, культуре. Одним из следствий такого положения вещей оказывается то, что современному человеку становится все сложнее поддерживать внутреннюю согласованность и устойчивость собственного Я [7]. Пандемия COVID-19 изменила привычные способы самовосприятия людей. По грандиозным масштабам воздействия происходящие на наших глазах события уже сравнивают с мировыми войнами, которые радикально меняли психическое самочувствие и привычное поведение миллионов людей. Исследователи-гуманитарии не раз заявляли о том, что человечество в указанной связи ожидает перемены глобального свойства [4, с. 2].

Человеческая идентичность формируется в постоянном взаимодействии с окружающим миром. Мысли и чувства, связанные с Я, влияют на нашу интерпретацию происходящих вокруг событий. Социальная система, в свою очередь, воздействует на формирование образа личности в сознании человека. Взаимодействие социальной системы и актора непрерывно, безусловно и активно. Шаблоны, которыми оперирует сознание, меняются, они реорганизуют мышление и социальное поведение, трансформируя и групповую идентичность,

и самоидентичность личности. Именно поэтому исследование идентичности необходимо вести по двум указанным направлениям одновременно.

С началом пандемии наиболее ощутимо преобразовались те аспекты групповой идентичности, которые делают человека «политическим животным», предопределяя его позиционирование по отношению к государственным, надгосударственным и глобальным общностям. Эпидемия есть бесспорный кризис, активизирующий вполне конкретные психологические механизмы реагирования: вирус вызывает страх, а страх влечет за собой определенные поведенческие реакции. Именно это позволяет исследователям — а вслед за ними и некоторым политикам — парадоксально проводить параллели между преодолением эпидемии и борьбой с международным терроризмом. «И планетарное распространение вируса, и международный терроризм можно считать издержками глобализации, — пишет, например, немецкий исламовед Штефан Вейднер. — Это одновременно и продукты глобализации, и воздаяния за нее. ... Терроризм и вирус обращают глобализацию против себя самой, ставя ее под сомнение, а также изобличая ее риски и опасности, которые не поддаются управлению и контролю» [3, с. 178—179].

Задача физического выживания, акцентируемая инфекцией, делает «ближние» группы важнее «дальних»: в современном мире локальное одолевает глобальное. Отказываясь от моделей, которые считались трендовыми совсем недавно, сегодня можно не быть «гражданином мира», тем более что национальные государства апеллируют к гражданам по-разному. Так, правительства западных стран, формируя свои установки в эпоху COVID-19, широко используют образ войны, а, скажем, в Индии власти, формируя месседж о дистанцировании, обращаются к метафоре «линии сдерживания» из знаменитого национального эпоса. По мнению культуролога Михаила Эпштейна, на фоне этой разноголосицы люди неизбежно уйдут в себя: человечество «переходит от культуры шумных сборищ к культуре интроспекции и избирательной, точечной коммуникации» [8].

Там, где до пандемии уже были достигнуты единение и утверждение той или иной степени универсализма, интеграция оказалась поколебленной (Европейский Союз), а там, где единства и не было, обособление сделалось еще более заметным (Россия и Европа). Параллельно и там, и здесь переход от «пространственной» мобильности к «цифровой», с одной стороны, укрепляет локальную идентичность,

а с другой стороны, расшатывает ее: когда некто, оставшись без работы, возвращается из-за границы домой, он рискует столкнуться с враждебностью «своего», местного мира — вместо бывшего «доброего соседа» в нем начинают видеть «угрозу/чужака/вирусоносителя». Метастазы разобщенности ползут сверху вниз.

В европейских странах подъем COVID-19 был отмечен пропорциональным подъемом национализма, поскольку пандемия реанимировала государственные границы [3, с. 189–194]. Меры по борьбе с вирусом разобщают Европу, возрождая былую значимость национального государства, которое в очередной раз подтвердило свой статус базовой ячейки политического структурирования мира — несмотря на универсализм, глобализм, космополитизм, набравшие силу в предшествующие десятилетия. «Национальные государства все больше превращаются в исполнителей воли и полномочных представителей сил, которые они не могут и надеяться поставить под политический контроль», — писал выдающийся британский социолог Зигмунт Бауман всего двадцать лет назад, констатируя «разложение» и «отмирание» nation-state [1, с. 95]. Сегодня мало кто решится на подобные декларации. Решения, принимаемые национальными правительствами, стали приоритетными в спасении человеческих жизней, а это породило «ковидный (вакцинный) национализм», подрывающий престиж надгосударственных институций [2]. В отношении же России и Европы пандемия также сыграла разобщающую роль, но несколько в ином смысле: тут урон был нанесен не слиянию и интеграции идентичностей, а диалогу между ними, который оказался нарушенным или даже заблокированным.

Поскольку COVID-19, по всей видимости, превращается в константу мировой политики, привносимые им сдвиги в восприятии и реализации идентичностей тоже нужно считать долгосрочными: будет больше размежевания и сегментирования и меньше сплоченности и единодушия. Поощряя национализм, деградацию всемирного экономического, культурного и информационного обмена, новая ситуация превращает большую войну в более реальную опцию, чем прежде. Окукливание идентичностей крайне опасно — и ему необходимо противостоять.

Возвращаясь к вопросу трансформации самоидентичности, рассмотрим диалектику социальных угроз и ковидной идентичности. В этом взаимодействии, на наш взгляд, стоит выделить четыре пункта.

Во-первых, вспомним, что представления о себе формируются путем социального сравнения. Окружающие нас люди (ситуации) помогают выработать некий стандарт, с помощью которого мы определяем себя как красивых, умных, успешных и т. д. В каждом из нас заложено стремление сравнивать себя с кем-нибудь. Наша психика устроена таким образом, что инстинкт самосохранения запускает механизм сравнения, чтобы оценить степень таящихся в незнакомцах угрозы или риска. Мы постоянно сравниваем себя с представителями своего рода, а затем принимаем решение — находимся ли мы в безопасности, можем ли мы рассчитывать на сотрудничество и поддержку. Возможно, в современных реалиях, в сопоставлении с предшествующими веками, ставки не столь высоки, однако профессор Адриан Мейер, доцент кафедры коммуникационных наук немецкого Университета им. Фридриха-Александра, считает, что наши повадки не слишком изменились: «Социальное сравнение прочно закреплено в нашей психике. Нам важно осознавать себя относительно других людей». Если в первобытные времена наш круг был очень узким, то сегодня мы можем общаться со всем миром, а значит, социальное сравнение достигло невиданных масштабов и необычайного размаха [цит. по: 9]. Более того, мы сравниваем себя не просто с другими людьми, а с предлагаемой ими «улучшенной» версией себя. Благодаря таким программам, как Facetune или Photoshop, каждый из нас запросто можем подчеркнуть и выделить те черты внешности, которые нам в себе нравятся, попутно избавившись от всего лишнего. Но, поскольку игра не совсем честная, не приходится удивляться тому, что нам все время кажется, будто мы «не дотягиваем»: сравнение себя с другими приносит немало бед. Оно, в частности, чревато негативными последствиями для ментального здоровья: от тревожности, депрессии и низкой самооценки до проблем с восприятием своей внешности, тела и идентичности. Между тем, во время пандемии социальные сети стали для многих основной формой существования, что не замедлило сказаться на пользователях, особенно молодых. Согласно недавнему опросу «TheWallStreetJournal», среди пользователей социальной сети Instagram 32% девушек и 14% юношей говорят о ее негативном воздействии на самооценку, а 13% пользователей из Великобритании и 6% из США связывают с ней возникающие суицидальные мысли [10].

Во-вторых, на нашу Я-концепцию влияют свои собственные успехи и неудачи. Материалом для построения идентичности служат не

только результаты сравнений с другими людьми, но и индивидуальный повседневный опыт. По мере того, как мы преодолеваем трудности и приобретаем опыт, наши успехи поднимают самооценку и вдохновляют на подвиги, а неудачи, наоборот, роняют ее и ввергают в уныние. Идентичность развивается по мере разрешения значимых социальных проблем, принятия серьезных решений, возникновения ситуаций социального выбора: она предстает в виде динамического комплекса потребностей, способностей, убеждений и собственной истории. Пандемия и сопутствующие ей риски (утрата партнера, потеря работы, снижение доходов) вкупе с ощущением постоянной неопределенности уменьшают наши шансы на переживание социальной ситуации успеха. Человеческая психика «не любит» неопределенностей, а ее адаптационная стратегическая цель состоит в том, чтобы быть готовым к угрозе, в идеале к любой; поэтому, кстати, люди, как правило, склонны ожидать наихудшего сценария из всех возможных. Неопределенность является даже более напряженным состоянием, чем фактическое знание о том, что произойдет что-то плохое. Именно поэтому пандемия спровоцировала рост психических расстройств, которыми страдают как перенесшие коронавирусную атаку, так и те, кто пережил психотравму — воздействие негативной информации (в информационной среде, которая и без того крайне агрессивна), потерю работы, развод или смерть близкого человека. В разных регионах Российской Федерации число обращений к специалистам увеличилось от 10 до 30% [6]. Самоактуализация индивида требует равновесия имеющихся возможностей и возникающих рисков.

В-третьих, признанные достижения положительно влияют на идентичность, если мы видим, что окружающие позитивно оценивают нас. Нашу привычку использовать окружающих в качестве зеркала, с помощью которого мы воспринимаем самих себя, социолог Чарльз Кули назвал «отраженным Я». Более того для нас важно не то, что люди думают о нас на самом деле, а наше собственное представление об их мнении. Все это порождает в нас потребность принадлежать к какой-либо группе. Отношение к вирусу и необходимости соблюдать предписанные меры предосторожности усложняет не только создание новых отношений: эта тема наравне с политикой и религией вдруг начинает разводить людей по разным лагерям [5]. В свою очередь, социальный остракизм и самоизоляция в пандемию лишает нас возможности уважать себя.

В-четвертых, и без того обостряющееся преобладание индивидуализма над коллективизмом, независимого Я над взаимозависимым (социальным) Я на фоне радикальных социальных изменений — вынужденной изоляции, ограниченной социальной активности, переживания собственной уязвимости, потери свободы и контроля над собственной жизнью, — привели к тому, что основания, на которых выстраивается идентичность, стали очень неустойчивыми. Идентичность превращается в постоянный рефлексивный проект по конструированию себя. «Ковидная личность» все менее ощущает свою принадлежность к какой-либо группе, а значит и степень гармонизации Я с системой уменьшается, привычные традиции и устоявшиеся обыкновения утрачивают ценность.

Вывод из всего вышесказанного очевиден. «Неустойчивые» личности не в состоянии обеспечить устойчивость социальной системы. Кризис идентичности атомизирует людей, разрывает социальную ткань цивилизации. Веками складывавшаяся уникальность человека подвергается неожиданной и жесткой трансформации, оборачивающейся дезориентацией. Человек становится одиноким, не знает, как позиционировать себя в новой реальности, и не видит себя в будущем. Между тем, пандемия продолжает все глубже разобщать людей. Вновь «вставшее с колен» nation-state усиленно культивирует национализм. Но у разобщенности, автономизации, обособленности есть предел, преодоление которого чревато превращением психологических конфликтов в социальные, политические и даже военные. Собственно говоря, предотвращение подобного исхода и есть, по-видимому, главный вызов нынешней эпохи.

2.4. Дифференциация идентичностей в соответствии с усложнением структуры общества при переходе к экономике знаний (на примере Эстонии)

Исследования идентификации отдельных лиц и социальных групп в условиях радикальных социально-экономических перемен актуальны на постсоветском пространстве, поскольку — где быстрее, где медленнее — развивается постиндустриальная экономика на основе цифровизации, искусственного интеллекта и роботизации. Далее других в этом направлении продвинулась Эстония, трансформации групповой и личностной идентификации в которой являются объектом

исследования в настоящей работе. Опыт Эстонии показал, что перемены идентичности после 1991 года прошли несколько этапов, при этом дифференциация идентичности между отдельными группами нарастает. Особенно на этапе перехода к постиндустриальной «экономике знаний»⁴⁰.

В ходе исследования проверяется гипотеза, что главным фактором межгрупповой дифференциации является изменение структуры общества, обуславливающей трансформацию характера потребления не только в зависимости от уровня финансовых возможностей отдельных групп, но и их представлений о потребительских приоритетах (достаточности жилья, соотношении рабочего и свободного времени, формах труда, форматах общения, представлениях о личной свободе). Такой подход к исследованию групповой и личностной идентичности базируется на работах А. Пископпель [8], О. Устинова [10] опирающихся на методологические работы Г. П. Щедровицкого [13], а также работами Р. Флориды [12], К. Лавала [7] и П. Андерсона [1].

Автор разделяет утверждение, что «в периоды социальных трансформаций представления людей и социальных групп о своём положении в обществе (самоидентификация) могут резко контрастировать с их объективным положением. Представления могут запаздывать, а могут и опережать реальные изменения» [4, с. 32]. Такое опережение наблюдалось в Эстонии несколько раз на этапах крутых перемен в структуре общества за истекшие 30 постсоветских лет, несколько размывая границы групп и снимая возможное межгрупповое напряжение.

Для понимания процессов идентификации в период перехода к постиндустриальной экономике целесообразно рассмотреть трансформацию эстонского общества с 1991 года (времени выхода Эстонии из народохозяйственного комплекса СССР), когда общество представляло собой гомогенный советский средний класс с почти одинаковыми потребительскими приоритетами.

Последовавший начиная с 1992 года обвал экономики разделил эстонское общество на две группы: *Homo economicus* и *Homo sovieticus*. *Первые*, охваченные рыночным романтизмом, воспользовались снятием всех административных ограничений на предпринимательскую деятельность (включая внешнеторговую) превратили Эстонию в зону

⁴⁰ Название не устоявшееся. Употребляется «экономика услуг» и «экономика знаний» для обозначения одного и того же направления развития.

транзита для экспорта цветных и чёрных металлов, леса, удобрений и т. п. из России, а также насыщения товарных рынков не только Эстонии, но и соседних регионов Северо-Запада бывшего СССР. *Вторые*, охваченные ресентиментом, оказались опрокинутыми в абсолютную бедность.

I этап раскола общества длился с 1992 до 1998 г. Как видно из таблицы 2.4.1 [3] [6], экономика Эстонии уже в 1998 году вышла на уровень докризисного 1990 года.

Таблица 2.4.1

ВВП и потребительские расходы на душу населения Эстонии, в \$

Год	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
ВВП на душу населения	3611	2850	2873	3370	4026	4073	5332	8906	12614	18165	14784	17528	20340	18427	23154	23740
Потребительские расходы на душу населения	2804	1868	2316	2714	3142	3014	3926	6483	8824	13039	10664	12132	14159	13178	16175	16349

II «реиндустриальный» этап модификации групповой и личностной идентичности в условиях быстрого экономического роста длился до 2004 года (вступления Эстонии в Евросоюз). Начиная с 1998 года в Эстонию пошли внешние инвестиции, привлечённые дешёвой и в то же время квалифицированной рабочей силой, дешёвой землёй (пост-приватизационной), дешёвыми банковскими кредитами и льготным налогообложением (с 2000 года снят налог на доход юридических лиц). В обществе складывался средний класс европейского типа и соответственная групповая идентичность. Распространённость ценностей среднего класса опережала потребительские возможности той группы населения, которую по уровню доходов, строго говоря, нельзя отнести

к среднему классу, но уверенность в завтрашнем дне и надежда на улучшение своего экономического положения стали важным фактором такой самоидентификации и у части малообеспеченного слоя.

Третий этап с 2004 по 2009 год — время, когда Эстонию называли «Балтийским тигром». В структуре общества реально преобладал средний класс. Безработицы, практически, не было. Наиболее квалифицированные специалисты воспользовались возможностями открытого рынка труда ЕС, а дефицит строительных рабочих и лиц для малоквалифицированной работы восполняли мигранты. Общеввропейский кризис 2009–2010-х годов сильно ударил по экономике Эстонии. В посткризисный период дальнейшей реиндустриализации не произошло. Исчезло главное преимущество Эстонии — дешёвая рабочая сила. Из таблицы 2.4.2 видна развивающаяся деиндустриализация эстонской экономики и превращение её в «экономику услуг».

Таблица 2.4.2

Изменения структуры экономики Эстонии, в %

Отрасль	Год			
	1990	2000	2010	2016
Сельское хозяйство	15,7	4,8	3,2	2,6
Промышленность	39,6	21,9	22,0	20,9
Строительство	7,2	5,9	5,9	6,0
Торговля	8,0	14,2	13,3	14,3
Транспорт	6,4	15,7	14,2	13,6
Услуги (в т. ч. ИТ)	23,1	37,5	41,3	42,6

IV этап (с 2011 по 2019 год) — период становления новой постиндустриальной экономики и, соответственно, изменения структуры общества. Городской средний класс уступает место ведущей социальной силы новому слою, который Ричард Флорида определяет как «креативный класс» [12] — люди, создающие материальные и интеллектуальные ценности на основе знаний, «работники умственного труда и технических специальностей, а также представители творческих профессий» [12, с. XVII]. Они становятся наиболее обеспеченной группой, с новым характером потребления и представлениями о жизнеустройстве.

В таблице 2.4.3 показана средняя зарплата по 14 отраслям в Таллине за август 2021 года [14].

Таблица 2.4.3

Средняя зарплата по отраслям в Таллине за август 2021 г.

Вид деятельности	Деятельность в шт		Число предприятий в секторе		Деятельность в SEK		Всего работников в секторе
	Ср. шт в секторе	Деятельность в шт	Число предприятий в секторе	Деятельность в SEK	Объем вложений в капитал, в €		
Ремесленные и торговые	1078	1812	1014	1524	4828712	4802	
Прочие общественные	1520	1096	1294	1141	14152626	4410	
Вид деятельности не определён	1374	1548	3	35	4112	81	
Дом. и вспомогательная деятельность	1471	1425	1488	3013	13523480	25889	
Одеж. и обувь, ремонт обуви, ремонт одежды	1471	1548	4886	8028	134628147	48418	
Гостиничный и складской бизнес	1516	1591	1442	1298	20212515	16423	
Образовательная деятельность	1526	1548	1764	1713	317088068	26910	
Воспитательная, культурная, развлекательная деятельность	1545	1548	52	45	208881525	852	
Деятельность в области здравоохранения	1554	1658	1322	4954	17173624	2810	
Ветеринария, ветеринария	1568	1548	533	1374	34534448	3126	
Деятельность в области культуры, искусства и спорта	1625	1426	2647	4511	278237948	15710	
Средства массовой информации	1780	1514	118	328	832025	57	
Сл. логистика, складской бизнес	1794	1614	481	588	8115348	1642	
Образование	1794	1575	58	58	191812	2652	
Общественное питание, общественное питание	1823	1623	3095	8719	140586528	1487	
Проф. спорт и спорт	1823	1623	363	213	24488072	16780	
Дорожные и транспортные услуги	1888	1548	505	1034	25038512	1862	
Финансы и страхование	2042	1548	42	42	17133624	171	
Службы связи, почта, телеграф, интернет, электронная почта	2151	1548	1913	6147	28833624	2116	
Итого			24986	48661	35513624	24986	

Самая высокая плата за труд — в отрасли ИТ, четвёртая по величине — в здравоохранении, пятая — в отрасли профессиональной научной деятельности. При общем количестве юридических лиц в ИТ-отрасли, подающих ежемесячную декларацию о выплатах, всего 6247. А предприятий с работниками — 1913. То есть 4334 юридических лица — это фирмы с работающим собственником (эстонское законодательство даёт возможность создания коммерческого товарищества с одним «товарищем»).

Фактически в отрасли ИТ преобладают фрилансеры.

Представители «креативного класса» (специалисты инфотехнологий и научной деятельности) отличаются от остальных категорий работников следующими характеристиками.

1. По характеру труда и отдыха. Фрилансерство исключает нормирование рабочего времени. Работа у них перемежается со временем отдыха в ненормируемых объёмах. Можно сказать, что работа составляет всё время кроме времени сна (если считать, что постоянное обучение и получение информации тоже работа). А можно — что досуг превалирует над работой. И то и другое утверждение спорно, поскольку не определены оба понятия в новой реальности.

2. *По характеру рабочего места.* Фрилансеры работают дома, в коворкингах, в кафе, на дачах, в загородных гостиницах и т. п.

Условия труда и отдыха определили новые требования к достаточности жилья. В работах автора [2] показано, что «креативный класс» не устраивает ни жильё в центрах городов, ни в спальных районах (достаточность которого соответствовала принципу двудомности — квартира + дача). Востребовано малоэтажное жильё с развитыми общественными пространствами, которое активно строится в Таллине на месте промзон среди городской застройки, или по принципу «рециклинга», когда вместо существующих зданий возводятся дома «критической архитектуры». Тоскливая архитектура второй половины XX века и нулевых годов заменяется «весёлой» архитектурой раскованных форм. Жильё сочетается с карнавализирующимися общественными пространствами, предполагающими в своей основе игровое начало. Характерен в этом смысле район «Ужупис» в Вильнюсе, расположенный на острове, где сконцентрированы мастерские художников, а в целом район имеет даже собственную «Конституцию».

Одновременно с перетоком части среднего класса в «креативный класс» происходит также переток значительной его части в малообеспеченный слой (типа «жёлтых жилетов» во Франции). Половина всех работников страны имеет заработную плату от 584 евро (установленная «минималка») до медианной, самый высокий уровень которой был во II квартале 2021 года и составлял (брутто) 1270 евро. Доход в этих пределах обеспечивает уровень относительной бедности.

Ричард Флорида приводит результаты исследований распределения населения по разным районам городов в отношении к медианной зарплате: районы проживания высокообеспеченных семей с доходом выше 150% от медианного дохода; районы населения с хорошим доходом 125–150% от медианного; районы, заселённые получателями дохода 100–125% от медианного; районы населения относительной бедности с доходом 80–100% от медианного; районы абсолютной бедности — 67–80% от медианного дохода [11, с. 316]. Во всех этих категориях медианная зарплата принята за 100%.

Применительно к Эстонии по расчётам автора структура населения городов относительно медианного дохода, принятого за 100%, показана в таблице 2.4.4.

Таблица 2.4.4

Структура городского населения относительно медианной зарплаты, 2020 г.

№ п/п	Наименование группы	Доход на члена семьи по отношению к медианной з/п, в %	Размер брутто-дохода на члена семьи в месяц, в €
1	Высокообеспеченные домохозяйства	> 150	> 2000
2	Хорошо обеспеченные домохозяйства	125–150	1500–2000
3	Живущие от зарплаты до зарплаты, не образуя капитала	80–125	1000–1500
4	Живущие в относительной бедности	60–80	600–1000
5	Живущие в абсолютной бедности (прекариат)	< 60	< 600

По мере развития постиндустриальной экономики происходит размывание групп населения, получающих оплату труда от 100 до 150% ме-

дианной величины, поскольку исчезают профессии свойственные среднему классу, но растёт число рабочих мест требующих невысокой квалификации. Британский социолог Пол Коллиер, показал, что в Англии с 1980 года нарастает разделение общества по двум признакам: пространственному и образовательному. Пространственное — различие между индустриальными и культурными центрами с высокой долей образованных людей. «Наши общества раскалывают глубокие трещины, — пишет он. — Они рожают в людях новые тревоги, гнев и возмущение и заряжают нашу политическую жизнь новыми страстями. На форму, которую принимают эти тревоги, оказывает влияние то, где живут люди и какое у них образование» [5, с. 11]. Одним из проявлений отмеченной Коллиером тревоги (и бунта) он считает голосование по «Брекситу».

Востребованы временные работники — приезжие на заработки согласные на минимально установленный уровень оплаты труда. Они же представляют собой «прекариат», по Стэндингу [9] «опасный класс» с негативной личностной и групповой идентификацией.

Массовая бедность приводит к росту безысходности и ресентимента. Совершенно неожиданно главным фактором самоидентификации становится культура в широком её понимании, включающем уровень образования, умения учиться, многосторонней креативности и толерантности.

Взаимоотношения между этими двумя группами общества только выстраиваются. Характер возникающих напряжений требует дальнейших исследований.

2.5. Личностная идентичность в фиджитал-пространстве

Современный человек социализируется в пространстве двух миров — фиджитал-мире ($physics + digital = phygital$) представляющем собой объединение двух реальностей: физической и виртуальной. Актуальным становится изучение особенностей личности, формирующихся под влиянием социальных факторов и последствий цифровизации для общества: причем речь идет не только о первичной социализации детей и подростков, но и о социализации взрослых (ресоциализации). В современном мире трансформируются содержательные характеристики идентичности человека. Вместо традиционных гендерных, возрастных, социальных ролей появляются новые образы и новые типы человеческой идентичности.

Гибридная реальность, по мнению Л.Н. Соловьевой, как пространство жизни индивида характеризуется сосуществованием реального и виртуального миров, нескончаемым потоком разнородной информации, поступающей из различных источников, множеством знаков, образов, гипертекстов, что обуславливает необходимость постоянного самоопределения в информационном потоке с целью удержания собственной целостности и субъективности [8]. Личностная идентичность как набор представлений о себе и отождествления себя с социальной группой, участвующей в символическом обмене, в условиях цифровизации изменяется в связи с возникновением новых условий и стратегий обретения идентичности: идентификация в виртуальном пространстве через виртуальную коммуникацию с сетевыми сообществами. Конева А.В., Лисенкова А.А. констатируют «изменение параметров идентификационных границ личности, которые становятся все более пластичными, мобильными, гибкими» [4, с. 15]. Идентичность, являющаяся важнейшим атрибутом человеческого и механизмом осознания себя, трансформируясь посредством виртуального пространства, приводит к новым формам идентификации — через цифровые образы, и к новым формам идентичности — цифровой [8].

В условиях тотальной цифровизации жизни, ускорившейся в том числе на фоне пандемии, происходит и ускоренная интернет-социализация, включающая в себя три процесса: виртуальная социализация, киберсоциализация, медиасоциализация [10]. Виртуальная социализация подразумевает перенос в виртуальную среду привычных социальных процессов: киберсоциализация — исследование технических средств, посредством которых осуществляется освоение новых норм, культуры и правил; медиасоциализация — получение социального опыта через медиарепрезентацию, не прибегая к социализирующему окружению.

Рассуждая о личностной идентичности, необходимо обратиться к обзору концепций, репрезентирующих в том или ином виде индивидов, которые по-разному адаптируются к новым условиям жизни в фиджитал-пространстве и обладают различными характеристиками.

Проблема личностной идентичности — комплексная, включающая в себя социальную, поколенческую, этническую, профессиональную идентичность. Особой формой идентичности можно считать цифровую идентичность.

Обратимся, прежде всего, к теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, выявивших закономерность смены поколений и отметивших, что

каждое новое поколение обладает отличительными, новыми качествами и имеет новые ценности и модели поведения по сравнению с представителями предыдущих поколений. Особый интерес вызывают у исследователей представители молодых поколений: поколения Y (миллениалы) — люди, родившиеся в 1983–2000 гг.; поколение Z (центениалы) — люди, родившиеся в 2000–2020 гг. Поколение центениалов, которые скоро массово выйдут на рынок труда, представляют собой людей, не видевших мир без высоких технологий, без Интернета. Основными чертами, присущими центениалам, называют следующие:

- высокая вовлеченность в мультимедийные технологии;
- нетерпеливость, связанная с технологиями, так как создается привычка получать все то, что необходимо, в краткий срок;
- ориентация на потребление и индивидуализм;
- высокая ценность честности и откровенности;
- самообразование через Интернет;
- многозадачность, благодаря которой центениалы быстрее обрабатывают информацию, а также способность совмещать несколько занятий одновременно;
- в обучении воспринимают только интересное для себя, игнорируя ненужные им знания;
- низкая концентрация внимания, связанная с другим механизмом функционирования памяти: чаще запоминается не сама информация, а путь, через который ее можно отыскать;
- восприятие информации: она воспринимается быстро, но более короткими порциями;
- гиперактивность, связанная с вышеперечисленными особенностями;
- аутизация, то есть погружение в себя, зачастую с целью защититься от проблем внешнего мира [5, с. 148–149].

Исследование мотивационных профилей центениалов показывает, что движущей силой для них является стремление к моментальному вознаграждению за проделанную работу, а также поддержка стабильной среды развития.

Австралийский ученый М. МакКриндл предложил детей, родившихся с 2010 по 2025 г., называть «поколение альфа». Первые дети альфа родились в том же году, когда Apple представила iPad. По сути, дети данного поколения представляют собой большой социальный эксперимент, поскольку является первой в истории группой, с детства

окруженной цифровым влиянием. Даже центениалы не сразу застали проникновение Интернета в повседневную жизнь, не говоря уже о социальных сетях. Дети же, родившиеся после 2010 года, изначально были погружены в цифровую среду. К двум годам они научились пользоваться планшетом, в шесть лет начали вести ютуб-каналы, пользоваться социальными сетями и потреблять цифровой контент [3]. Наиболее интересные наблюдения в отношении поколения альфа, с нашей точки зрения, делают маркетологи, поскольку им важно понимать, как адаптировать различные продукты и сервисы под новую аудиторию и каким образом находить с ней общий язык. Соответственно, они сделали следующие наблюдения относительно основных характеристик поколения альфа:

- социальные сети — это их образ жизни, а не развлечение, более рациональное времяпрепровождение в сети;
- растут в мире, где есть искусственный интеллект, «умные» ассистенты-игрушки и персональная пользовательская лента;
- потребление контента всех видов, при этом лучшее, чем у предшественников, распознавание поддельных новостей, рекламы;
- склонность к интерактивным обучающим программам и онлайн-обучению;
- любовь к абсурдному юмору и абстрактным мемам;
- крайне велико влияние блогеров [7].

Современным детям важно проявлять собственную индивидуальность, что они делают посредством постов в социальных сетях, фото в Instagram, видео в TikTok, блогов на YouTube. Они создают массу контента: 70% еженедельно делятся фото, 45% — видео, 40% — стримят себя.

Несколько иных терминов придерживается М.Пренски, в соответствии с концепцией которого в цифровом обществе существуют «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты». Цифровые аборигены (англ. *digitalnative*) — люди, родившиеся в цифровом обществе, и с момента своего рождения находящиеся под влиянием цифровых технологий. В противоположность им, цифровые иммигранты (англ. *digitalimmigrant*) — это люди, родившиеся до начала цифровой эпохи [2, с.28–30]. Созвучный цифровым аборигенам концепт ввел Д. Тапскотт — «N-Generation» (сетевое поколение), описывающий представителей поколения, окруженных цифровыми медиа, характеризую их как поколение «работников знания». «Нетизены» (от соединения

слов «net» и «citizen») — еще один термин для обозначения граждан Сети, лиц, ощущающих себя вне рамок какой-либо конкретной страны, находящихся в постоянном контакте с людьми, проживающими в других географических точках, посредством Интернета [1].

Терминологическое богатство новых типов идентичности дополнил Н. Постман, который ввел термины «кидалты» и «синглтоны». Кидалт (от англ. *kid* — ребенок и *adult* — взрослый) — модель поведения, получившая распространение в цифровую эпоху и характеризующаяся тем, что взрослый, экономически независимый и успешный в карьере человек, применяет детские практики и присваивает себе идентичность, актуальную для детей и подростков. Детские практики кидалтов связаны с досугом: компьютерные игры, мультфильмы, комиксы, игрушки. С нашей точки зрения, данную форму идентичности не следует связывать с социальным и психологическим инфантилизмом, а следует интерпретировать как модель новой взрослости, новых стилевых и эстетических предпочтений, где особое значение имеют детство, игра и креативность [6]. Неотъемлемой частью современной жизни, обеспечивающей двустороннюю коммуникативную среду и творческий выход для отдельных людей, являются гибридные формы работы, игработа и цифровой труд. Происходит трансформация игровых досуговых мероприятий в сторону более профессиональных характеристик, примером которых является личное вещание (видеоблоггинг, стриминг). К. Арчер в своем исследовании акцентирует внимание на влиятельности матерей-блоггеров, для которых ведение блогов стало игработой, а маркетологи решают вопросы по взаимодействию с этими влиятельными в социальных сетях лицами, которые все чаще рассматриваются как способные продавать продукты и идеи через свои блоги и аккаунты в различных социальных сетях [12].

Синглтон (от англ. *single* — один) — «одиночка», этот термин используется для обозначения образа жизни людей, отказывающихся сознательно от брака и семьи. Синглтоны — это индивидуалисты, которые активно работают над собственным удовольствием и благополучием. Как правило, они проживают в крупных городах, имеют хорошо оплачиваемую работу, зачастую заняты в творческих профессиях.

В работах Яковлевой Е.Л. и др. мы обнаружили еще один феномен личностной идентичности — электронное кочевничество — новая форма идентичности личности, получившая распространение в связи

с широким распространением электронных инфраструктур и постоянной погруженности в них [11]. Электронный кочевник — человек, привычной схемой жизнедеятельности которого является его включенность в виртуальное пространство. Основными атрибутами жизни электронного кочевника становятся Сеть и доступ к ней, а также набор мобильных электронных устройств (компьютеров, мобильных телефонов, магнитных карточек), жизнь без которых оказывается практически невозможной. Кочевник осуществляет свою трудовую деятельность, коммуницирует с себе подобными, проводит свободное время, черпает информацию, постоянно живя в электронном мире. Электронный кочевник подобен древнему кочевнику и настроен на покорение пространств как реальных, так и виртуальных, постоянно находя для себя в них очередные приключения.

Обращаясь к еще одной форме идентичности — цифровой, следует признать ее как единство цифрового компонента виртуальной личности (цифровой образ, цифровой профиль, цифровой след, цифровое имя и т. д.) и реального компонента, проявленного в биопсихосоциальной личности. Постепенно происходит слияние данных компонентов и стирается грань между реальностью и виртуальностью. Существует точка зрения, что стремительно модернизирующийся мир приводит к кризису идентичности индивида. Общество не готово к особенностям современной коммуникации, когда происходит размывание границ публичного и частного; когда любое онлайн-высказывание может стать резонансным событием, влияющим на репутацию человека. Мы можем сделать вывод о том, что назрела необходимость выработки механизмов как социальной регуляции подобных коммуникаций, так и индивидуальной адаптации человека к особенностям существования в фиджитал-пространстве.

2.6. Национальная РКЦ как культурно-цивилизационная доминанта для коренного населения Австрии

При обращении к проблематике, связанной с религиозной принадлежностью коренного населения стран зарубежной Европы, выявляются, как правило, следующие особенности. С одной стороны, в традиционно христианском обществе явно прослеживается существенное влияние секулярных тенденций. Национальные католические и про-

тестантские Церкви теряют в численности своих адептов, резко сокращается количество участников в религиозных таинствах, сопровождающих основные обряды жизненного цикла — рождение, брак, смерть крещением, венчанием, отпеванием соответственно [2, с. 98]. Кроме того, «демократизация религиозной сферы» [1, с. 154] в ряде стран привела к принятию на официальном уровне некоторыми национальными Церквями Европы несовместимых с христианской вероучительной доктриной этических положений, что также повлекло массовые выходы их рядов. Трансформируется и правовое положение религиозных институтов. Хотя многие социально значимые функции в большинстве стран за национальными Церквями сохраняются (легитимность церковного брака, преподавание Закона Божия в школах и т. д.), наметилась тенденция к утрате статуса государственной Церкви, коснувшаяся за годы XXI в. Евангелическо-Лютеранских Церквей Швеции и Норвегии.

Фиксируются и активно обсуждаются специалистами трансформация самой религиозной структуры населения европейских стран, основной причиной которой стал миграционный приток из государств, представители которых придерживаются традиционных ценностей ислама [3, с. 173; 4, с. 231].

Одновременно с этим, все же на текущий момент значительная часть коренного населения Европы сохраняет членство в национальной христианской Церкви, а также связь с ее материальной и духовной культурой.

Особенно это касается стран, где христианство укоренилось как цивилизационно образующая религия много веков назад. К таковым относится Австрия, на современной территории которой первые христиане — носители римского католического обряда появились во II в. С ними стали открываться церковные приходы с храмовыми зданиями в центре. Когда их число достигло довольно высокой степени концентрации по причине того, что католичество принимало все большее количество населения, возникла необходимость оформления церковно-административного деления.

Очертания первых епархий — церковно-административных единиц регионального уровня, возглавляемых епископами, стали оформляться в стране IV–V вв. Диффузия ценностей христианства, ставших цивилизационно образующими для населения Австрии, в ранний период была связана со старейшими епископскими кафедрами в таких

городах-центрах, как Вирин (Цолльфельд), Теурния (Санкт Петер им Хольц), Агунт (Линц), Курия (Хур), Лауриак (Лорх).

Распространение ценностей католичества среди населения австрийских земель и, соответственно, процесс формирования территориально-организационной основы католичества, состоящей из региональных структурных элементов этой конфессии, впервые были прерваны в X в. по причине венгерского нашествия. В ходе дальнейшего развития исторических событий Римско-католическая Церковь Австрии (РКЦА) неоднократно возвращала себе позиции доминирующего религиозного института, преодолев последствия попытки внедрения идей протестантизма среди населения в XVI–XVII вв., трансформацию религиозно-государственных отношений в 1848–1849 гг., преследования со стороны национал-социалистов в 1938–1945 гг. Т. е. РКЦА — неотъемлемая, очень устойчивая часть цивилизационной культуры коренного населения Австрии, выступающая в таковом качестве и на сегодняшний день.

На законодательном уровне всем жителям рассматриваемого государства предоставляется право публично или в частном порядке свободно практиковать любое религиозное вероучение, демонстрировать принадлежность религиозным организациям до тех пор, пока их вероисповедание непротиворечит общественным законам.

Австрийская Конституция закрепляет за всеми зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями правовую возможность самостоятельно управлять своим внутренними делами. Как и в большинстве стран Европы, Церковь отделена от государства и формально австрийцы могут не идентифицировать себя с ней. Но среди религиозных организаций именно РКЦА имеет самые глубокие исторические корни, сплошное распространение по территории государства и ассоциируется с культурой его коренного населения.

Структурно она подразделяется на 9 епископств, совпадающих по площади территории с одноименными федеральными землями Австрии. На текущий момент чуть более половины населения страны (56%) формально принадлежат РКЦА. Правда, следует отметить, что последние годы характеризуются отрицательной динамикой численности адептов католичества и ведущий религиозный институт страны теряет в среднем около 1,5% своих последователей в год (рисунок 2.6.1).

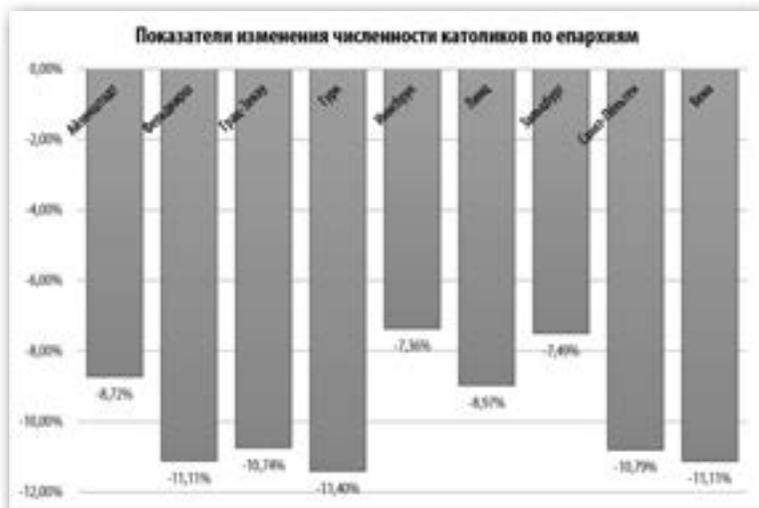

Рисунок 2.6.1. Изменение численности adeptов РКЦА по епископиям (2009–2019 г.)⁴¹

Больше всего за рассматриваемый период сократилось число католиков в епархиях с центрами в Вене, Фельдкирше, Гурке, но потери последователей характерны для каждой из них.

Данные, которые позволяют более или менее объективно судить о роли РКЦА в жизни населения Австрии, касаются степени участия ее представителей в религиозной жизни. Основные из них отражены в таблице 2.6.1.

Таблица 2.6.1

РКЦА, основные статистические показатели, 2019 г.

	Крещения	Венчания	Принятия в общину	Конфирмации	Выходы	Отпевания
Айзенштадт	1 559	395	7	1 495	149	2 534
Фельдкирш	2 354	517	18	1 613	3 317	2 205

⁴¹ Kirchliche Statistik der Diözesen Österreichs 2009–2019 (Церковная статистика епархий Австрии 2009–2019). — URL: <https://www.katholisch.at/statistik> (дата обращения 24.09.2021).

	Крещения	Венчания	Принятия в общину	Конфир- мации	Выходы	Отпевания
Грац-Зекау	7 376	1 742	48	7 841	11 617	8 242
Гурк	2 926	778	16	2 951	5 815	3 703
Иннсбрук	3 751	870	11	3 135	4 313	3 532
Линц	9 568	2 022	38	8 555	11 097	9 699
Зальцбург	4 697	1 189	30	431	5 405	409
Санкт-Пёльтен	4 475	911	32	449	5 542	531
Вена	8 201	1 388	75	8 201	19 198	12 019
Всего	44 977	9 842	275	42 861	67 794	51 334

Получается, что несмотря на секулярные тенденции, подтвержденные тем фактом, что количество покидающих РКЦА не покрывается числом принятых в католическую общину через крещение или зачисление в нее, причем, по всем епархиям, приверженность религиозным традициям, по крайней мере, формальная, среди населения Австрии остается довольно высокой. Это проявляется в количественных показателях, связанных с крещениями, конфирмациями, венчаниями и выбором совершения погребальных католических обрядов для умерших родственников и близких австрийцами.

Значимость РКЦА в жизни населения Австрии находит проявления и в реализации социальной ответственности, активно осуществляемой этой религиозной организацией. На территории всех 9 католических епархий и, соответственно, на церковных приходах страны активно действует наднациональная католическая организация «Caritas». Основные направления ее деятельности — оказание материальной, консультативной, духовной и иных видов помощи социально незащищенным слоям населения. Причем, позиционируется, что обратиться за ее получением могут лица любого вероисповедания или религиозно индифферентные люди. На католических приходах регулярно организуются семейные, образовательные, культурно-познавательные мероприятия, в том числе, направленные на адаптацию мигрантов. Т. е. РКЦА во многом выступает в качестве организации, консолидирующей население вокруг своих центров.

Католическая материальная и духовная культура в виде храмов, монастырей, а также совершаемых в них богослужений и церковных таинств на современном этапе развития общества сопровождает его существование и функционирование, а также выступает в качестве неотъемлемой части жизни коренного населения Австрии.

ЛИТЕРАТУРА

П. 2.1

1. Бирюков А.В. Международные научно-технологические отношения в цифровую эпоху. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 224 с.
2. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Т.В. Зонова. — М.: РОССПЭН, 2003. — 336 с.
3. Ильин Г.Л. Инновации в образовании. — М.: Прометей, 2015. — 426 с.
4. Крынжина М.Д. Возможности научной дипломатии в условиях санкций: опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970–1980-е гг. // Социология науки и технологий. — 2020. — 3. — С. 59–73.
5. Райнхардт Р.О. Настольная книга исследователя дипломатии // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — С. 119–122.
6. Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики // Человеческий капитал. — 2017. — С. 28–33.
7. Hotez P. Preventing the next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science / Peter Hotez. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021. — 208 p.

П. 2.2

1. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. — 2019. — 368 с.
2. Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. — М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. — 576 с.
4. Зазаева Н.Б., Федюнина С.М., Морохова Е.И., Паничкина Г.Г., Федорова А.В., Хорольцева Е. Б. Управление коммуникациями в эпоху цифровизации. — Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2020. — 202 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. — М.: КомКнига, 2006. — 232 с.
6. Морен Э.О. Сложности. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. — 284 с.
7. Нив Г. Организация как система: Принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 370 с.

8. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. — М.: Прогресс, 2003. — 432с.

9. Руднев В. Новая модель реальности. — М.: Издат. Дом Высшей школы экономики, 2016. — 224 с.

10. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М.: Издат. Дом ЯСК, 2016. — 440 с.

11. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — М.: Азбука-Аттикус, 2016. — 736 с.

12. Федорова А.В. Основы деловой и публичной коммуникации. — М.: КноРус, 2021. — 220 с.

13. Фролова С.М. Институционализация и рискогенность повседневной жизни общества / под ред. В.Б. Устьянцева. — Саратов: Издательство «Научная книга», 2013. — 161 с.

14. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. — М.: Издат. Дом ЯСК, 2017. — 448 с.

15. Янсен Ф. Эпоха инноваций. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 308 с.

П. 2.3

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — 188 с.

2. Беляев Д. «Вакцинный национализм»: почему из-за него пандемия может затянуться // ТАСС. — 2020, 27 августа. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/9293471>.

3. Вейднер Ш. Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусным кризисом и «войной с террором» / Ш. Вейднер // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2021. — № 2 (136). — С. 166–194.

4. Лукин Р.Н. Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса // Аналитическая записка № 10 (193). Института Европы РАН. — 2020. — 6 с.

5. Максимова М. «Жизнь после карантина»: как коронавирус изменил наше поведение и привычки // РБК Тренды. — 2020, 26 сентября. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5eecd7b9a7947d6ff7c558>.

6. Москалькова Т.В. Пандемия возросло число людей с нарушениями психического здоровья // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. — 2021, 22 октября. — URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/tatjana_moskalkova:_v_pandemiju_vozroslo_chislo_ljudej_s_narushenijami_psihicheskogo_zdorovja.

7. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур и др. — Пермь: Пермский государственный университет, 2012. — 250 с.

8. Эпштейн М. Интровертная глобализация // Сноб. — 2020, 30 марта. — URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/166008/>.

9. Verduyn P., Gugushvili N., Massar K., Täht K., Kross E. Social Comparison on Social Networking Sites // Current Opinion in Psychology. — December 2020. — P. 32–37.

10. Wells G., Horwitz J., Seetharaman D. Facebook Knows Instagram Is Toxic for Teen Girls, Company Documents Show // The Wall Street Journal. — September 14, 2021. — URL: https://www.wsj.com/articles/facebook-knows-instagram-is-toxic-for-teen-girls-company-documents-show-11631620739?mod=search_trending_now_article_pos1.

П. 2.4

1. Андерсон П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. — М: Территория будущего, 2011. — 168 с.

2. Вайнгорт В.Л. Новое культурное зонирование городской среды в Эстонии вследствие трансформации структуры постиндустриального общества // Журнал фронтальных исследований. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С 170–195.

3. Валовый внутренний продукт Эстонии, 1990–2019 / Институт экономики и права Ивана Кушнера. — URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/ee.html> (дата обращения: 24.11.2021).

4. Данилова Е.Н. Специфика самоидентификации и социального самочувствия городского среднего класса / Е.Н. Данилова, О.А. Оберемко // Средний класс в современной России. — М.: 2008. — С. 32–46.

5. Коллиер П. Будущее капитализма. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. — 376 с.

6. Конечные потребительские расходы Эстонии, 1990–2019 / Институт экономики и права Ивана Кушнера. — URL: https://be5.biz/makroekonomika/consumption_expenditure/ee.html (дата обращения: 24.11.2021).

7. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 432 с.

8. Пископель А.А. Конструктивный смысл понятия идентичности с точки зрения категорий «естественное» и «искусственное» // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 21. — М.: Наследие ММК, 2016. — С. 74–111.

9. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем, 2014. — 328 с.

10. Устинов О.А. СМД-методология Г. П. Щедровицкого и советская философско-антропологическая мысль 60–80-х годов XX века // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». — 2017. — № 1. — С. 150–162.

11. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. — М.: Классика-XXI, 2012. — 240 с.

12. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида. — М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2016. — 384 с.

13. Шедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание / Избранные труды. — М.: Шк. культ. пол., 1995. — 281 с.

14. Ettevõtluse statistika kohalike omavalitsuste kaupa / EMTA. — URL: <https://emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/ettevotluse-statistika-kohalike-omavalitsuste-kaupa> (дата обращения: 24.11.2021).

П. 2.5

1. Васецкий А.А., Малькевич А.А. «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. — 2011. — № 11. — С. 43–48.

2. Киселева Л.С., Семёнова А.А. Цифровое общество: словарь-справочник. — М.: Проспект, 2021. — 147 с.

3. Киселева Л.С. Детский маркетинг: коммуникационные технологии для эффективного продвижения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 11.

4. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — С. 14–28. — DOI: 10.17223/22220836/35/2.

5. Котомина О.В., Мерзлых Ю.Г. Особенности стимулирования работников поколения Z: результаты эмпирического исследования // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2017. — № 3. — С. 144–157.

6. Маковецкая Е.Н. Философия новой идентичности: от кидалтов до синглтонов // Современная наука: актуальные проблемы науки и практики. Серия: Познание. — 2018. — № 5. — С. 137–140.

7. Поколение «альфа»: как маркетологам общаться с детьми будущего. — URL: <https://vc.ru/marketing/131859-pokolenie-alfa-kak-marketologam-obshchatsya-s-detmi-budushchego> (дата обращения 29.11.2021).

8. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. — 2020. — № 12. — С.53–56.

9. Труфанова Е.О. Идентичность личности в цифровую эпоху: утрата приватности, границы приватности // StudiaCulturae. — Вып.3 (45): Коммуникация и идентификация в эпоху постреальности. — С.59–68.

10. Фокина Е.С. Социализация молодежи в условиях деятельности социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 10. — С. 92–94.

11. Яковлева Е.Л., Селиверстова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и права. — 2017. — Т.11. — № 4. — С. 226–241.

12. Archer C. Social media influencers, post-feminism and neoliberalism: How mum bloggers' "playbour" is reshaping public relation // *Public Relation Inquiry*. — 2019. — Vol.8. — Issue 2. — DOI: <https://doi.org/10.1177/2046147X19846530>.

П. 2.6

1. Артюхов М.Н. Либеральные ценности шведского христианства / М.Н. Артюхов // *Наука. Искусство. Культура*. — 2018. — № 2. (18) — С. 152–158.

2. Балабейкина О.А. Экономическая деятельность ведущих религиозных организаций Эстонии / О.А. Балабейкина, В.Л. Мартынов, А.А. Янковская // *Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки* — 2020. — № 4. — С.96–111.

3. Пронина В.А. Распространение ислама и мусульманских общин в странах Северной Европы: изучение вопроса в отечественной историографии // *Гуманитарная наука в Политехническом университете*. — СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021. — С. 172–179.

4. Эйдемиллер К.Ю. Исламская диффузия в странах Северной Европы: процессы миграции и исламской революции / К.Ю. Эйдемиллер // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*. — 2018. — № 20. (25) — С. 231–244.

3.1. Перспективы глобального лидерства Европейского союза в управлении миграцией

На сегодняшний день проблема регулирования миграции стоит на повестке дня Европейского союза, наряду с экономическими вопросами, климатической повесткой и развитием космической отрасли.

В мире продолжают обостряться старые и возникать новые конфликты, неизбежно влекущие за собой новые перемещения людей, стремящихся к берегам ЕС. Несмотря на снижение миграционных потоков на 90% по сравнению с годами миграционного кризиса в Европе (2015–2016 годы), ищущие убежища прибывают из Афганистана, через границу между Польшей и Белоруссией, а также из Северной и Центральной Африки.

В рамках глобального управления Европейский Союз активно взаимодействует с Международной организацией по миграции — с 2015 по 2019 годы было реализовано совместных 535 проектов по всему миру на сумму 1,88 миллиарда евро [11]. Кроме того, МОМ каждые полгода выпускает рекомендации для страны-председателя в Европейском Совете, где отмечает приоритетные направления в области регулирования миграцией и вызовы, которые ЕС должен преодолеть.

Важной вехой в истории участия ЕС в глобальном управлении миграцией стал Валлеттский саммит по миграции (11–12 ноября 2015 года), который стал исторической платформой для того, чтобы африканские и европейские лидеры договорились о совместном подходе и конкретных действиях по укреплению своего сотрудничества в области миграции [14].

В декабре 2016 года ЕС и МОМ приняли Совместную инициативу по защите и реинтеграции мигрантов (при финансировании чрезвычайного Целевого фонда ЕС для Африки). Благодаря ей ЕС оказывает помощь мигрантам в возвращении в страны происхождения на основе комплексного подхода к реинтеграции, который поддерживает как мигрантов, так и их общины, вносит вклад в местное развитие и смягчает некоторые факторы нерегулярной миграции. Совместная иници-

циатива ЕС-МОМ охватывает 26 африканских стран в районе Сахеля и озера Чад, на Африканском Роге и в Северной Африке [3].

Важность сотрудничества с МОМ и с УВКБ ООН в области управления миграционными потоками отражена в последних заключениях Европейского Совета (24–25 июня 2021 года), что демонстрирует приверженность ЕС более активному участию в глобальном управлении миграцией. Достичь этого предполагается с помощью применения комплексного подхода, способствующего устранению коренных причин миграции, одновременно оказывая поддержку беженцам и перемещенным лицам в регионе. Основные задачи ЕС на пути к достижению этой цели: искоренение торговли людьми, усиление пограничного контроля, сотрудничество в области поиска и спасения мигрантов, решение проблемы легальной миграции, а также обеспечение добровольного возвращения и реадмиссии [5].

Взаимодействие ЕС с глобальными институтами по вопросу управления миграцией очевидно, однако возникает вопрос: ЕС позиционирует себя как одного из ключевых игроков в глобальном управлении миграцией, но готовы ли государства-члены Союза принять на себя роль глобального лидера?

Задел для этого был сделан в 2018 году при принятии Глобальных договоров ООН о беженцах и о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. В целом позиция по Глобальному договору ООН о беженцах оказалась согласованной — резко против из государств-членов ЕС выступила только Венгрия.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции вызвал намного больше разногласий и стал предметом внутриполитических дебатов в государствах-членах ЕС, в том числе Германии, Эстонии, Хорватии, Нидерландах, Словении, Бельгии и Италии [1, с. 87]. Представители Еврокомиссии, которые входили в состав делегации ЕС при ООН в период голосования по обоим документам, выразили свою поддержку Глобальному договору о миграции, однако во время принятия документа ЕС не удалось выступить с единых позиций: подписали его 19 из 28 стран, пять из которых (Дания, Литва, Нидерланды, Мальта и Великобритания) подчеркнули в своих меморандумах необязательный правовой характер договора [7]. Еще пять стран (Австрия, Болгария, Италия, Латвия, Румыния) — воздержались, а три члена Вишеградской группы — Чехия, Польша и Венгрия — проголосовали против. Словакия отказалась принять участие в голосовании.

Негативная реакция правительств и министерств внутренних дел ряда стран ЕС по отношению к Глобальному договору о миграции вызвала сожаление Европейской комиссии, которая активно призвала другие страны мира к его принятию и соблюдению. Для нее отказ стран от подписания Глобального договора о миграции обернулся не только репутационными потерями в качестве объединения, неукоснительно соблюдающего международные правила приема и интеграции просителей убежища, но и выявил глубокие политические разногласия внутри Союза и обострил так называемый «кризис солидарности» в вопросах миграционной политики, который впервые встал на повестку дня в период пика миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 годов [2, с. 2]. Представители ООН со своей стороны также выразили недовольство таким поворотом событий, например, специальный представитель ООН по международной миграции Луиза Арбур заявила, что такая позиция «очень плохо отразится на тех, кто участвовал в переговорах, и очень обидно наблюдать это уже после того, как основной текст соглашения был согласован» [13].

Большую роль в неприятии политическими элитами ряда стран Глобального договора о миграции сыграла антииммиграционная повестка дня праворадикальных и праворадикальных партий (в Италии, Испании, Венгрии, Германии, Австрии, Франции) в ходе предвыборной кампании в Европарламент в мае 2019 года, которая затронула и период подготовки к подписанию Глобального договора о миграции [2, с. 2]. По мнению ряда экспертов, наличие данных противоречий и отсутствие желания стран-членов ЕС поступиться национальными интересами в угоду консенсусу ослабили роль ЕС в управлении международной миграцией [6]. Кроме того, отсутствие единства среди стран ЕС не только нарушило «принцип единства в международном представительстве Союза», но и ослабило переговорную мощь и авторитет ЕС на международной арене в области миграции [9].

Пакт ЕС о миграции и убежище: внутренние противоречия

Председатели Еврокомиссии неоднократно заявляли о стремлении сделать из ЕС глобального лидера в области управления миграцией и выстраивании «европейской миграционной системы», в том числе в ежегодных посланиях «О положении Союза» — выступлениями председателя Европейской комиссии перед Европарламентом [17]. Для этого, по мнению председателей Еврокомиссии, необходимо выстра-

ивание комплексной системы управления миграцией и проведение миграционной реформы и реформы общеевропейской системы предоставления убежища [17].

Начиная с 2015 года (пика миграционного кризиса), в речах глав Еврокомиссии можно отметить постоянное упоминание проблемы регулирования миграции в ЕС, она обозначена как «вызов для Европы» [16]. Одновременно, если послание экс-председателя Жан-Клода Юнкера 2015 года подразумевает, что «ЕС не может принять всех желающих», и содержит общие призывы к объединению государств и уважению прав ищущих убежища, то в дальнейшем появляются четкие инициативы ЕС в области регулирования миграции и методы их реализации: комплексные политические документы (Европейская повестка дня в области миграции в 2015 году), политические договоренности («сделка» с Турцией в 2016 году), финансовые (создание чрезвычайного целевого Фонда для Африки в 2017 году), структурные (укрепление Европейской службы пограничной и береговой охраны и Европейского офиса по предоставлению убежища), законодательные (продвижение проекта Пакта о миграции и убежище, в 2020 и 2021 годах) [15].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно проанализировать, что было сделано ЕС на практике для того, чтобы осуществить реформу системы предоставления убежища и выстроить эффективную политику по управлению миграционными потоками. В частности, в 2019 году была осуществлена реформа Европейской службы пограничной и береговой охраны (Фронтекс), в рамках которой штат агентства должен быть увеличен к 2027 году до 10 тысяч человек,⁴² и расширен мандат для оказания помощи государствам-членам в возвращении граждан государств, не являющихся членами ЕС. Новые правила предусматривают еще большее сотрудничество с соседними с ЕС странами и открытие в них дополнительных офисов агентства в период проведения операций (с согласия третьей страны, на территории которой должен располагаться офис). Фронтекс теперь также сможет проводить совместные операции по возвращению нелегальных мигрантов с североафриканскими и другими государствами, не являющимися членами ЕС, а не только с ближайшими соседями ЕС. Однако операции по возвращению из государств, не являющихся

⁴² Первоначально планировалось расширение состава агентства до 10 тыс. человек к 2020 году, затем срок был продлен до 2027 года.

членами ЕС, в государства, не являющиеся членами ЕС, не будут входить в мандат агентства по требованию Европейского парламента.

Относительно реформы общеевропейской системы убежища все гораздо сложнее: в сентябре 2020 года Еврокомиссия представила проект Пакта о миграции и убежище, который включает ряд законодательных инициатив, основным из которых является новый Регламент об управлении миграцией и убежищем. Его целью является реформа Дублинского регламента посредством объединения позиций государств ЕС относительно приема и распределения ищущих убежища.

Однако пока единодушного согласия Регламент не получил. На данный момент Еврокомиссия пытается найти компромисс между позициями средиземноморских стран (Италией, Испанией, Грецией, Мальтой, Кипром), принимающих большинство нелегальных мигрантов, и странами Вишеградской группы, не желающими их принимать, пойдя на уступки последним и допустив отказ от физического принятия мигрантов на территории стран в обмен на финансовую поддержку.

В рамках Пакта также была предложена система дополнительных предварительных проверок мигрантов на границах, чтобы изначально отсеять тех, кто не имеет права на убежище еще до того, как они попадут на территорию Союза. Как будет реализован этот механизм пока не ясно, но против него уже выступают средиземноморские страны и организации по защите прав человека. Страны считают, что это создаст дополнительное финансовое бремя и увеличит срок рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, а НПО — что это лишит просителей убежища права на его подачу.

Единственным успехом в направлении реформы системы предоставления убежища можно считать принятие в конце 2021 года политического решения о создании на основе Европейского офиса по предоставлению убежища соответствующего агентства. Данное преобразование стало единственной из законодательных инициатив, получившей принципиальное одобрение Совета ЕС, что завершило серию дебатов, продолжавшихся с 2016 года.

Кризис в Афганистане как проверка на прочность миграционной политики ЕС

Европейский Союз продемонстрировал попытку выступить в роли мирового лидера в вопросе принятия и переселения лиц, ищущих убежища, бежавших из Афганистана после захвата власти

в стране движением «Талибан». По данным Генерального секретаря ООН, в Афганистане по меньшей мере 18 миллионов человек — почти половина населения страны — остро нуждаются в гуманитарной помощи [10]. Для принятия мигрантов в ЕС потребуются создание специальной общеевропейской схемы переселения афганцев из соседних государств, к чему призвали Международный комитет спасения и 24 другие НПО [12].

В октябре 2021 года Европейская комиссия созвала специальный «Форум по переселению» с участием мировых лидеров, в том числе США и Канады, для обсуждения методов защиты мигрантов-афганцев [8]. ООН предложила ЕС в течении пяти лет принять у себя почти половину ищущих убежища из Афганистана (более 40 тысяч), однако конкретных обязательств ЕС на себя не взял, как и не выдвинул предложений о внесении своего вклада в принятие лиц, ищущих убежище [4].

В данном случае наднациональный исполнительный орган ЕС взял на себя инициативу, но в дальнейшем ответственность за прием мигрантов ляжет на правительства государств-членов Союза. Однако пока о готовности принимать ограниченное число ищущих убежища заявили только четыре страны (Италия, Финляндия, Португалия и Люксембург) и то по линии гуманитарной помощи и воссоединения семей. Многие страны ЕС, включая Вишеградскую четверку, сразу же отказались, а часть затягивают создание гуманитарных коридоров и ускоренную выдачу виз афганцам.

Таким образом, ЕС фактически никак не подготовился к возможному росту потоков ищущих убежище из Афганистана, надеясь, что эта «волна» пройдет мимо и большинство бежавших из страны останутся в соседнем Пакистане. Так, во время «Форума по переселению» Еврокомиссия предложила поддержать прием ищущих убежища в странах, имеющих границу с Афганистаном. Это в целом подтверждает стремление ЕС перейти на аутсорсинг миграционной политики — пытаться решить проблему еще до того, как она дойдет до территории Союза, желательно усилиями и на территории других стран. Проблема заключается в том, что никто из стран-партнеров ЕС на такое не согласился по понятным причинам.

В заключение можно отметить, что Еврокомиссия предпринимает усилия по поддержке глобального управления миграцией, но разногласия между государствами-членами, как глобальные (неподписание

рядом стран Глобального договора о миграции), так и внутренние (отсутствие консенсуса по инициативам в рамках Пакта ЕС о миграции и убежище), отсутствие эффективного инструмента давления на них и, как следствие, прорывных результатов в вопросах управления миграцией и убежищем приводят к тому, что их пока недостаточно для формирования образа Евросоюза как лидера в данной области.

В целом позиции стран-членов ЕС как в отношении ликвидации последствий миграционного кризиса, так и применительно к грядущим миграционным волнам (например, из Афганистана) не меняются — государства не готовы принимать на себя очередные многолетние обязательства по расселению мигрантов при отсутствии эффективного механизма переселения уже находящихся внутри ЕС ищущих убежища. Основное бремя по приему ложится на страны Южной Европы, которые и так принимали мигрантов.

Выстраиванию глобального лидерства Европейского союза в области миграции не способствует и отсутствие консенсуса государств относительно реформы миграции и убежища и принятия Пакта о миграции и убежище. В данной области достигнут лишь ограниченный прогресс — к концу 2021 года принято лишь политическое решение о создании Европейского агентства по предоставлению убежища на базе уже существующего офиса, по остальным же законодательным инициативам пока нет согласия между государствами-членами Европейского союза: продолжаются дискуссии о том, стоит ли принимать их комплексно или по отдельности для ускорения проведения миграционной реформы.

3.2. Миграционные процессы в Европе и России

Миграционные процессы сыграли ключевую роль в истории мира. Благодаря данным изменениям сложились современные сформированные структуры в плане языкового, культурного и национального образования.

Более того, благодаря миграции сложились современные государства, ведь крупные миграции были по своей сути крупным военно-политическим феноменом, игроком, с которым было необходимо считаться в процессе различных видов деятельности. Современные миграционные потоки также имеют серьезное влияние на экономическую и политическую ситуацию.

При этом, следует понимать, что миграционные процессы Европы и России значительным образом отличаются друг от друга, необходимо выделить ряд ключевых факторов, которые влияют на ситуацию.

1. Экономико-социальный потенциал: Россия принадлежит к числу развивающихся стран, соответственно, регион менее привлекателен, чем такие «локомотивы Европы», как Германия и Франция.

2. Географическое положение: в рамках миграции по направлению «Юг-Север» Россия менее всего похожа ситуативно на привычную для «южан» в плане климатических условий страну, что в совокупности с первым фактором делает её менее привлекательной для миграции из стран Ближнего Востока.

3. Сформированная политико-правовая миграционная стратегия в Европе и отсутствие строгой системы законодательства в данной сфере в РФ.

Соответственно, необходимо проанализировать современную российскую миграционную ситуацию и выработать ряд рекомендаций, которые основаны на зарубежном опыте. Это и будет *целью* данного параграфа.

Специалисты, изучающие проблемы миграции, говорят также о перспективах современной России в плане изменения миграционного климата, отмечая следующую закономерность. *Повторение России паттерна Европы*, но с временным лагом около 30–40 лет. 1960-е годы были озаглавлены тем, что начался стремительный миграционный приток из постколониальных стран [6].

Россия же после распада СССР переживает схожую ситуацию. Итак, в качестве доказательства данного тезиса, можно привести официальную статистику, где за 2019 год в РФ прибыло 617 997 человек из стран СНГ, в 2018 году 565 685 человек [1].

По мнению Дмитрия Опарина, Ольги Кульковой, современная миграционная политика по своей структуре напоминает тот процесс, который происходил в Европе 1970-х годов, так как ориентация идет на регулирование въезда и выезда мигрантов.

При этом, ситуация интересна и тем, что сегодня появляется второе поколение, которое лучше ассимилировано в обществе, имеет более широкую социализацию, так как с рождения встроены в российские социальные институты. Более того, похожи факторы законодательства, когда люди из бывших союзных республик, как и представители бывших колониальных стран, по упрощенной процедуре имеют возможность получить гражданство [5].

Исследование данного фактора позволяет нам использовать опыт Европы и формировать собственную политику в данном направлении, ориентируясь на опыт Европы и современные тренды в сфере миграционного регулирования, интеграции представителей других культур в национальное сообщество [2, с. 44].

Существует несколько направлений такого рода деятельности. Их достаточно уместно описать таким образом: политико-правовая, социально-экономическая и культурно-религиозная составляющие. Именно они и формируют совокупность сфер, в которых можно выделить тренды, уместные для РФ.

Политико-правовая составляющая [4]

1. Устойчивое правовое положение иностранцев и упрощение получения гражданства, особенно в части тех людей, которые по различным причинам уехали из СССР или России (то же должно относиться и к их потомкам, желающим получить российское гражданство). Совершенная аналогия с выходцами из Алжира во Франции, так как достаточно большая часть населения представляла собой французов, отправившихся покорять данную землю для получения прибыли и выгод, но была вынуждена задержаться после деколонизации региона.

2. Формирование политики антидискриминационного характера на практике. Нарушения прав в отношении национальных или этнических меньшинств должны жестко пресекаться со стороны омбудсменов или иной правозащитной структуры, которая работала с выходцами из разных стран. Желательно, чтобы у каждой страны было свое представительство такого рода при посольстве в РФ.

Социально-экономическая сфера

1. Адаптация системы образования. Система адаптации граждан, прибывающих в РФ, должна включать в себя в первую очередь обучение языку. Именно поэтому, специалисты, которые работают на уровне «русский язык как иностранный» должны быть представлены в специальных государственных учреждениях для того, чтобы включить иностранцев в систему российских СМИ для лучшей адаптации в обществе, что позволит сформировать особую систему координат.

2. Предложения правительства по трудоустройству иностранных граждан, так как процесс адаптации к новым реалиям важен в первую

очередь через трудовую деятельность. Например, для Европейского союза ключевым приоритетом в сфере интеграции является улучшение положения иммигрантов на рынке труда. Данная система может предлагать в России образование в тех отраслях производства, в которых сегодня не хватает рабочих рук. Если иммигранты получают средне-специальное образование и документ, подтверждающий данное образование, то смогут заполнить трудовые пустоты, которые сегодня наблюдаются в РФ.

3. Политика жилищного характера. Формирование системы общежитий для иммигрантов, что позволит решить проблему существования недобросовестных арендодателей. При этом, такая система общежитий не должна способствовать появлению так называемых гетто, в которых образуются общины с криминогенным потенциалом.

Следующий аспект адаптации — это культурно-религиозная политика

1. Двусторонняя работа в обществе по представлению культурных особенностей. Для россиян необходимо создавать различного рода акции и мероприятия, которые бы представляли культуру тех людей, которые иммигрируют в массовом порядке в РФ для того, чтобы разрушать культурные стереотипы. Такие программы можно реализовывать в СМИ для того, чтобы формировать системы взаимоуважения на основе позитивного опыта коммуникации.

2. Обеспечение религиозных и культурных свобод, в том числе в регионах с большим скоплением мигрантов, предоставление регионального статуса языку, но с обязательной системой широкого включения людей в русскоязычную культуру [3].

Таким образом, проанализированы особенности миграционных процессов в РФ и Европе и найдены ключевые точки, которые делают наши системы похожими. Более того, выделены различия, которые сегодня представляют границы для иммиграции в РФ.

Следует отметить и тот факт, что проанализированы ключевые методы по адаптации иммигрантов в России, причем это сделано с опорой на европейский опыт и были отмечены как позитивные вопросы, так и точки потенциального кризиса, которые необходимо преобразовать для того, чтобы не получить гетто с криминогенным потенциалом, которые появляются во всех странах, в которых высокий уровень иммиграции и недостаточная адаптация индивидов в сообщество.

3.3. Роль Белоруссии в создании нового миграционного потока в Евросоюз

Миграционные процессы в Европе продолжают, появляются или создаются искусственно новые маршруты и потоки.

На наших глазах разворачивается интересная ситуация — с участием Белоруссии сформирован новый поток беженцев из Ирака, Пакистана, Сирии, Афганистана и Сомали⁴³.

Беженцам территория Беларуси предлагается в качестве транзитной зоны. Вследствие этого представители Ирака, Ирана, Сирии, Афганистана и Пакистана получают возможность перебраться сначала в Польшу, а затем и в Германию — конечный пункт назначения.

По-прежнему Германия остаётся лидером в предпочтениях беженцев, поскольку самые высокие выплаты по пособиям переселенцам обеспечены именно в этой стране ЕС. Как известно, большие миграционные волны достигали континентальной Европы после событий «Арабской весны», начиная с весны 2015 года. Несмотря на гибель части ищущих новой жизни в Средиземном море в условиях стихии, основную массу это обстоятельство не остановило. По разным данным, в Европейский Союз прибыло от 1 до 1,8 миллиона нелегальных мигрантов⁴⁴. Это навсегда изменило уклад жизни в ЕС, добавило проблем, поставило руководство Евросоюза перед неразрешимыми вопросами. В частности, миграционный кризис внёс разлад в европейскую семью в вопросе распределения мигрантов — например, Венгрия и Польша приложили все усилия, чтобы избежать приёма беженцев с Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии⁴⁵.

Почему же так неоднозначно союзники восприняли факт распределения потоков беженцев между собой? Помимо мононационального характера польского государства здесь важно учитывать также достаточно стабильную миграцию из Украины. Что касается Венгрии,

⁴³ <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2021/6189760a9a794767aef99101>.

⁴⁴ Узун Н. Европейский Союз и вызовы нелегальной миграции в период после миграционного кризиса 2015 г. // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2020. — №3. — С. 63.

⁴⁵ Харламов А.А. Миграционный фактор в системе европейской безопасности в контексте «Арабской весны» // Общество. Политика. Экономика. Право. — 2017. — №3. — С. 25.

не стоит забывать о цыганском факторе⁴⁶ в этническом составе данной страны, причём достаточно проблемном факторе, поскольку цыгане всячески пытаются сохранить свою идентичность, не желая ассимилироваться в венгерское общество — учить язык, чтить традиции и т. д. Они живут отдельными поселениями, по своим законам и становиться частью европейской семьи в полной мере в их планы не входит. Виктор Орбан, по-видимому, решил не создавать ещё один очаг этнической напряжённости, дабы окончательно не усугубить ситуацию. К тому же, судя по опыту проживания вновь принятых мигрантов в самой Германии, процесс единения с европейскими ценностями и порядками, к сожалению, не проходит гладко — «Ночь длинных рук» (2016)⁴⁷ является тому подтверждением, как и другие трудности трансформации европейского общества, связанными с мигрантами.

Опыт Германии и Франции в отношении ранее принятых диаспор из бывших своих колоний Алжира (Франция) и Турции (ФРГ) также заставляет оценить очевидные риски: процесс ассимиляции долог и затратен. И это при условии, что граждане Турции и Алжира, например, достаточно быстро учили/знали язык страны пребывания, так как по большей части не рассчитывали на пожизненные выплаты и были заинтересованы в скором трудоустройстве. Самым главным барьером на этом пути является языковой. Чтобы сделать основную часть мигрантов полноценными членами европейского общества, необходимо учредить доступные/бесплатные языковые курсы, обеспечить их работой и проч. Это требует не только затрат, но и достаточного во времени ожидания, а ситуация на рынке труда Европейского союза сегодня ярко повествует о том, что особой потребности в дополнительных рабочих руках нет. К тому же, в массе своей, мигранты могут быть заняты неквалифицированным трудом, и вопрос наличия подобных рабочих мест звучит как нельзя остро.

Таким образом, помимо того потока, который уже находится в Шенгенской зоне, властям Европейского Союза придется иметь дело и с дополнительными группами, пребывающими из Белоруссии.

⁴⁶ Урасинова О.В. Анализ положения цыган в Венгрии на современном этапе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2011. — №3. — С. 78.

⁴⁷ Шимов Я. Европа после «ночи длинных рук»: что показали события в Кёльне. — URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/309937-evropa-posle-nochi-dlinnykh-ruk-chto-pokazali-sobytiya-v-kelne> (дата обращения: 11.01.2016).

Беженцы по-прежнему стремятся на европейский континент в поисках мирной жизни, комфорта и безопасности. Если раньше военный конфликт в Сирии и расширение ИГИЛ были решающими факторами миграционных процессов, сегодня к ним добавился приход к власти в Афганистане движения Талибан.

А.Г. Лукашенко провозгласил помощь Белоруссии новой волне беженцев как попытку предоставить уставшим от войны и беспорядков людям обрести стабильность и мирное небо над головой. Опираясь на материалы документального фильма⁴⁸, снятого по «горячим» следам, можно обозначить следующую схему транзита: страна исхода — Белоруссия — Польша — Германия. Так называемые туры организованы компанией «Белавиа» из Багдада в Минск. По прибытии в столицу Белоруссии мигранты получают в паспорт штамп, по которому их и идентифицируют потом в Германии, и в большинстве случаев депортируют. На территории Белоруссии мигранты ожидают формирования в группы, далее переходят белорусско-польскую границу под руководством кураторов, на польской стороне их ожидают фургоны, в которых они и направляются в Германию, пересекая 700 км польской территории. К сожалению, заветная цель достигается совсем немногими.

Необходимо дополнить, как правило, беженцы передвигаются семьями, с детьми, в том числе с беременными женщинами. В этническом отношении преобладают иракские курды.

Все черты кризиса налицо. Группы беженцев в итоге не могут обрести постоянного пристанища. И если в начале транзитного пути сами мигранты определяли Германию конечной точкой, теперь, не исключено, таким местом может оказаться сама Белоруссия. Насколько к этому готовы граждане Белоруссии — вопрос неоднозначный.

Причины, по которым президент Белоруссии решился на подобную инициативу неоднозначны. С одной стороны, сюда относят коммерческую выгоду — в среднем тур обходится от двух до трёх тысяч долларов на человека. Второй, более существенный мотив — воздействие на Европу. Спровоцирует ли данное положение дел соответствующую реакцию Евросоюза на статус Лукашенко как легитимного руководителя, пока остаётся интригой. Сам нынешний президент утверждает,

⁴⁸ Зачем Лукашенко война с Европой / Редакция. — URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=пивоаров%20белоруссия&path=wizard&parent-reqid=1639226286506173-5139154919669099069-vla0-7840-b36-vla-l7-balancer-8080-BAL-278&wiz_type=vital&filmId=3658510432403851052.

что Белоруссии наличие беженцев в стране невыгодно⁴⁹. Более того, Лукашенко открыто заявляет, что в какой-то мере долгое время Белоруссия служила заслоном от беженцев для Европейского Союза и, так как данные усилия не были оценены по достоинству, бесплатно оберегать Европу и далее Александр Григорьевич не намерен⁵⁰. Здесь, с оговорками, можно провести параллель с мнением полковника Каддафи⁵¹ о мигрантах. Важно обозначить существенное различие — Ливия не имела отношения к созданию потоков мигрантов, а, в действительности, сдерживала его.

В случае с Белоруссией есть серьёзные опасения относительно внутренней ситуации. В случае, если часть мигрантов оседет в Республике Беларусь, это создаст очевидные трудности (язык общения, трудоустройство и т. д.). Отправка назад также вызывает затруднения.

Есть допущение, что ситуация схожа с ролью Реджепа Тайипа Эрдогана⁵² в соответствующем процессе. Но всё усугубляется тем, что у Беларуси своя специфика и вряд ли ассимиляция мигрантов входила в планы президента Белоруссии.

Несмотря на все подозрения, Российская Федерация не участвует в этой ситуации и просьбу Ангелы Меркель повлиять на Белоруссию Владимир Путин переадресовал непосредственно А.Г. Лукашенко. Чёткие выводы пока делать сложно, но вряд ли звонок на тот момент канцлера Германии является официальным признанием, на которое делалась ставка. Очевидно, что часть беженцев находится в ситуации неизвестности и как разрешится это проблема досконально неясно.

⁴⁹ Интервью А.Г. Лукашенко главному редактору журнала «Национальная оборона». — URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=интервью%20лукашенко%20коротченко%20полная%20версия&path=wizard&parent-reqid=1639229351182811-13862084628085291992-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-5232&wiz_type=vital&filmId=13268018785149623021.

⁵⁰ Интервью А.Г. Лукашенко главному редактору журнала «Национальная оборона». — URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=интервью%20лукашенко%20коротченко%20полная%20версия&path=wizard&parent-reqid=1639229351182811-13862084628085291992-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-5232&wiz_type=vital&filmId=13268018785149623021.

⁵¹ https://yandex.ru/video/preview/?text=каддафи%20о%20террористах%20видео&path=wizard&parent-reqid=1639234299735077-14317783221957017792-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-8720&wiz_type=vital&filmId=12715702759450057113.

⁵² Поплавский А. Мигрантский захват: как Европа справится с потоком беженцев / А Поплавский. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/03/02_a_12986269.shtml (дата обращения: 02.03.2020).

Как трактовать в целом миграционные процессы: как комплекс последствий геополитических просчётов или очередной виток великого переселения народов — вопрос открытый.

3.4. Воспитательные практики трудовых этнических мигрантов (на примере Санкт-Петербурга)⁵³

Воспитательные практики трудовых этнических мигрантов — слабо изученная проблематика, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Основное внимание исследователей привлекает сама ситуация миграции, анализируются экономические эффекты миграции, экономические стратегии мигрантов, оценка их денежных переводов, социально-интеграционные аспекты трудовой миграции, экономические, культурные, социально-демографические последствия трудовой миграции для страны исхода и для принимающей страны (Kazuhiro K., Мукомель В.И., Терюканова Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф., Айтиева М.).

Однако зарубежные антропологи давно обратили внимание на тот факт, что выстраивание миграционных стратегий чаще происходит не отдельным индивидом, а нуклеарной или расширенной семьей. Осознание этого факта сместило фокус внимания исследователей миграционных процессов с отдельных индивидов на транснациональные семьи (Борисова Е.В.), поэтому в настоящее время в изучении миграционных процессов, динамики изменений брачно-семейной сферы с учетом миграционного фактора осуществляется в рамках транснационального подхода. Он позволяет ставить исследовательские вопросы о таких феноменах, как перемещение мигранта из одного национального пространства в другое, одновременное включение мигранта в социальные сети и повседневные миры принимающего сообщества и страны исхода; экономическая деятельность мигрантов; трансформация отцовских функций и воспитательные практики отцов-мигрантов. (Beck, Beck-Gernsheim, Parreñas, Levitt, Glick Schiller, Jaworsky, Кивисто П., Резаев А.В., Степанов А.М., Абашин С.Н., Борисова Е.В.).

Обзор литературы показал, что за пределами внимания исследователей оказываются:

⁵³ Подготовлено в рамках реализации гранта РФФИ 19-011-00543 «Отцовство в современной России: смыслы, сценарии, ресурсы и межпоколенческая динамика».

- проблемы мужчин, остающихся дома на хозяйстве после отъезда женщин на заработки и вынужденных исполнять неконвенциональные роли «мужей-домохозяек» (Parrenas; Connel);
- процесс конструирования трансмигрантами отцовской роли в условиях больших географических расстояний;
- совместные усилия женщин и мужчин в процессе создания транснационального семейного пространства;
- субъективный опыт трудовой миграции отцов-мигрантов и влияния на институт отцовства;
- трансформация института отцовства в условиях транснациональных семей (Толстокорова А.В., Борисова Е.В.), вопросы участия отцов в заботе о ребенке, содержание и специфика его родительских функций;
- гендерное измерение транснационального родительства, гендерные трансформации менталитета и идентичностей мигрантов;
- стратегии отцовства и воспитательные практики отцов-мигрантов;
- анализ социального и семейного поведения с учетом межпоколенных изменений (Gherghel, Le Gall).

Социальной поддержке мигрантов уделяется большое внимание в современном мире, однако нет учета необходимости поддержки семьи мигранта, семейного образа жизни мигранта. Сами отцы-мигранты слабо информированы о возможностях получения социальной поддержки. Кроме того, зачастую взаимодействие мигрантов с социальными институтами принимающего общества сведены к минимуму из-за отсутствия доверия. На сегодняшний день важным субъектом социальной поддержки семей мигрантов являются землячества, диаспоральные объединения, некоммерческие организации.

В российских исследованиях проблематика воспитательных практик отцов из числа мигрантов, отцовские практики, гражданские инициативы по поддержке отцов-мигрантов остается практически не изученной темой. Многофакторность семейной ситуации отцов-мигрантов требует отдельных исследований по разным группам этнических мигрантов, в том числе первого, второго и третьего поколений мигрантов.

Материалы параграфа основаны на результатах эмпирического исследования, в котором приняли участие 15 отцов-мигрантов. Это трудовые этнические мигранты из стран Средней Азии, Армении и Азербайджана. Метод исследования — глубинное интервью продолжительностью от 40 мин. до 2 часов.

Возраст отцов: 27—45 лет. Возраст детей от 2 до 22 лет. Высшее образование имеют 4 чел., среднее специальное — 11 чел. Состоят во втором браке — 1 чел., Разведен — 1 чел., Один ребенок — 1 чел., Двое детей — у 2 отцов, трое детей — у 9 отцов, 4 детей — 2 чел., 6 детей — 1 чел.

Материальное положение оценили, как удовлетворительное или ниже среднего — 15 чел.

Типология моделей отцовства

Результаты опроса отцов из числа мигрантов позволили выделить два основных типа отцовства — *«традиционный»* и *«европеизированный» отец*. *Традиционный отец* имеет нормативные представления о семье, о детях, о процессе воспитания, о гендерном разделении ролей в семье. Традиционные установки касаются и межпоколенческих, и супружеских отношений. Ответственность мужа — обеспечение семьи, ответственность жены — смотреть за домом и детьми, распределять бюджет. Традиционный отец — совмещает экономическую (кормилец) и воспитательную (дисциплинатор) функции.

Европеизированный отец демонстрирует более гибкие семейно-воспитательные установки, готовность к партнерским супружеским отношениям. Супруги совместно осуществляют процесс воспитания сыновей и дочерей и поддерживают традиционное представление о роли отца как главы семейства. Таким образом здесь наблюдается гармоничное сочетание традиционных представлений о роли отца в семье с европеизированными вариантами практик воспитания. Европеизированный отец также совмещает экономическую (кормилец) и воспитательную функции, но меняется наполнение воспитательной функции. В этой роли отец-мигрант видит себя скорее наставником, чем дисциплинатором (менее строгий в вопросах воспитания, чем мама).

Обе модели отцовства предполагают ответственность за процесс воспитания детей, ответственность за будущее детей, на данном этапе основная задача — материальное обеспечение и возможность дать образование.

Функции повседневной заботы о детях лежат в основном на плечах жен, эта ситуация воспринимается как естественная в семьях отцов-мигрантов.

Идентичность отцов из числа этнических трудовых мигрантов реализуется в модели отца — главы семейства. Отец — обязательная роль в репертуаре ролей мужчины данной группы отцов. Она проявляется

в практиках материального обеспечения семьи, поддержки успехов детей, участия в процессе воспитания сыновей, необходимости передавать личностный опыт, ценности и нормы, историю семьи, в практиках проявления любви по отношению к дочерям и доверия жене в процессе воспитания девочки. При этом отцы отмечают, что у них достаточно ресурса для осуществления практик отцовства — у всех есть образование, которое получено как правило в более осознанном возрасте (не сразу после школы), достаточный материальный достаток (хотя и с огромным трудом добываемый), возможность совмещать воспитание с трудовой занятостью, в том числе благодаря современным информационным технологиям. *«Надо с детьми поддерживать общение, воспитывать... находясь на расстоянии, я очень благодарен, что у меня получается... знаете, необязательно быть рядом, можно на расстоянии... Достаточно того, что я говорю, не повторяюсь». «Воспитание — это... когда дети понимают, чувствуют внимание... И на расстоянии находясь, дети чувствуют, видят по глазам, как я люблю их, как я хочу быть с ними».*

Отцы-мигранты — это часто физически отсутствующие в жизни детей отцы, но уверенные в том, что справляющиеся со своей отцовской ролью, вовлеченные в процесс воспитания детей, ответственные за их образование. Они зачастую отмечают, что их дети сильно отличаются от них самих в детстве, что они довольно рано начинают интересно рассуждать, что у них есть успехи в более раннем возрасте. *«Я с ним когда общаюсь, я сам горжусь тем, что он со мной общается как взрослый человек. Поверьте, я поставил себя на его место и поставил на свое место отца — я так бы не смог бы говорить. Так четко, по-взрослому объясняет».*

В ситуации сильной трудовой занятости отцов-мигрантов существенно возрастает воспитательная роль супруги или матери. Однако, по словам опрошенных отцов, они сохраняют главенствующее право в решении всех семейных вопросов, они контролируют процесс воспитания, доверяя сам процесс своим женам, они полностью уверены в компетенции своей жены. При этом авторитет мужчины проявляется еще и в том, что они считают, что жена — хорошая мать, потому что он сам в свое время сделал правильный выбор, или ее воспитывает в материнской роли мать отца-мигранта.

Типология мотивации отцовства

Для отцов-мигрантов рождение детей — обязательный и желанный момент в жизни семьи. Для всех опрошенных отцов-мигрантов харак-

терна позитивная рациональная мотивация отцовства, зрелая родительская идентичность, связанная с ценностным отношением мужчины к ребенку, включающим такой мотив, как «понимание того, что ребенок является продолжателем рода», *«дети — это продолжение жизни»*. Количество детей такими отцами не регулируется, не смотря на сложности, связанные с совмещением родительских и трудовых функций. Такие отцы воспринимают себя в роли отца еще на стадии создания семьи. Семья создается для того, чтобы продолжить свой род, в этом ее смысл.

Отцы из числа мигрантов все практики отцовства выстраивают вокруг интересов ребенка. Эти отцы в полной мере осознают свою ответственность за будущее своих детей и необходимость обеспечить данное будущее. *«Настоящий мужчина — это отец, он должен научить детей жить правильно»*.

Они в разной степени, но вовлечены в процесс воспитания своих детей. Мотивация *«в интересах себя»* не стоит на первом плане, поскольку отцовство они воспринимают как важную, естественную и неотъемлемую часть мужской роли. Здесь важно состояться как глава семьи, который обеспечивает безопасность, материальное состояние. Единственное, что позволяет судить о наличии элементов данной мотивации — это стремление как можно быстрее приблизить момент постоянного нахождения с семьей, чтобы не было необходимости надолго отлучаться от семьи, больше времени проводить с семьей. Хотя в целом ситуация миграции не нарушает, с их точки зрения, возможность реализации себя в отцовской роли. Мотивация *«в интересах матери»* в данной группе отцов также слабо прослеживается, поскольку в вопросах проявления матери и отца в семьях с традиционными ценностями важен момент выбора супруги, а остальное уже является отработанным механизмом. Мать отца-мигранта помогает супруге становиться хорошей матерью. Поэтому в период трудовой занятости отцы полностью доверяют своим женам в этом вопросе.

Факторы становления вовлеченного отцовства в группе этнических трудовых мигрантов

В отношении данной целевой группы свою значимость подтвердили следующие факторы: опыт воспитания, полученный в родительской семье, религиозные установки отцов, уровень образования, уровень поддержки со стороны родственников, как правило родителей отца,

особенности семейной ситуации, связанные со значительной и продолжительной трудовой занятостью отцов, отношения с супругой, длительность проживания в принимающей стране. Уровень социальной поддержки со стороны государства не является существенным фактором, определяющим практики отцовства в семьях трудовых мигрантов.

Итак, в семье традиционного отца-мигранта влияние матери (супруги) на степень включения отцов-мигрантов в практики отцовства не велико. Сложившиеся традиции в семьях этнических мигрантов не позволяют ей существенно изменить степень включенности мужчин в практики воспитания. Они принимают ситуацию вынужденной трудовой миграции мужей и готовы полностью участвовать в заботе, уходе и воспитании детей, сохраняя за мужьями право выполнять роль главы семьи, контролирующего все семейные вопросы. Жены отцов-мигрантов информируют их обо всех успехах и непослушании детей, тем самым предоставляя возможность проявить отцовское участие в воспитании детей. Матери в таких семьях становятся более строгими воспитателями, чем сами отцы.

В семьях отцов-мигрантов все отцы отмечали взаимопонимание с супругой, наличие доверия в вопросах воспитания, взаимной поддержки.

Отцы-мигранты, являясь носителями традиционной отцовской идентичности, выполняющие, в первую очередь, роль кормильца семьи, тем не менее участвуют в воспитании детей и при этом проявляют больше эмоционального участия в жизни детей, нежели в свое время их отцы.

Европеизированные отцы более открыто и высоко оценивают воспитательный потенциал и практики воспитания своих жен. Прислушиваются к их мнению в некоторых вопросах воспитания детей, но оставляют за собой право решающего голоса. *«Я ее всегда хвалю, всегда благодарен... Я благодарен, что такая мне жена попалась... У меня жена правильно ведет»*

Некоторые отцы-мигранты говорили о том, что они являются сторонниками эгалитарных отношений в семье, построенных на взаимном уважении и равном участии родителей в уходе и заботе о детях.

Качество межпоколенческих отношений (родительская семья) оказывает существенное влияние на реализацию практик отцовства в группе отцов-мигрантов. Все они демонстрируют полное принятие и позитивное отношение к практикам отцовства в родительской семье,

стараются транслировать его в собственную семью. Роль отца максимально ярко проявляется в становлении личности мужчины — будущего отца семейства. В представлении отцов-мигрантов именно отец является главным воспитателем в семье. В семьях этнических мигрантов отец начинает воспитывать сыновей примерно в возрасте 3 лет, когда возможны серьезные разговоры, когда ребенок способен воспринять образец поведения отца. Кроме того, именно отцы чаще всего контролировали процесс образования, проверяли домашние задания. Авторитет отца в таких семьях — основной фактор воспитания. Отцовское участие в воспитании — образец для подражания для опрошенных отцов-мигрантов. *«Для меня лично папа бы авторитет. Его уважали. Как он с людьми разговаривал. Я за этим очень следил. Когда мы с ним часто ездили куда-то, как он разговаривал. Мы постоянно общались, свободно».*

Роль матери проявляется в ежедневной заботе о детях, в реализации решений отца семейства. Кроме того, в ситуации более раннего ухода из жизни отца, именно мать становится главой семейства, определяющей стратегии поведения сыновей. Причем она и авторитет, и помощник в процессе воспитания как жены, так и детей своего сына.

Межпоколенческие различия в жизненных смыслах, сценариях и практиках отцовства

В сценариях и практиках отцовства выявлены межпоколенческие различия. Они связаны главным образом с наличием мигрантского опыта у опрошенных отцов и его отсутствием в родительской семье. Однако жизненные смыслы отцовства в семьях отцов мигрантов в целом сохраняются. Отношения с собственным отцом оцениваются максимально позитивно. Отцы-мигранты стараются воспроизводить то, чему их учили отцы, транслировать те же ценности и нормы, но в целом они отмечали, что по сравнению со своими отцами и женами, они менее строгие в процессе воспитания. Они проявляют больше теплых эмоций по отношению к детям, больше мягкости, переживая из-за длительного отсутствия в жизни детей. Ориентированы на более раннее начало воспитательского участия в жизни детей, более открытого общения с детьми, чтобы они чувствовали отцовскую заботу и любовь даже на расстоянии.

Результаты исследования свидетельствуют о меньших возможностях активного участия традиционных отцов в практиках заботы и вос-

питания детей по сравнению с их родительскими семьями. Они не применяют физическое наказание, как это было в их родительской семье (хотя отрицательной оценки физического наказания не было). *«У нас такого нет. Достаточно им словами говорить — они понимают».*

Европеизированные отцы не делают акцента на гендерные аспекты воспитания — сыновей воспитывает отец, а дочерей — мать. Они считают, что внимание отца необходимо всем, но если сыновей они все же воспитывают, учат, берут с собой, то девочкам они показывают пример мужской заботы.

Традиционные отцы полагают, что религиозное воспитание, полученное в родительской семье, облегчает процесс воспитания собственных детей. Религия — это своеобразная призма, через которую описывается процесс воспитания в семье отцов-мигрантов. *«Насчет детей — ислам очень строго говорит, как должно говорить с ними... больше дает возможность ...как бы... правильно их воспитывать. Вот это очень мне помогает... Религиозное говорит: обязательно ребенок должен учиться... Правильно как себя вести — с родителями. Ну, все, что есть в жизни, все он рассказывает».*

Европеизированные отцы описывают практику отцовства, не исходя из религиозных представлений, а исходя из опыта родительской семьи (быть в меру строгим, не определять профессиональный путь детей, а давать возможность самим выбирать — *«хочу, чтобы мои дети выбрали свои пути сами, принимали решение самостоятельно, и никогда... в жизни не было, чтобы они находились не в своей тарелке»*), предоставляя условия для развития), наблюдений и знаний, полученных во время обучения в вузе.

Таким образом, не смотря на все сложности в реализации отцовского потенциала большинство отцов из числа этнических трудовых мигрантов продолжают сохранять традиционные установки в процессе воспитания. Мигранты стали чаще допускать ситуацию развода при сохранении общения с детьми. Наблюдается тенденция ослабления отцовской ответственности за детей в ситуации развода.

Результаты исследования свидетельствуют, что изучение реальных воспитательных практик отцов из числа этнических трудовых мигрантов актуально с точки зрения необходимости фиксировать изменения в институте отцовства, социальных условий, как помогающих сохранять устойчивые семейные связи, так и разрушающих традиционный уклад изучаемой группы семей. Кроме того подобные исследования

позволяют сформулировать рекомендации для реализации, миграционной, социальной и образовательной политики в разных регионах страны. Особенно актуален вопрос согласования деятельности субъектов, механизмов и алгоритмов межведомственной работы с группой этнических трудовых мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

П. 3.1

1. Потемкина О.Ю. Глобальный договор о миграции: успех или провал? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2018. — № 6.

2. Carrera S., Lanoo K., Stefan M., Vosyliute L. Some EU governments leaving the UN Global Compact on Migration: A contradiction in terms? // CEPS Policy insights. — 2018. — № 15.

3. EU-IOM Joint Initiative for Migrant Protection and Reintegration // IOM [Official site]. — URL: <https://www.migrationjointinitiative.org/> (дата обращения: 06.05.2021).

4. Europe Daily Bulletin 12807. — 08.10.21.

5. European Council meeting (24 and 25 June 2021) — Conclusions // Council of the European Union [Official site]. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/50763/2425-06-21-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).

6. Gatti M. EU States' Exit from the Global Compact on Migration: A Breach of Loyalty // EU Immigration and Asylum Law and Policy. — 2018. — URL: <https://eumigrationlawblog.eu/eustates-exit-from-the-global-compact-on-migration-a-breach-of-loyalty/> (дата обращения: 30.11.2021).

7. Gatti M. Too Much Unity in the European Union's External Migration Policy? // Odysseus Network blogpost. — 2018. — URL: <http://eumigrationlawblog.eu/too-much-unity-in-the-european-unions-external-migration-policy/> (дата обращения: 10.12.2021).

8. High-level Resettlement Forum on Afghanistan 7 October 2021 — protecting our partners in democracy // European Commission [Official site]. 2021. — URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/johansson/blog/timetodelivermigrationeu-no15-high-level-resettlement-forum-afghanistan-4-october-2021-protecting_en (дата обращения: 13.10.2021).

9. Opinion of the Legal Service on “The legal effects of the adoption of Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration” // European Commission [Official site]. Brussels, 2019. — URL: https://web.archive.org/web/20190322173051/https://www.unzensuriert.at/sites/default/files/Dateien/note_migrationspakt.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

10. Secretary-General's statement on Afghanistan // United Nations [Official site]. — URL: <https://www.un.org/sg/en/node/258839> (дата обращения: 20.12.2021).

11. Strengthened Partnerships on Migration Discussed at Seventh EU-IOM Strategic Meeting // IOM [Official site]. 2020. — URL: <https://www.iom.int/news/strengthened-partnerships-migration-discussed-seventh-eu-iom-strategic-meeting> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Time to deliver: Afghanistan is test of Europe's promises // EU Observer. — URL: <https://euobserver.com/opinion/153147> (дата обращения: 20.12.2021).

13. U-turns on Global Compact “reflect poorly” on countries concerned: senior UN migration official // UN News [Official site]. — URL: <https://news.un.org/en/story/2018/11/1026791> (дата обращения: 05.01.22).

14. Valletta Summit on migration, 11–12 November 2015 // Council of the European Union [Official site]. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2015/11/11–12/> (дата обращения: 05.05.2021).

15. 2015 State of the Union Address by Jean-Claude Juncker, President of the European Commission // European Commission [Official site]. — URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/state_of_the_union_2015_en.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

16. 2020 State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary // European Commission [Official site]. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (дата обращения: 17.12.2021).

17. 2021 State of the Union Address by President von der Leyen // European Commission [Official site]. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_21_4701 (дата обращения: 15.12.2021).

П. 3.2

1. Демографический ежегодник России за 2020 год: статистический сборник. — М.: Росстат, 2020. — 525 с.

2. Мачульская И.Г. Правовое регулирование и совершенствование законодательного обеспечения безопасности миграционных процессов в России / И.Г. Мачульская, И.А. Пеньков // Аналитический вестник: Национальная безопасность и миграционная политика. — 2005. — №2 (274). — С. 28–50.

3. Мукомель В.И. Проблемы интеграции мигрантов в России и политика толерантности / В.И. Мукомель: [Институт социологии РАН, 2019]. — URL: strategy2020.rian.ru/load/366101446.

4. Проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [М., 2011] — URL: <http://www.gosbook.ru/node/17831>.

5. Чудиновских, О.С. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции [Текст]: препринт WP8/2014/04 / О.С. Чудиновских; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014 (серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»).

6. Bilsborrow R. Surveys of International Migration: Issues and Tips. Carolina Population Center. Report of the Expert Group Meeting on the Use of Censuses and Surveys to Measure International Migration Sixth Coordination Meeting on International Migration, 26–27 November 2017, New York. — 2017.

П. 3.3

1. Поплавский А. Мигрантский захват: как Европа справится с потоком беженце. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/03/02_a_12986269.shtml (дата обращения: 02.03.2020).

2. Узуни Н. Европейский Союз и вызовы нелегальной миграции в период после миграционного кризиса 2015 г / Н. Узуни // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2020. — №3. — С. 61–64.

3. Урасинова О.В. Анализ положения цыган в Венгрии на современном этапе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2011. — №3. — С. 78.

4. Харламов А.А. Миграционный фактор в системе европейской безопасности в контексте «Арабской весны» // Общество. Политика. Экономика. Право. — 2017. — №3. — С. 24–26.

5. Шимов Я. Европа после «ночи длинных рук»: что показали события в Кёльне. — URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/309937-evropa-posle-nochi-dlinnykh-ruk-chto-pokazali-sobytiya-v-kelne> (дата обращения: 11.01.2016).

6. Зачем Лукашенко война с Европой / Редакция. — URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=пивоваров%20белоруссия&path=wizard&parent-reqid=1639226286506173-5139154919669099069-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-278&wiz_type=vital&filmId=3658510432403851052.

7. Интервью А.Г. Лукашенко главному редактору журнала «Национальная оборона». — URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=интервью%20лукашенко%20коротченко%20полная%20версия&path=wizard&parent-reqid=1639229351182811-13862084628085291992-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-5232&wiz_type=vital&filmId=13268018785149623021.

8. <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2021/6189760a9a794767aef99101>.

9. https://yandex.ru/video/preview/?text=каддафи%20о%20террористах%20видео&path=wizard&parent-reqid=1639234299735077-14317783221957017792-vla0-7840-b36-vla-17-balancer-8080-BAL-8720&wiz_type=vital&filmId=12715702759450057113.

П. 3.4

1. Айтиева М. Денежные переводы: нереалистичные ожидания и конфликтующие обязанности по отношению к семье // Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность: сборник статей / под ред. Бредниковой О.А., Абашина С.Н. — М.: НЛО, 2021. — С. 106–147.

2. Борисова Е.Б. Детская мобильность и транснациональное воображение (на примере транснациональных семей из северного Таджикистана) // Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность: сборник статей / под ред. Бредниковой О.А., Абашина С.Н. — М.: НЛЮ, 2021. — С. 147–202.
3. Казухиро К. Таджикиские трудовые мигранты и их международные денежные переводы // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 285–301.
4. Комаровский В.В., Веденева В.Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. — М.: ИМЭМО РАН, 2017. — 140 с. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/komarovskiy-vv-vedeneeva-vt-fenomen-trudovoy-migratsii-v-izmenyayushemsya-mire>.
5. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник. — М.: Новый хронограф. — 2012. — С. 236–263.
6. Раковская В.С., Соловьёва Н.Н., Туманова И.А. Трудовая миграция: последствия для стран-доноров и стран-реципиентов // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9443> (дата обращения: 28.12.2021).
7. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2018. — Том 26. — № 4. — С. 718–729.
8. Толстокорова А.В. Семейные фронтиры: гендерные стратегии сопротивления рискам трансграничности в эмоциональной культуре мобильного родительства // Журнал фронтирных исследований. — 2018. — № 1. — С. 47–67.
9. Толстокорова А.В. Трансграничное родительство: гендерные стратегии преодоления психо-эмоциональных проблем // От фрагмента к целому: парадигмы культурных изменений. — Самара: Самар. гос. ин-т культуры, ЗАО «Сокол-Т», 2017. — С. 277–298.
10. Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России // Отечественные записки. — 2004. — № 4.
11. Beck-Gernsheim E. Transnational lives, transnational marriages: a review of the evidence from migrant communities in Europe *Sociology*. — 1 July 2007.
12. Parrenas R. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. — Stanford University Press. — January 31, 2005.
13. Pevitt P., Glick-Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // *International Migration Review*. — 2004. — № 38(3). — P. 1002–1039.
14. Pevitt P., Jaworsky N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // *Annual Review of Sociology*. — 2007. — № 33. — P. 129–156.

Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

4.1. Проблемы политической социализации молодых поколений в коммуникативном пространстве Евросоюза и России

Качественные трансформации современного коммуникативного пространства существенно влияют на процесс поколенческой преемственности и актуализируют разработку теоретико-методологического инструментария в предметной области исследований политической социализации молодежи и молодежной политики. Современные проблемы политической социализации молодежи связаны не только с ценностно-нормативным позиционированием «младших» и «старших поколений», но что так или иначе обращают традиционные модели политической социализации, а с радикальными изменениями в процессах политической идентификации национальных сообществ. Автор параграфа полагает, что проблемы в поколенческой преемственности на нынешнем этапе эволюции политических коммуникаций связаны прежде всего с растущей автономизацией символических структур национальной памяти сообществ и для более адекватного понимания этого феномена требуется коррекция теоретико-методологических оснований и концептуального инструментария исследований политической социализации молодежи. Показательны в этом контексте ситуация с описанием проблем и тенденций политической социализации молодежи в политическом пространстве Европы, Европейского Союза (ЕС) и России.

Несмотря на артикулированность проблем, связанных с политическим участием молодежи в коммуникативных рамках динамики современных политических институтов, в подобного рода исследованиях прослеживается умеренный «либерально-демократический оптимизм» по поводу успешной адаптации молодежи и старших поколений к происходящим коммуникативным турбулентностям. В работах авторов по проблематике политической идентификации европейской молодежи акцентируется, что несмотря на электоральный абсентизм, проявления радикальной протестной активности молодежи и ответных репрессивных практик государств, в целом, между молодыми и старшими поколениями прослеживается коммуникативное

согласие по вопросу значимости гражданской вовлеченности молодежи с целью «сделать мир лучше для всех». Отмечаются в целом позитивные результаты в политической социализации молодежи и ее включенность в процесс демократизации общества: рост коммуникативных ресурсов для конструктивного, прямого диалога молодежи с властью и старшими поколениями, появление устойчивых признаков становления у молодежи идентичности «европейцев» и космополитических ориентаций [12, с. 29–30; 5]. При этом российские исследователи, выступающие с либерально-демократических позиций, отмечают конструктивность молодёжной политики в коммуникативном пространстве ЕС, по сравнению, с аналогичной в современной России. Различия видятся в целях и задачах молодёжной политики, которая в европейских странах, как полагают исследователи, нормативно ориентирована на развитие автономии и независимости молодого поколения. Отмечается, что в российском нормативном дискурсе, в отличие от молодёжной политики в странах ЕС, основной целью выступает воспитание патриотически настроенной молодежи как мобилизационного ресурса для укрепления государственного доминирования и его политического позиционирования на внешнеполитической арене [2].

Вместе с тем очевидна и обоснованность посылок тех авторов, которые констатируют острый кризис традиционных практик политической социализации европейской молодежи. Исследователи отмечают, что, хотя глобализация и цифровизация расширили возможности для политизации публичной сферы, она осуществляется за рамками ранее влиятельных институтов, акторов производства политического контента и моделей поведения, что усиливает процессы индивидуализации и тотального тиражирования поверхностных, профанных представлений о политике [15]. Поколение сформировавшееся на рубеже веков — поколение «гугл-истории», которое «живет по ту сторону истории» и не связывает полученное знание исторических фактов и ценностных образцов с опытом предыдущих поколений. Возникшая общеевропейская институциональная идентичность не трансформируется в общеевропейскую политическую [9, с. 51–52, 58–59]. Подобная коммуникативная динамика ведет к тому, что на первый взгляд успешные стратегии социализации молодежи в экономической, образовательных и иных социальных сферах ЕС, не ведут к оформлению позитивной политической идентичности или политической идентичности вообще. Это разрушает «равновесие поколений»,

под влиянием миграционных процессов, усложнением демографической ситуации и снижением эффективности государственной политики в этих областях [10, с. 73–74]. Подобные процессы амбивалентно влияют на позиционирование молодежи, подавляют чувство поколенческой солидарности и порождают формы политического активизма, перерастающие в агрессию или эскапизм консьюмеризма.

В политических коммуникациях все большую роль начинают играть чувственно-образные компоненты политических коммуникаций. Умножение производителей и участников, тиражирование подобной символической продукции через виртуальные, неформальный сети коммуникаций ведет к тому, что она все чаще ускользает от контроля официальных организаций и традиционных акторов политической социализации [3, с. 34–35]. Политические коммуникации, как полагают исследователи, приближаются к критическому порогу в своих количественных и качественных изменениях, когда чувственно-образная символизация не только опосредует политическую деятельность, но претендуют на то, чтобы заниматься политикой вместо людей [4, с. 178]. Объяснение подобных коммуникативных феноменов фокусе позитивистских ценностно-нормативных моделей политической социализации, где молодежь рассматривается как «граждане в ожидании» и чье политическое становление ставится в зависимость от эффективности/неэффективности социализирующих практик традиционных институтов, все чаще являет свою ограниченность.

Автор параграфа полагает, что исследовательские стратегии факторного анализа процесса достижения молодежью конструктивного гражданского «совершеннолетия» в зависимости от доступа к образованию, влияния неравенства в уровне доходов или этнокультурных ограничений меньшинств [5] должны быть дополнены изучением коммуникативной динамики структурирования горизонтов ожиданий молодежи и акторов процесса политической социализации. Политическая социализация в современных коммуникациях — всегда «самосоциализация» с вариативными культурными программами и неоднозначными результатами [11, с. 97–98; 100]. В этом контексте политическую социализацию молодежи можно рассматривать как относительно независимую переменную, детерминированную не столько целенаправленной организационной или идеологической активностью культурных и политических акторов или социальных институтов, а процессами структурирования горизонтов политиче-

ских ожиданий поколений в политической памяти общества. Тем самым, политическую социализацию молодежи можно представить, как процесс символического структурирования горизонтов ее политических ожиданий в результате активности «символических фигур» политической памяти сообществ. В процессе совместимости политических ожиданий происходит оформление солидарных форм политической активности «младших» и «старших» поколений. Если этого не происходит, и политическая совместимость не возникает, то обостряются конфликты между возрастными стратами, несмотря на видимость успешности социально-экономической или профессиональной социализации молодежи.

Процесс социализации молодых поколений в контексте подобной исследовательской установки не работает согласно позитивистскому идеологическому сценарию. Важно учитывать асинхронность («разновременность») различий в восприятии политического времени поколениями и связанную с этим специфику политических ожиданий, значимости для них тех или иных политических событий и их конфигураций, влияющих на характер политической активности участников политической социализации и их готовности к взаимной адаптации и солидарности. Подобная «разновременность» ведет к тому, что новые поколения могут рассматривать институциональные нормы и образцы предыдущего поколения как слишком консервативные или репрессивные, нуждающиеся в радикальных преобразованиях [7, с. 31]. В реалиях динамики современных коммуникаций такие события, например, как современная ковид-эпидемия, могут стремительно вывести молодежные когорты, так и акторов политической социализации из ценностно-нормативных ограничений прошлого политического опыта и принудить их к радикальному переформатированию существующих политических образцов, институтов и сложившихся ранее политических нарративов.

Современное общество с его коммуникативной непредсказуемостью все интенсивней производит символические продукты, переформатируя и деконструируя доминировавшие ранее большие политические нарративы. Подобное символическое производство оказывается действенней, чем реальность объективных интересов политических акторов и традиционных институтов политической социализации молодежи. Исследователи современных коммуникаций отмечают нарастающий процесс символической инфляции, проявляющейся в провозглашении

неосуществимой, иллюзорной политики [1, с. 190–192] и «символической нищете» — потери способности людей к самоидентификации, пространственно-временному накоплению событий и разрушению процесса поколенческой преемственности [14, с. 10–33].

Современные проблемы политической социализации молодежи в коммуникативном пространстве ЕС и российском обществе так или иначе связаны с подобными политическими проблемами и символической инфляцией структур политической памяти и национальной памяти в реалиях растущей диверсификации политических коммуникаций. В политической памяти современной Европы и России прослеживается процесс конфликтной борьбы «политик памяти», как следствие диверсификация и асинхронизация больших нарративов политической идентификации как внутри их политического пространств, так в символической политики элит при внешнеполитическом позиционировании.

Несмотря на декларирование элитами ЕС успехов в оформлении «европейской» идентичности и политической идентификации новых поколений, очевидны и инфляционные политико-культурные риски идеологического дискурса евроатлантической солидарности, поскольку в его основании лежит проект глобального порядка на основе идеологии совместимости символических структур политической памяти американского общества с вариативными версиями символизации нациостроительства в пространстве современной ЕС при доминировании культурных императивов США. Подобный дискурс неизбежно будет подвергаться эрозии и вызывать конфликты национального позиционирования в реалиях углубляющейся поляризации индивидуалистической американской мифологии национальной идентичности и героического на основе символической логики «апокалиптической бинарности» и демонизации «других», характерной как для консервативных, так и левых политических нарративов [13]. Очевидны и проблемы совместимости базовых политических нарративов национальных памятей пространства «старых» и «новых» членов ЕС.

В нарративной динамике современной политической памяти ЕС отчетливо прослеживается тенденция перехода от семантики и символизма героизма к семантике жертвенности. Анализируя этот процесс Б. Гизен в свое время отмечал что для «западного сообщества» характерна дезактуализация нарративов «триумфа» и «героического», замещающихся семантикой «травмы» и «жертвенности» [8]. Это, по

мнению автора параграфа, ведет к размыванию у молодежи отчетливого маркирования политических событий, представлений об ответственности элит, типологии «героического», «преступного» и «жертвенного», ослаблению дискурса гражданского патриотизма при росте политических фобий.

С аналогичными инфляционными проблемами в символическом пространстве национальной идентификации сталкивается и современная Россия, решающая проблему трансформации постсоветской институциональной и полиэтнической идентичности в национальную. Динамику символического пространства национальной памяти современной России, можно интерпретировать как конфликтную динамику «большого» имитационного нарратива «новой демократической России» в 1990-е годы к «национальной консолидации» в 2000-е, сопровождаемой высокой амбивалентностью символического кодирования и симбиоза «малых» нарративов в популистских дискурсах. Это проявляется в вариативности, конфликтности политических ожиданий поколений и неустойчивости дискурса гражданского патриотизма у молодежи.

Сегодняшние «бои памяти» в геополитическом пространстве Европы и России связаны с тем, что процесс виктимизации, характерный для политических ожиданий российского общества сменился поисками нарратива «героического патриотизма» как способа преодоления травматического опыта распада СССР, сопряженного с насильственными конфликтами, социально-экономической и моральной деградацией. Как следствие — конфликты политических дискурсов поколений, элит Европы и России в связи с конфликтом интерпретаций базовых политических событий, характеристик героического и преступного.

Эти теоретические посылки, на наш взгляд, значимы не только для анализа конфликта символических структур национальных памяти, но и для понимания процессов политической идентификации «старших» и «младших» поколений. Обращение к исследованию динамики символических структур политической памяти при исследовании специфики процессов политической социализации молодежи, по нашему мнению, позволяет более комплексно описывать специфику становления политической идентичности в процессе политической социализации молодых поколений в пространстве ЕС и России, прогнозировать риски и опасности политической инфляции символических практик политической социализации, возникающие в реалиях современных политических коммуникаций.

4.2. Трансформация гендерной идентичности молодежи

Гендерная идентичность — это многослойное понятие, которое описывает переживание соответствия личности сложившимся в определенном обществе гендерным ролям и статусам, социальным моделям поведения, определяемых историческим и социокультурным контекстом. Внутренняя структура гендерной идентичности формируется в процессе социализации личности, создавая внутренний образ личности в соответствии с воспринимаемым полом и гендером. Происходит достаточно сложное, еще не до конца изученное, взаимодействие природных задатков личности и определенной социальной среды.

А. Фаусто-Стерлинг [13, с. 21] в своей работе пишет о необходимости выделять пять биологических полов: 1) мужчины и 2) женщины, интерсекс личности; 3) истинные гермафродиты, имеющие один яичник и один семенник; 4) мужские псевдогермафродиты, имеющие семенники и некоторые аспекты женских гениталий и 5) женские псевдогермафродиты, имеющие яичники и некоторые аспекты мужских гениталий. Исследовательница отмечает, что интерсекс индивиды составляют примерно около 4% от общего числа родившихся. Еще одним аспектом гендерной идентичности является транссексуальность и сексуальная ориентация, формирование которых еще не до конца изучено. Исследователи полагают, что гомосексуальность в популяции встречается примерно у 1–2% женщин и 3–4% мужчин [Pillard R.]. Таким образом, различные биологические предпосылки встречаются с разнообразными социокультурными средами, с разной степенью толерантности относящимися к этим биологическим особенностям. В результате формируются самые разнообразные комбинации гендерной идентичности.

Внутреннее содержание гендерной идентичности предполагает:

- осознание своей принадлежности к определенному полу и описание себя с помощью категорий мужественности-женственности;
- оценку черт личности и особенностей ролевого поведения и их соответствия/типичности принятым в обществе моделям маскулинности-фемининности;
- саморепрезентацию себя как представителя определенной гендерной группы.

Личность является активным участником процесса гендерной социализации, она принимает или отвергает сформировавшиеся в определенной социокультурной среде гендерные статусы и роли, и соответствующие им модели поведения.

Структура гендерной идентичности претерпела значительные изменения за последние сто лет, поскольку исследования, проведенные с использованием теории социального конструирования и этнографических методов, повлияли на представления о типично мужском и типично женском поведении.

Кроме структуры, выделяют две важные социальные функции идентичности. С одной стороны, она создает и поддерживает целостность «своего» сообщества за счет культивирования его внутреннего единства: все чуждое данному сообществу отторгается, все свойственное ему акцентируется и воспроизводится. С другой стороны, идентичность обеспечивает каждому члену сообщества признание со стороны сообщества — таким образом, за счет идентичности происходит реализация общественного признания. Соответственно, если сформировавшаяся идентичность не вписывается в признанные формы, личность не получает признания в данном сообществе и переживает страх изоляции. Это в большей степени относится к интерсексуальной, транссексуальной и гомосексуальной идентичности. Степень признания различных социальных групп обществом является значимой темой в европейских социальных исследованиях и социальных программах [А. Хоннет]. Данные российского репрезентативного опроса центра Левады показывают, что в 2019 году 56% опрошенных россиян отрицательно относились к представителям ЛГБТ и 39% безразлично [5], что говорит о достаточно высоком уровне непризнания этой группы в российском обществе.

Быстро меняющаяся социальная, политическая, культурная и экономическая реальности влияют на серьезные трансформации в сфере института профессий, семьи, а также этических норм — возникают новые, изменяются старые. Еще в 1940-х годах немецкий психолог Э. Нойман писал о возникновении новой этики на европейском континенте, полагая, что «конечной целью старой этики были разделение, дифференциация и дихотомия... идеалом новой этики является объединение противоположностей в пределах одной структуры... целью — достижение целостности, полноты личности» [4, с. 103]. И действительно, мужские и женские личностные особенности в патриархатной

культуре формировались/формируются часто как противоположности. Женское поведение и мышление часто определялись как иррациональные в противоположность мужскому, что нашло отражение в бытовании такого понятия как «женская логика», которой в общем-то не существует, есть только одна логика — общая, и разные жизненные опыты социализации. Женщинам также приписывается эмоциональность, хотя она является характеристикой темперамента, и эмоциональными могут быть как мужчины, так и женщины, но разница существует в проявлении определенных эмоций — общество женщинам разрешает проявлять эмоции слабости, страха, плакать, тогда как мужчинам этого делать не желательно. Активность в общественном пространстве также в основном приписывается мужчинам, и связано это с исторической припиской женщины к дому. Однако общество меняется, а гендерные стереотипы продолжают существовать, несмотря на то, что очень многие женщины активно занимаются бизнесом, наукой и политикой. Формируемые в процессе такой гендерной социализации мужские качества относятся к *контролю* — эмоций, общества, других людей, а женские — к *подчинению*, установлению взаимоотношений с окружающими людьми, заботе об окружающих.

В современном обществе мы видим отход от этой строгой дифференциации мужского и женского поведения. О. Лопухова [11, с. 196] в своем исследовании показала, что на структуру гендерной идентичности серьезное влияние оказали эгалитарные нормы, что привело к превалированию андрогинной идентичности, сочетающей в себе как женские, так и мужские черты. Как для мужчин, так и для женщин более привлекательными являются черты, исторически относившиеся к комплексу черт маскулинной идентичности, как например, активность, напористость, самореализация, принятие риска и т. д. Это подтверждается и нашими данными — дипломное исследование моей студентки учащихся 8–9-х классов гимназий г. Великого Новгорода показало, что нет значимых различий по маскулинности между мальчиками и девочками, тогда как по феминности эти различия существуют (Зайцева А., 2002). В современном популярном сериале можно услышать фразу, обращенную девушкой к молодому мужчине — «Оставайся добрым, моей жесткости хватит на двоих» [8].

М. Лернер [3, с. 80] выделяет ряд цивилизационных изменений, которые произошли в 20-м веке и серьезно повлияли на гендерную самоидентификацию личности. Он пишет о пяти революциях, кото-

рые внесли изменения в положение женщин в обществе и их восприятие себя — суфражистская революция (предоставление женщинам избирательных прав во многих обществах), сексуальная (предоставила женщине возможности сексуального самовыражения), революция в области морали и поведения (женщины получили право на развод, возможность носить более удобную одежду, которая позволяет заниматься спортом, и в целом вести более активную общественную жизнь), кухонная/бытовая революция (облегчение тяжелого и монотонного домашнего труда, что дало женщинам больше свободного времени) и производственная революция (автоматизация и роботизация в экономике изменили условия труда, а также роль женщины в производстве).

Все эти революции значительно повлияли на систему взаимодействия полов, а две последние — на сферу разделения труда между мужской и женской общностями. Благодаря научно-технической революции разделение труда потеряло прежнюю жесткость и нормативность. Количество исключительно мужских и исключительно женских занятий заметно уменьшилось, большинство социальных ролей в обществе вообще не разделяются по половому признаку. Общая трудовая деятельность и совместное обучение в значительной мере снижают традиционные различия в нормах поведения и психологии мужчин и женщин. Однако еще существуют преимущественно женские профессии, сохраняется различие мужских и женских ролей в семье и все еще остается российский список из 100 запрещенных для женщин профессий на 2021 год, хотя до этого года он составлял 456 профессий.

20-й век привел к активизации феминистских/женских движений — за доступность высшего образования, доступа к профессиональной работе в публичной сфере и др. С. Холл [10] показал серьезное влияние феминизма как общественного движения и научной мысли на очень многие аспекты социальной и политической жизни современных обществ, такие, например, как традиционное разделение между «внутренним» и «внешним», «частным» и «публичным», формирование и производство гендерно-дифференцированных субъектов, их субъективного опыта и идентичности, вопросы различия полов. А такие составляющие социальной жизни, как семья, воспитание детей, сексуальные отношения, домашнее хозяйство, семейное разделение труда, семейно-бытовое насилие вышли на арену политической борьбы.

Жизненный опыт женщин — это не жизненный опыт мужчин, утверждала Симона де Бовуар. Озвученный субъективный опыт женщин повысил значимость субъективности как таковой, которая стала применяться и к другим социальным группам, основанным на расовой и этнической принадлежности, гендерной и сексуальной ориентации, инвалидности и т. д. У каждой из этих категорий есть свой жизненный опыт [9].

Озвученный разнообразный субъективный опыт (в том числе и негативный, представленный через флэш-мобы в социальных сетях, как, например, «Я не боюсь сказать», «Metoo» и др.) повлиял на возникновение в публичном дискурсе понятия «новая этика», включающего в себя ряд пересекающихся проблематик — общественное осуждение публичных персон за некорректное, неприемлемое для большинства поведение или высказывания, борьбу с сексуальными домогательствами, новые формы романтических отношений, открытость в признании травматического опыта, например, изнасилования или домашнего насилия, что в прошлом обычно скрывалось от общественности и др. Это понятие до сих пор проясняется, в различных языках и культурных сообществах возникают его новые коннотации, до сих пор четко не оформлены и границы понятия [6].

Все вышеназванные факторы приводят к тому, что гендерные роли и гендерная идентичность становятся более флюидными, меняющимися, как и в целом идентичность представителей цифрового поколения. Общие тенденции этих изменений можно увидеть, анализируя посты популярных молодежных блогеров, имеющих большое количество подписчиков.

Для анализа был взят один из постов популярной блогерки Одонаты (социальная сеть VK, 105 612 подписчиков). Ее пост посвящен проговариванию отличий молодого современного поколения от поколения родителей. Тамара пишет, что нельзя оценивать молодое поколение с точки зрения координат старшего поколения, жившего совсем в другом обществе и выделяет следующие тенденции/особенности цифрового поколения [8]:

- билингвальность, знание иностранных языков;
- умение работать с информацией и определять ее качество и степень доверия к ней;
- умение быстро находить работу в любой точке планеты;

- инициативность — умение собирать деньги на не большие проекты и, таким образом, перестраивать глобальную экономику;
- космополитизм, гибкость, дружелюбие, творческий подход;
- умение зарабатывать и быть финансово независимыми, признание связи свободы и финансовой независимости;
- демократичность/не иерархичность и не привязанность к комфорту — «...статусные» штуки мы не очень любим» [8];
- высокая степень мобильности — между городами, регионами и странами;
- меньшая стереотипность мышления;
- другое понимание ответственности — как ответственность за максимальную реализацию себя и своих способностей;
- другое отношение молодого поколения к образованию подразумевает, что нет большой необходимости заучивать учебный материал, когда под рукой всегда есть интернет, для этого важно изучать структуру, на которую далее постепенно нанизывается информация.

Тренды, влияющие на идентичность молодого поколения, которые автор аккумулирует в данном сообщении, конечно же, не относятся ко всей молодежи, а в основном к хорошо образованной прослойке. Однако, это именно тенденции, которые в будущем будут лишь усиливаться.

Цифровое общество значительно изменяет гендерные идентичности, становящиеся все более флюидными и значительно меняет расклад в гендерном разделении труда, расширяя сферу услуг, в которой чаще заняты женщины. П.И. Ананченкова в своем исследовании показывает, что STEM-сфера (science, technology, engineering and mathematics) дает возможность развивать женскую самозанятость и предпринимательские идеи быстрее и дешевле — это осознается многими женщинами, которые сознательно отказываются от найма и уходят во фриланс [1, с. 134]. STEM как наукоемкая и высокотехнологичная сфера создает возможности для их реализации.

Таким образом, гендерная идентичность — это сложная, многомерная конструкция, привести которую к единообразным представлениям весьма затруднительно. Эта самоидентификация всегда динамична, и говорить об универсальных, предписанных признаках очень сложно. Они изменяются в ходе исторического процесса, смены

поколений, идеологий и т. д. Идентичность не существует в отрыве от ценностей общества, семьи и именно на их почве происходит процесс самоопределения личности. Научная мысль и общественные движения существенно влияют на содержательные аспекты современной гендерной идентичности.

4.3. Идентификация волонтеров в России и Европе (факторы и тенденции)

В основе волонтерства, включающего различные формы взаимопомощи и гражданского участия, которые осуществляются добровольно, без расчета на денежное вознаграждение, лежит глубокий причинно-мотивационный ряд, ценности альтруизма, стремление личности быть социально активным и полезным.

Отличительной особенностью российского волонтерства, выявленной в ряде исследований [1; 4; 6; 7], является большой разрыв между численностью лиц, которые занимаются деятельностью, соответствующей критериям волонтерского труда, и долей тех, которые идентифицируют себя волонтерами (само- или внутренняя идентификация волонтеров, т. е. «считаю себя волонтером») или считают волонтерами других лиц, занимающихся благотворительностью (внешняя идентификация — «его можно считать волонтером»). Идентификация, как внутренняя, так и внешняя, определяется социальными ожиданиями, сформированными в обществе, узнаваемостью волонтерских практик, сложившимся стереотипом волонтера. Заниженная внешняя и самоидентификация волонтеров затрудняет исследование этого социального феномена, сказывается на полноте и достоверности волонтерской статистики, существенно занижает количественные оценки труда волонтеров.

Большой вклад в изучение волонтерства в России вносит Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (ЦИГОиНС). В их исследованиях не раз фиксировался низкий уровень самоидентификации волонтеров. По данным опроса 2017 г. идентифицировали себя волонтерами 18% россиян, в том числе, 6% говорили, что их однозначно можно назвать волонтерами, 12% — что скорее можно их назвать волонтерами. При этом более половины опрошенных указали, что за последний год им приходилось помогать незнакомым людям деньгами (60%), вещами (58%), какими-то действи-

ями (63%) [6, с. 6, 16]. Опрос, проведенный в 2020 г., показал, что 38% россиян за последний год оказывали безвозмездную помощь незнакомым людям, при этом лишь 13% заявили, что считают себя волонтерами, еще 7%, что вроде бы являются волонтерами, но сомневаются в своем статусе. Не выявлено существенной зависимости волонтерской самоидентификации от материального положения, уровня образования, социального статуса, пола респондента. Отмечается связь самоидентификации с волонтерским опытом, посещаемостью волонтерских сайтов, осознанием значимости волонтерского труда и социальным самочувствием опрашиваемых. Лица, которые занимают активную гражданскую позицию и позитивно смотрят в будущее, чаще идентифицируют себя волонтерами. Одним из существенных факторов волонтерской самоидентификации является возраст: молодёжь, чаще идентифицирует себя волонтерами; пенсионеры, как правило, волонтерской идентичностью не обладают. Лица в возрасте 18–24 года реже утверждают, что волонтерами они не являются (63% юношей и 66% девушек соответственно против 78% по населению в целом). Также молодые люди чаще сомневаются, являются ли они волонтерами (15% мужчин и 20% женщин 18–24 лет против 7% в среднем по выборке и 3–7% в других половозрастных группах). Таким образом, молодёжь имеет самый высокий суммарный уровень волонтерской самоидентификации (однозначно относят себя к волонтерам и сомневаются в этом) — 35% среди юношей и 34% среди девушек [7].

Можно назвать несколько причин высокой волонтерской идентификации в молодежной среде. Во-первых, это стереотип, который существует в обществе: волонтеры чаще ассоциируются с молодыми людьми. Во-вторых, школьники и студенты обладают большим свободным временем по сравнению с работающими людьми, что позволяет им более активно заниматься добровольческим трудом. В волонтерство подростков приводит желание получить опыт коммуникаций, приобрести новые знакомства, самореализовать себя, выразить свою жизненную позицию. В-третьих, участие в волонтерстве способствует профессиональной ориентации и получению первых трудовых навыков.

Есть и внешние институциональные факторы. Волонтерство сегодня является важной составляющей государственной молодежной политики в России. Если посмотреть на список волонтерских организаций любого региона, как правило — это молодежные организации, деятельность которых направлена на гражданское и патриотическое

воспитание молодого поколения, часто курируемые Комитетами по молодежной политике. Важными импульсами, способствующими развитию волонтерства и положительно отразившимися на внутренней и внешней идентификации волонтеров, назовем усиление внимания государства и совершенствование законодательства в данной сфере, популяризацию и создание положительного образа волонтера в обществе. Учитывая данный социальный тренд, волонтерский опыт в последние годы является дополнительной рекомендацией при устройстве на работу, учитывается в качестве индивидуальных достижений при назначении повышенных и именных стипендий, при участии в различных конкурсах и соискании грантов, т. е. выполняет роль определенного социального лифта. В 2020 г. Министерство просвещения разработало Методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении в ВУЗы и СУЗы. За активное участие в волонтерской деятельности абитуриентам рекомендовано начислять дополнительные баллы. Количество баллов зависит от регулярности и продолжительности волонтерства, дополнительные баллы можно получить за профильное волонтерство. При этом опыт волонтерской деятельности должен быть подтвержден документами (печатными волонтерскими книжками, грамотами, наградами). Приоритетным подтверждающим документом является выписка (распечатка) из единой информационной системы (ЕИС) в сфере развития добровольчества (волонтерства) DOBRO.ru. Данный ресурс был создан в 2019 г. для обеспечения единой площадки взаимодействия субъектов добровольческой деятельности. Курирует ЕИС «Росмолодежь» совместно с Ассоциацией волонтерских центров. Портал представляет собой банк данных российских волонтеров, прошедших и планируемых волонтерских проектах, волонтерской образовательной среде. Информация, представленная на сайте, носит заявительный характер и обновляется в режиме реального времени. Данные сайта свидетельствуют, что наиболее активное участие в формировании этого ресурса сегодня принимают школьники и студенты. Средний возраст волонтеров, зарегистрировавшихся на сайте, составляет по итогам 2021 г. 23 года, доля волонтеров в возрасте до 18 лет 46,0%, в возрасте 18–24 лет — 25,5%. По данным сайта практически во всех регионах РФ возраст до 18 лет является модальным возрастом волонтеров (в Москве и Санкт-Петербурге модальный возраст находится в интер-

вале от 18 до 24 лет, а средний возраст 27 и 26 лет, соответственно) [12]. Отметим, что данная статистика существенно отличается от официальной статистики волонтерства Росстата, согласно которой средний возраст волонтера в России составлял в 2020 г. 44 года⁵⁴, Этот факт является еще одним подтверждением более высокой волонтерской идентификации среди школьников и студентов, более выраженным желанием заявить о себе получить определённые преференции от волонтерской работы для своей дальнейшей профессиональной и образовательной траектории.

Несмотря на более высокий уровень волонтерской идентификации в молодежной среде, в России наблюдается смещение волонтерской активности в пользу других возрастных групп, о чем свидетельствует статистика волонтерства Росстата, основанная на данных обследований рабочей силы, проводимых в форме опросов населения и ежемесячно охватывающих около 77 тыс. чел. во всех регионах..

По данным Росстата в среднем за 2020г. в течении месяца, предшествующего опросу, волонтерским трудом занимались 1870 тыс. чел, а в течении года, предшествующего опросу — 2755 тыс. чел. (1,9% численности населения старше 15 лет). За период 2016—2020 гг. доля волонтеров в возрасте до 30 лет снизилась с 27,4 до 22,9%, а волонтеров старше 60 лет выросла с 15,3 до 20,6% [14]. Существует возрастная дифференциация вовлеченности в те или иные виды волонтерских практик. Лица старших возрастов больше участвуют в социальных работах, работах по благоустройству и очистке территорий, оказывают помощь животным. Молодежь больше привлекают экологические проекты, организация массовых спортивных и культурных мероприятий [14].

Обратимся к международной статистике волонтерства. Согласно Докладу Программы добровольцев ООН, численность добровольцев в мире в эквиваленте полной занятости достигла 109 млн. чел. По странам уровень развития волонтерствазначительно отличается. В среднем по миру совокупный уровень участия в организованной и прямой (без посредничества организации) волонтерской деятельности в процентах к численности населения старше 15 лет составляет 2,2%, в России — 3,6%, в странах ЕС — 4,3%⁵⁵. При этом внутри Европы наблюдается существенные различия вовлеченности в организованное волонтерство: в Румынии, Венгрии, Италии, Словакии, Чехии,

⁵⁴ Рассчитано по данным бюллетеня Росстата [3, таблица 9.1].

⁵⁵ Здесь и далее рассчитано автором по данным ДООН [13, с. 102, 103; 15, с. 56—58].

Литве от 0,1 до 0,3%; в Нидерландах, Швеции, Австрии — 3% и более. Коэффициент вариации по данному показателю составляет 80,2%, в то время как по уровню прямого волонтерства страны ЕС достаточно однородны — коэффициент вариации 26,6% при среднем значении 2,9%. В странах с хорошо развитой культурой и укоренившимися традициями волонтерства большая часть населения принимает участие в благотворительности через организации. В Швеции доля организованного волонтерства 60,6%, в Нидерландах 59,9%, Австрии 53,3%, в то время как в странах ЕС в среднем 32,6%, в России 10,9%. На наш взгляд, в странах с высокой долей организованного волонтерства, существует проблема идентификации прямых волонтеров, поскольку волонтерская работа чаще всего ассоциируется с деятельностью религиозных и светских благотворительных организаций, при этом многие, особенно разовые, спонтанные, нерегулярные волонтеры, не идентифицируют себя с волонтерами. Это подтверждается наличием слабой отрицательной корреляции между уровнем организованного и прямого волонтерства в странах ЕС (коэффициент корреляции $-0,353$).

Так же, как и в России, в большинстве европейских стран волонтерство больше распространено в молодёжной среде. При этом на возрастной состав волонтерских общностей различных государств оказывает влияние демографический состав населения. Доля молодых волонтеров выше в тех странах, где выше доля лиц молодых возрастов в общей численности населения. В Западной Европе, переживающей демографическое старение, доля волонтеров отдельных возрастных групп примерно одинакова. При этом многие исследования фиксируют снижение молодёжного волонтерства в Европе, даже в тех странах, где волонтерство является одной из национальных традиций. Причины этого связывают со снижением социальности, экономической нестабильностью и уязвимостью молодежи на рынке труда, сменой стереотипов поведения и подменой культурных ценностей.

Вместе с тем в некоторых европейских странах официально признается статус только молодых волонтеров, а положения, регулирующие волонтерскую деятельность, содержатся в законах по молодежной политике. Закон о молодежи Латвии дает определение термина «молодежное волонтерство», а также регулирует ответственность принимающих организаций в отношении молодых волонтеров. Правовые рамки в Косово признают только молодежное волонтерство, определение которого и основы регулирования содержатся в Законе о расширении

прав и возможностей молодежи. Закон о волонтерской деятельности Молдовы содержит обширный список льгот для молодых волонтеров, например, волонтерство учитывается в общем стаже работы, засчитывается в качестве академических часов у студентов [2].

Особую поддержку молодежному волонтерству оказывает Европейское правительство. Например, Европейская комиссия финансирует крупнейшую молодежную волонтерскую организацию — Программа Европейского корпуса солидарности (European Solidarity Corps). Программа предоставляет молодым людям в возрасте от 18 до 30 лет возможность участвовать в совместной деятельности, способствующей положительным социальным изменениям в обществе; совершенствовать навыки и компетенции для личного, образовательного, социального, гражданского, культурного и профессионального развития; помогает в трудоустройстве и выходе на рынок труда.

В Европе широкое распространение получили волонтерские программы для подростков 14–17 лет (teenage volunteering). Молодые люди приезжают в волонтерские лагеря на 2–3 недели, при этом они работают по 4–5 часов в день, в оставшееся время путешествуют, знакомятся с местной культурой и обычаями, организуют вечеринки и просто общаются, совершенствуя свои языковые и коммуникационные навыки. Волонтерские подростковые лагеря бывают разной направленности: ART — волонтеры участвуют в проведении культурных мероприятий, фестивалей, концертов; ENVI — экологические проекты, посадка деревьев, уход и наблюдение за животными; AGRL — сбор овощей, фруктов, ягод; CONS/RENO/REST — строительство, ремонт, реставрация самых разных объектов (детских площадок, школ, исторических памятников и др.).

Несмотря на наличие общих институциональных структур, волонтерское движение в Европе продолжает развиваться по отдельным национальным траекториям. Причин этому несколько: исторический фактор, разные национальные модели регулирования волонтерского движения (на сегодняшний день в ЕС их выделяют три [2]), политическая и экономическая обстановка. По мнению Певной М.В., сегодня можно говорить о едином европейском волонтерском обществе, состоящем из множества национальных подобществ [10, с. 103]. Среди других особенностей современного этапа волонтерства в Европе выделяют поддержку на общеевропейском уровне включения депривированных социальных групп в волонтерскую деятельность

как средство преодоления социальной и культурной разобщенности европейцев; трансформацию в сознании европейцев образа волонтерской деятельности как малопrestiжного труда, не требующего профессиональной квалификации; недооценку в общественном дискурсе неформальных видов волонтерской деятельности и др. [10, с. 119–120]. Указанные особенности безусловно сказываются на процессах внешней и внутренней волонтерской идентификации в сторону ее снижения.

По данным статистики благотворительного фонда Charities Aid Foundation (CAF), который уже много лет занимается анализом волонтерства и рассчитывает рейтинги стран на основе Мирового индекса благотворительности (World Giving Index — WGI), европейскими лидерами по участию населения в волонтерстве являются страны, имеющие достаточно глубокие корни и традиции добровольчества, ставшего частью культуры национальных общностей. Лидерами среднего рейтинга CAF за период 2009–2018 гг. среди стран ЕС являются Ирландия (значение WGI 56%), Австрия (55%), Великобритания (54%), Нидерланды (53%). Есть страны, где культура и традиции волонтерства не сформировались, либо претерпели существенную трансформацию во времена коммунистических режимов, когда третий сектор был слабо развит, либо существенно регламентировался государством. Самые низкие значения индекса WGI в Хорватии (21%), Литве (19%), Болгарии (19%), Греции (16%) [9].

Говоря о современных тенденциях формирования волонтерской идентичности, нельзя не отметить такой фактор, как цифровизация. По мнению исследователей, в ее влиянии много противоречий [5, с. 175]. С одной стороны, наблюдается недостаточная волонтерская самоидентификация у лиц, осуществляющих безвозмездные услуги в Интернете. Они, как правило, не идентифицируют себя с волонтерским сообществом, просто делятся информацией, отвечают на вопросы в рамках своих компетенций, записывают обучающие видео, занимаются каучсерфингом и проч. С другой стороны, появление новых терминов, таких как онлайн-волонтеры, кибер-волонтеры, медиа-волонтеры, безусловно способствует волонтерской идентификации. Позитивно сказывается на волонтерской идентификации и возросшая эффективность самоорганизации волонтеров с помощью интернет-взаимодействия, особенно в экстренных ситуациях, когда необходимо быстрое реагирование и поиск необходимых ресурсов. Поскольку

молодое поколение является более активными пользователями различных интернет-ресурсов и быстрее откликается на внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, цифровизации оказывает более сильное влияние прежде всего на идентификацию молодых волонтеров.

Среди негативных тенденций выделим ложную волонтерскую идентификацию, которую можно наблюдать, когда востребованный и позитивный социальный образ волонтера является средством манипуляции и используется для достижения целей, отличных от волонтерства. Например, в последнее время активизировалось движение доул, которые часто называют себя «волонтерами-доулами». Неумалая миссия доул и учитывая растущий спрос на их услуги, подчеркнем, что к волонтерскому движению доулы не имеют никакого отношения, поскольку это коммерческая высокооплачиваемая деятельность, хотя и может координироваться некоммерческими организациями [11]. Иногда ложно идентифицируют и называют себя волонтерами лица, проходящие стажировки с целью получения профессиональных навыков и будущего трудоустройства. Стажировки и волонтерство объединяет бесплатный, безвозмездный характер работы, но по своей сущности — это разные виды деятельности, в основе которых лежит разная мотивация.

Волонтерское движение может выступить эффективным способом формирования культурной и национальной идентичности в пространстве традиционных моральных ценностей.

4.4. Этническая идентичность студентов как фактор устойчивого развития мультикультурного региона⁵⁶

Этническая идентичность является представлением о принадлежности к большим социальным группам, которое появляется у индивида в процессе социализации. Идентичность — результат процесса осознания собственной принадлежности к социальной группе, в данном случае к национально-этнической общности. Исходя из этого, если процессы взросления и социализации проходят в этнически

⁵⁶ The paragraph has been made with the support of the Erasmus+ Programme of the European Union. This publication [communication] reflects the views only of the author, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

смешанной среде, создание идентичности начинает иметь свои особенности: в частности, идентификация может быть затруднена или дифференцирована, а также не быть привязанной к какому-либо конкретному этносу.

Вопросы этнической идентичности также становятся актуальными в свете концепции устойчивого развития региона. Данная концепция, ставшая в последнее время достаточно актуальной, начала использоваться в научном дискурсе в 1970–1980-е годы. Основные идеи устойчивого развития были заложены в ряде программных документов ООН, что во многом стало ответом на опасения, изложенные в отчете Д. Медоуза и его коллег «Пределы роста. Доклад «Римскому клубу» о пределах технологического и демографического роста, сделанный в 1972 г в Вашингтоне. [1, с. 23]. Несмотря на то, что в дальнейшем этот отчет подвергся серьезной критике, он актуализировал проблему границ развития общества и дал толчок к появлению новых работ в этом направлении, в том числе по разработке концепции «Устойчивое развитие общества». Стоит отметить, что достижение устойчивого развития региона в ситуации когда этническая идентичность его населения размыта или же, что еще хуже, имеет этноцентричную, изоляционистскую направленность, представляется крайне проблематичным. Таким образом получение актуальной информации о собственных представлениях различных национальностей и их отношениях к другим является важной частью оценки параметров устойчивого развития территории.

Стоит сказать, что этническая идентичность играет значительную роль в процессах мобилизации индивидов. Этническая идентичность — это основа для формирования самобытности, что в свою очередь позволяет индивидам, принадлежащим к какой-либо социальной группе отличать себя от других. Таким образом этническая идентичность в случае необходимости используется для мобилизации по признаку национальной принадлежности. Все это определяет необходимость исследований этнической идентичности, в том числе среди молодежи, которая больше всего подвержена изменениям и процессам, связанным с мобилизацией, которые далеко не всегда несут конструктивный характер.

В исследовании была применена методологическая разработка Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой [2, с. 167], позволяющая диагностировать степень национального самосознания в ситуациях неблагопри-

ятного межнационального взаимодействия. Рост этнической нетерпимости является одним из важных индикаторов, указывающих на трансформацию этнической идентичности. Стоит отметить, что вопросы терпимости и интолерантности — это одна из важнейших проблем межэтнических отношений, которые находятся в процессе роста напряженности между национальностями. Все это стало ключевым моментом при построении опросника, использованного в исследовании. Уровень этнической толерантности индивида в описываемой методике исследуется на основе следующего:

- степень «негативизма» к своей и другим национальным группам;
- эмоциональная реакция на иноэтническое окружение;
- степень выраженности враждебных и негативных реакций по отношению к иным группам.

Виды идентичности, характеризующиеся разным качеством и степенью актуализации этнической терпимости, были определены авторами основываясь на шкале этноцентризма. Начальной точкой стало «отрицание» идентичности. В этом случае наблюдается негативизм и нетерпимость к своей этнической группе. На другом конце континуума располагается национальный фанатизм, представляющий собой апофеоз нетерпимости и самую большую степень негатива к другим национальным группам. Наиболее приемлимым типом этнической идентичности считается «позитивная» (нормальная) идентичность, когда человек позитивно относится к своему народу и так же положительно к другим национальностям.

Предметом исследования была специфика проявления этнической идентичности у студентов Астраханского государственного университета (АГУ), Астраханского государственного технического университета (АГТУ) и у студентов Астраханского государственного медицинского университета (АГМУ).

Генеральная совокупность представлена студентами в возрасте от 18 до 27 лет, обучающихся на 1–4 курсах бакалавриата; 1–2 курсах магистратуры АГТУ и АГУ и 1–6 курсов АГМУ. Объём выборочной совокупности равен 200 человек (25% русских, 25% казахов, 25% татар и 25% представителей народов Кавказа).

Отбор респондентов был осуществлён целевой методикой. В качестве параметров отбора (квотных признаков) использовалась этническая принадлежность студента. В качестве метода сбора социологической информации был выбран метод опроса в форме он-лайн

анкетирования. Электронная анкета была создана на платформе Google forms, она же использовалась для распространения и сбора анкет.

Прежде всего в исследовании мы обратили внимание на то, какое место занимает этническая идентичность в структуре идентичностей астраханского студенчества. Таким образом было установлено, что большинство респондентов (36,3%) считают себя, в первую очередь, представителями своего поколения, то есть молодёжью, также больше четверти опрошенных (31,3%) считает себя гражданами Российской Федерации. Меньшая доля опрошенных (21,3%) определяют себя в первую очередь как представителей какой-либо национальности (рисунок 4.4.1). Исходя из этого можно сделать вывод о том, что этническая идентичность не является основной для студенческой молодежи г. Астрахани и по своей актуализированности уступает общегражданской и возрастной, которая занимает лидирующие позиции.

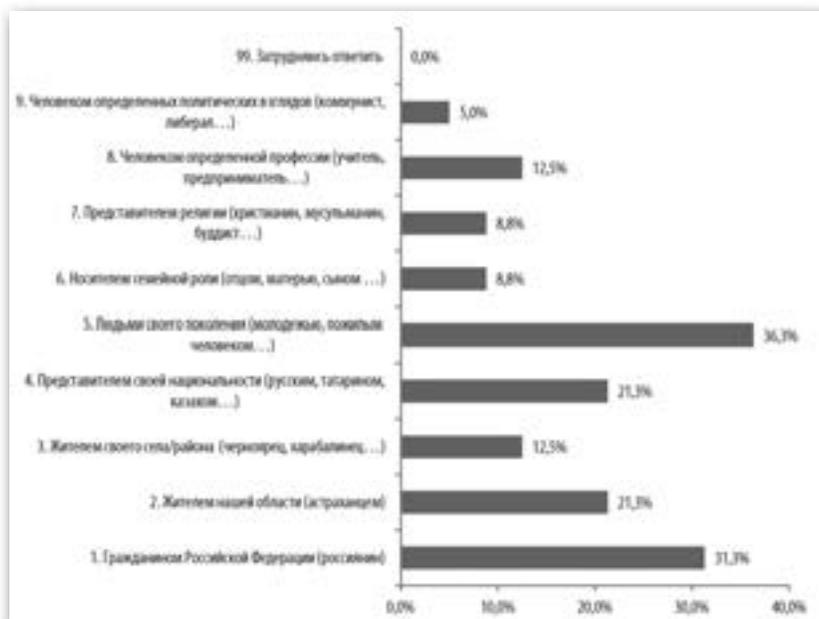

Рисунок 4.4.1. Ответы на вопрос «Представителями какой социальной общности Вы себя чувствуете прежде всего?» (в %)

В то же время нами было установлено, что респонденты в равных долях соблюдают строгое следование национальным традициям и культуре (22,5%), не следуют традициям своей национальной культуры (22,5%), соблюдают большинство национальных обычаев и традиций ради членов своей семьи (22,5%). В последнем случае можно выдвинуть предположение о наличии влияния родственных связей на степень и характер проявления этнической идентичности, что соответствует положениям психологическим концепциям этнической идентичности и теориям символического интеракционизма [3, с. 97].

В дальнейшем нами было исследовано какой тип этнической идентичности преобладает в студенческой среде. Наиболее популярным типом, присущим большинству опрошенных (63,5%) оказалась позитивная, «нормальная» этническая идентичность. Как уже было отмечено, это позитивный тип этнической идентичности, характеризующийся сочетанием положительного отношения человека к своему и другим народам. Позитивная этническая идентичность имеет характер нормы в полиэтническом обществе и свойственна подавляющему большинству, что подтверждается результатами проведённого анализа. В большей степени позитивный тип этнической идентичности присущ представителям русской (52,8%) и татарской (26,4%) национальностей.

Почти пятой части опрошенных (17,5%) свойственна этническая идентичность, проявляющая себя в форме этнической индифферентности, которая выражается в неопределенности этнической принадлежности или неактуальности этничности для человека.

Такие типы этнической идентичности как этноэгоизм (7,5%) и этнофанатизм (4%) не получили широкого распространения среди участников опроса. Однако интересно заметить, что данные типы присущи практически в равной степени представителям русской национальности и представителям народностей Кавказа. Среди опрошенных с этноэгоистическим типом половина (50%) являются людьми кавказской национальности и треть (33,3%) — русскими. Больше половины опрошенных с выявленным этнофанатизмом (57,1%) являются русскими, и больше четверти респондентов (28,5%) — людьми кавказской национальности.

Этнический изоляционизм присущ лишь небольшой доле опрошенных (5%), при этом он сочетается с её одним или несколькими типами этнической идентичности. На основе полученных данных

можно предположить, что этнический изоляционизм присущ в равных долях представителям кавказских народов (50%) и татарам (50%).

Этнонигилистический тип, который подразумевает отход от этнических критериев в самоопределении, получил наименьшее распространение среди опрошенных (2,5%). Такой тип идентичности прежде всего характерен для представителей казахской национальности (66,6%).

Таким образом, подводя итог анализу полученных в результате проведенного исследования данных, можно сделать вывод, что в студенческой среде самоопределение в соответствии с принадлежностью к определённой этнической группе нельзя назвать актуальным. Значительная часть молодых людей ценит свою национальную принадлежность, но в большей степени стремится идентифицировать себя с другими социальными общностями и группами. Стоит также отметить, что преобладающим типом этнической идентичности является позитивная (нормальная) идентичность. Это позволяет сделать позитивные прогнозы относительно вклада данного социального феномена в достижение устойчивого развития Астраханской области: сочетание положительного отношения человека к своему и другим народам является позитивной предпосылкой к созданию благоприятного климата для взаимодействия народов на территории региона.

ЛИТЕРАТУРА

П. 4.1

1. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. — М.: Логос, 2006. — 320 с.
2. Майборода А. Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России / А. Майборода, А. Саблина, В. Ясавеев // Социологическое обозрение. — 2021. — Т. 20. — № 3. — С.71–97.
3. Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic / ed. by Jeffrey C. Alexander, Dominik Bartmański, and Bernhard Giesen // Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life. — New York: Palgrave Macmillan, 2012. — P. 25–39.
4. Bottici C. Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary / C. Bottici. — New York: Columbia University Press, 2014. — 272 p.
5. Flanagan C. Civic Engagement and the Transition to Adulthood / C. Flanagan, P. Levine // Future Child. — 2010. — Vol. 20. — №1. — P.159–179.

6. Flanagan C. Who among European youth are active citizens at the EU level and why? / C. Flanagan // *European Journal of Developmental Psychology*. — 2018. — Vol. 15. — No. 3. — P. 355–359.
7. Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories / B. Giesen // *Time & Society*. — 2004. — Vol. 13. — № 1. — P. 27–40.
8. Giesen B. Ambivalent Representations and Fragile Boundaries: Heroes, Victims, Perpetrators / B. Giesen. Ed. by Armando Salvatore, Oliver Schmidtke and Hans-Jorg Trezn // *Rethinking the public sphere through transnationalizing Processes Europe and Beyond*. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — P. 75–90.
9. Krastev I. The Crisis: Solidarity, Elites, Memory, Europe / I. Krastev // *Solidarity and the Crisis of Trust*. Gdańsk: European Solidarity Centre. — 2016. — P. 51–62.
10. Krastev I. The Fear of Shrinking Numbers / I. Krastev // *Journal of Democracy*. — 2020. — Vol. 31. — № 1. — P. 66–74.
11. Luhmann N. Introduction to Systems Theory / N. Luhmann. — Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. — 284 p.
12. Pickard S. Politics, Protest and Young People / S. Pickard. — L.: Palgrave Macmillan, 2019. — 508 p.
13. Riley A. On “The Flight 93 Election”: Enemies and Apocalypticism in American Political Culture / A. Riley. Ed. By Mast J, Alexander. J.C. // *Politics of Meaning/Meaning of Politics: Cultural Sociology of the 2016 U.S. Presidential Election*. — Cham: Palgrave Macmillan, 2016. — P.149–161.
14. Stiegler B. Symbolic Misery Volume 1: The Hyperindustrial Epoch / B. Stiegler. — Cambridge: Polity Press, 2014. — 118 p.
15. Stiegler B. The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism / B. Stiegler. — Cambridge: Polity Press, 2019. — 418 p.

П. 4.2

1. Ананченкова П.И. STEM-фриланс: новые возможности женской занятости // *Материалы научной конференции. Гендерное измерение цифровой экономики*. — 20–21 апреля, 2018. — URL: http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/c93/gender_dimension_materials.pdf.
- Кон И.С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1988.
2. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке: образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2-х т. — М.: Радуга, 1992. Т. 2. — с. 80.
3. Нойман Э. Глубинная психология и новая этика. — СПб.: Гуманитарное агентство, Академический проект, 1999.
4. Отношение к ЛГБТ. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/opros04.php>.
5. Романова М. Статья новым этичным // *Артгид*. — URL: <https://artguide.com/practices/2107>.

6. Страница в VK «Тамара какого хрена» / Пост от 6 ноября 2021 г. — А какие основные отличия вашего поколения от нашего? — URL: https://vk.com/odonata_live.

7. Сериал «Код-100». — 2015, триллер, Швеция, Германия.

8. Фукуяма Ф. Стремление к признанию и политика неприятия. — М.: ООО «Альпина Диджитал», 2019. — URL: [http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/%D0%A4%D0%A3%D0%9A%D0%A3%D0%AF%D0%9C%D0%90-8%20-%20%D0%98%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%202018\(2019\).pdf](http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/%D0%A4%D0%A3%D0%9A%D0%A3%D0%AF%D0%9C%D0%90-8%20-%20%D0%98%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%202018(2019).pdf).

9. Холл С. Вопрос культурной идентичности. — 2010. — № 77–78. — URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>.

10. Lopukhova O. G. Influence of Contemporary Gender Transformation On the Personality Gender System / Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 86 (2013). — P. 192–197.

11. Baily J.M. Pillard R.C. A Genetic Study of Male Sexual Orientation. — Arch Gen Psychiatry, 1991. — 48(12). — P. 1089–1096.

12. Fausto-Sterling A. Five sexes. Why Male and Female Are Not Enough. — THE SCIENCES. — March/April 1993.

П. 4.3

1. Быков И.А. Проблема волонтерской идентичности: возможные пути решения в регионе / И.А. Быков, А.А. Кузминчук // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22–23 апреля 2019 г.: в 2-х т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — Т. 1. — С. 48–51.

2. Волонтерская деятельность — европейские практики регулирования. Доклад Европейского Центра Некоммерческого Права (ЕЦНП). — URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/09/ECNL-VOLONTERSKAYA-DEYATELNOST-EVROPEJSKIE-PRAKTIKI-REGULIROVANIYA.pdf>.

3. Итоги выборочных обследований рабочей силы 2020. Стат бюллетень // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

4. Кузминчук А.А. Государственное регулирование волонтерства как социальной общности и социального института: маг. дис. / А.А. Кузминчук. — Екатеринбург, 2014. — 90 с.

5. Кульминская А. В. Добровольчество в сети Интернет: проблемы идентификации // Вестник Сургутского государственного университета. — 2019. — №5. — С.169–178.

6. Мерсиянова И.В. Мотивация волонтерской деятельности. — URL: <https://grans.hse.ru/data/2018/02/08> (дата обращения: 11.12.2021).

7. Мерсиянова И.В. Факторы формирования волонтерской идентичности россиян // Самоорганизация граждан. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ

об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. — 2020. — С. 90–94.

8. Методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам среднего профессионального и высшего образования. — URL <https://docs.cntd.ru/document/564855492>.

9. Мировой рейтинг благотворительности // Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ». — URL: <http://cafrussia.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti.html>.

10. Певная М.В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: дис. ... д-ра социол. наук / И.В. Певная. — Екатеринбург, 2016. — 368 с.

11. Проект «Доулы-волонтеры (сиделки в родах) в каждом роддоме Москвы и Московской области». Сайт Фонда президентских грантов. — URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=FC5CDABE-E1E8-4CB6-A385-F8A96CDC173E> (дата обращения: 07.12.2021).

12. Сайт DOBRO.RU. — URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source (дата обращения: 14.12.2021).

13. Связующая нить: Добровольчество и устойчивость сообществ Отчет о состоянии добровольчества в мире за 2018 год. — URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf.

14. Флуд Н.А. Статистический анализ добровольческой (волонтерской) деятельности в России (по данным выборочных обследований рабочей силы) / Н.А. Флуд, П.М. Дашкевич // Параметрические и непараметрические методы в анализе социально-экономических процессов / под научной редакцией М.В. Бочениной, И.И. Елисейевой. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. — С.145–160.

15. Salamon L., Sokolowski S., Haddock M. The Scope and Scale of Global Volunteering: Current Estimates and Next Steps. A Background Paper for the 2018 State of the World's Volunteerism Report. — 2018. — URL: https://www.researchgate.net/publication/330543604_The_Scope_and_Scale_of_Global_Volunteering_Current_Estimates_and_Next_Steps_A_Background_Paper_for_the_2018_State_of_the_World's_Volunteerism_Report (дата обращения: 24.11.2021).

П. 4.4

1. Медоуз, Д. Пределы роста: пер. с англ. / Деннис Медоуз, Донелла Медоуз, Й. Рандерс. — М.: Московский университет, 1991. — 208 с

2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998. — 363 с.

3. Широкова Т.И. Концептуальные истоки и основы теории этнической идентичности // Власть. — 2010. — № 6. — С. 95–98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ачкасов Валерий Алексеевич**, д-р полит. наук, проф., зав. каф. этнополитологии, Санкт-Петербургский государственный университет, val-achkasov@yandex.ru
- Балабейкина Ольга Александровна**, канд. геогр. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический университет, olga8011@yandex.ru
- Браницкий Андрей Геннадьевич**, д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, abranitskiy@yandex.ru
- Вайнгорт Владимир Леонтьевич**, д-р экон. наук, член правления Консалтинг «Кардис», kardis@kardis.ee
- Викторова Елена Владимировна**, канд. экон. наук, директор Международного информационно-аналитического центра, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, elena.viktorova@mail.ru
- Власова Наталья Владимировна**, канд. филос. наук, аналитик Международного информационно-аналитического центра, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, vnvnov.20@gmail.com
- Григорьев Александр Владимирович**, канд. социол. наук, доц., Астраханский государственный университет, groeu@yandex.ru
- Гюнтер Йоханн**, д-р техн. наук, проф., Университет в Кремсе-на-Дунае, генеральный секретарь, международная ассоциация eНауки (IAFeS), johann@johannguenther.at
- Завершинский Константин Федорович**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, zavershinskiy200@mail.ru
- Захаров Андрей Александрович**, канд. филос. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет, hazarov@gmail.com
- Иванушкина Екатерина Владимировна**, начальник отдела воспитательных систем и технологий, Центр профессионального образования Самарской области, преподаватель, Самарский университет им. академика С.П. Королева, ivanushkina@cposo.ru
- Киселева Людмила Сергеевна**, д-р социол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, kiseleva-l@mail.ru
- Кондратьева Наталия Борисовна**, канд. экон. наук, доц., вед. науч. сотрудник, ученый секретарь, Институт Европы РАН, nkondratieva@inbox.ru
- Лосада Рамирес Альдо**, аспирант, Российский университет дружбы народов, 1042205113@rudn.university
- Луковицкая Елена Геннадьевна**, канд. психол. наук, доц., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, e.luk@bk.ru

Подставко Елена Николаевна, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, almanach_005@rambler.ru

Пронякина Елизавета Дмитриевна, канд. полит. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, pronyakina-ed@ranepa.ru

Райнхардт Роман Отмарович, канд. экон. наук, доц., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, don.reinhardt@mail.ru

Руснак Антон Павлович, аспирант, Российский университет дружбы народов, Rusnak_anton7777@mail.ru

Солодянкина Екатерина Игоревна, студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, katuя_solodyankina@mail.ru

Федорова Анна Валерьевна, канд. филос. наук, доц., Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС, 361955@bk.ru

Флуд Наталья Александровна, канд. экон. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический университет, fna1963@rambler.ru

Хорольцева Елена Борисовна, канд. филос. наук, доц., Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС, horolceva-e@mail.ru

Шишкина Евгения Владимировна, канд. социол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Zhenjash@yandex.ru

Шогунц Анна Вардановна, аспирант, Институт Европы РАН, annashoghunts@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Achkasov Valery Alekseevich, Dr. in Political Sciences, Prof., Head of Department of Ethnopolitology, Saint Petersburg State University, val-achkasov@yandex.ru

Balabeikina Olga Alexandrovna, PhD in Geographical Sciences, Saint Petersburg State University of Economics, olga8011@yandex.ru

Branitskiy Andrey Gennadyevich, Dr. in Historical Sciences, Prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, abranitskiy@yandex.ru

Vaingort Vladimir Leontyevich, Dr. in Economic Sciences, Prof., Board Member of “Kardis” Consulting, kardis@kardis.ee

Viktorova Elena Vladimirovna, PhD in Economic Sciences, Director of International Analytic Centre, Saint Petersburg State University of Economics, elena.viktorova@mail.ru

Vlasova Natalia Vladimirovna, PhD in Philosophy, analyst of International Analytic Centre, Saint Petersburg State University of Economics, vnvnov.20@gmail.com

Grigorev Alexandr Vladimirovich, PhD in Sociology, Associate Prof., Astrakhan State University, proeu@yandex.ru

Günther Johann, Dr. in Technical Sciences, Prof., Danube Krems University, Secretary General, International Association for eScience (IAFeS), johann@johannguenther.at

Zavershinskiy Konstantin Ferdorovich, Dr. in Political Sciences, Associate Prof., Saint Petersburg State University, zavershinskiy200@mail.ru

Zakharov Andrey Aleksandrovich, PhD in Philosophy, Associate Prof., Russian State University for the Humanities, hazarov@gmail.com

Ivanushkina Ekaterina Vladimirovna, Head of the Department of Educational Systems and Technologies, Center for Vocational Education of Samara Region, Lecturer, Samara National Research University named after S.P. Korolev, ivanushkina@cposo.ru

Kiseleva Liudmila Sergejevna, Dr. in Sociology, Associate Prof., Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, kiseleva-l@mail.ru

Kondratieva Natalia Borisovna, PhD in Economic Sciences, Associate Prof., Leading Researcher, Academic Secretary, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, nkondratieva@inbox.ru

Lozada Ramirez Aldo, PhD student, Peoples’ Friendship University of Russia, 1042205113@rudn.university

Lukovitskaya Elena Gennadevna, PhD in Psychology, Associate Prof., Yaroslav the Wise Novgorod State University, e.luk@bk.ru

Podstavko Elena Nikolaevna, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University of Economics, almanach_005@rambler.ru

Proniakina Elizaveta Dmitrievna, PhD in Political Sciences, Associate Prof., North-West Institute of Management — branch of RANEPa, pronyakina-ed@ranepa.ru

- Raynkhardt Roman Otmarovich**, PhD in Economic Sciences, Associate Prof., Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), don.reinhardt@mail.ru
- Rusnak Anton Pavlovich**, PhD student, Peoples' Friendship University of Russia, Rusnak_anton7777@mail.ru
- Solodiankina Ekaterina Igorevna**, student, Saint Petersburg State University of Economics, katya_solodyankina@mail.ru
- Fedorova Anna Valeryevna**, PhD in Philosophy, Associate Prof., Stolypin Volga Region Institute — branch of RANEPa, 361955@bk.ru
- Flud Natalia Aleksandrovna**, PhD in Economic Sciences, Associate Prof., Saint Petersburg State University of Economics, fna1963@rambler.ru
- Khorolceva Elena Borisovna**, PhD in Philosophy, Associate Prof., Stolypin Volga Region Institute — branch of RANEPa, horolceva-e@mail.ru
- Shishkina Evgeniia Vladimirovna**, PhD in Sociology, Associate Prof., Saint Petersburg state university, Zhenjash@yandex.ru
- Shogunts Anna Vardanovna**, PhD student, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, annashoghunts@mail.ru

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Монография

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Подписано в печать 22.02.2022. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 150 экз. Заказ 95.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ